

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2012 – 10 (244)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2012**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2012. – № 10 (244). – 168 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Ефременко. В ожидании штормовых порывов.	
Российская внешняя политика в эпоху перемен	5
Стивен Коэн. Провалившаяся американская двухпартийная	
политика в отношении России.....	20
Дмитрий Фролов, Александр Макеев. Геополитическая	
конкуренция в информационном пространстве	
современного российского общества.....	28
Мариэтта Степанянц. Роль диалога культур в иденти-	
фикационных процессах постсоветской России.....	33
Л. Иззияева. Анализ региональной безопасности сквозь приз-	
му межэтнических отношений.	
(На примере Республики Башкортостан).....	44
А. Набиуллина. Формирование национального самосознания	
личности в полигэтническом регионе на примере	
Республики Татарстан	47
В. Меркуьев. Терроризм и преступные сообщества,	
действующие на Северном Кавказе	51
Анатолий Кулябин. Реставрация монархий на пост-	
советском пространстве?	60
А. Салиев. Современная роль ислама в общественном	
и политическом пространстве Киргизской Республики.....	69
Людмила Максакова. Оценка трудового потенциала	
Узбекистана с позиций перспектив миграции	90
А. Умнов. Афганистан–Пакистан: Вчера и сегодня	96
Максим Братерский. Иранский кризис разрешится	
в Сирии?	100
Дина Малышева. Новая ближневосточная стратегия	
Турции.....	108
Борис Долгов. Исламистское движение в Тунисе и Марокко	115

<i>Ольга Бибикова.</i> Арабы и французы: Трудности взаимного восприятия	122
<i>И. Титаренко.</i> Межкультурная коммуникация в эпоху глобализации: Толерантность или борьба за культурную идентичность?	135
Суфизм в современном мире	143
Влияние религиозного фактора на общественно-политическую ситуацию на Юге России	158

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

Дмитрий Ефременко,

доктор политических наук, руководитель
Центра социальных научно-информационных
исследований ИНИОН РАН

**В ОЖИДАНИИ ШТОРМОВЫХ ПОРЫВОВ.
РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН**

Описание мировых процессов в терминах турбулентности стало широко распространенным. Росту популярности этого подхода способствовал мировой финансовый и экономический кризис, выход из которого и сегодня кажется не менее далеким, чем в 2008 г. Неуверенность в способности контролировать собственное будущее, о которой применительно к индивиду говорил Пьер Бурдье на исходе XX в., сегодня распространяется на государства, их политические и экономические системы, а также транснациональные объединения. Ничего не исключено и не предрешено – вот та тревожная система координат, в которой мировым лидерам приходится принимать решения. Владимир Путин, продливший (но не гарантировавший) свое пребывание у власти до 2018 г., уже с основанием может считаться одним из старейшин среди них. Но мир и страна, в которой он третий раз становится президентом, радикально изменились по сравнению с тем временем, когда Борис Ельцин передал ему бразды правления. В том, что изменения оказались столь значительными, есть немалая заслуга самого Путина. Однако это не упрощает его будущую задачу.

О нашей недореволюции

Выбор российским руководством внешнеполитических опций в значительно большей степени, чем в начале прошлого десятилетия, будет определяться (или ограничиваться) внутриполити-

тическими возможностями. В предыдущей статье в журнале «Россия в глобальной политике» (2011, № 3) автор уже высказывал предположение, что в период электоральных кампаний конца 2011 – начала 2012 г. российская внешняя политика может оказаться заложницей неконтролируемого развития событий, которое связано с дефицитом легитимности власти, сформированной в результате выборов без реальной политической конкуренции. Теперь, когда драматический рубеж пройден, стоит задуматься о том, не превратится ли Россия в результате случившихся изменений в новый очаг мировой турбулентности. Но прежде нужно сказать несколько слов о том, что же все-таки произошло в период между 4 декабря 2011 и 4 марта 2012 г.

Наиболее уместным будет слово «недореволюция». В свое время такой термин использовали некоторые лидеры студенческих волнений 1968 г., оценивая масштаб воздействия молодежных протестов на социальный и политический строй в странах Запада.

Снижение электоральной поддержки правящей партии «Единая Россия» (согласно официальным результатам думских выборов) и особенно последовавшие за голосованием 4 декабря протестные выступления показали, что политический консенсус начала 2000-х годов перестал существовать. Масштаб демонстраций на Болотной площади и проспекте Сахарова засвидетельствовал кумулятивный рост числа тех, кто имеет «стилистические» разногласия с существующей властью. Хотя детальный социологический портрет «людей с белыми ленточками» еще только предстоит создать, можно говорить о том, что система вертикали власти лишилась поддержки существенной части среднего класса крупных российских городов.

По всей видимости, осознание новой ситуации вызвало у правящего тандема Путин–Медведев определенную растерянность. Протестные выступления побудили дуумвират приступить к частичной политической либерализации, планы которой обсуждались задолго до декабрьских демонстраций. Одновременно произошли изменения в информационной политике государственных электронных СМИ, сопоставимые с прорывом к гласности в конце 1980-х годов.

Но уже в январе 2012 г. команда Путина изменила предвыборную тактику, перейдя к конфронтационной риторике по отношению к протестующим и сочувствующим им внешним силам (под раздачу попал и вновь назначенный американский посол Майкл Макфол). Тем самым удалось консолидировать новую базу

электоральной поддержки Путина и создать предпосылки для существенного изменения соотношения сил на уровне политической элиты. Президентские выборы неожиданно оказались состязательными, но это было состязание власти с разнородной оппозицией, не представленной в избирательных бюллетенях. Уже в феврале пропутинские силы добились перевеса в масштабах митинговой активности. В итоге Владимир Путин впервые одержал победу в условиях политического противостояния, и этот факт будет иметь серьезные последствия для российской политики.

По всей видимости, для лидеров антипутинской оппозиции масштаб протестных выступлений оказался не менее неожиданным, чем для власти. Почти спонтанно возникла причудливая коалиция, объединяющая сторонников либеральных ценностей, левых радикалов и националистов. В этой конфигурации появление единого координирующего центра, способного сформулировать внутренне целостный набор политических требований, оказалось невозможным. Ради поддержания массовости демонстраций лидеры оппозиции упустили шанс своевременно дистанцироваться от сомнительных фигур и организаций, на начальном этапе присоединившихся к протестным выступлениям. В результате еще до выборов 4 марта протестная активность пошла на спад. В целом не только масштаб, но и интенсивность низовой поддержки оппозиционных выступлений оказались недостаточными для того, чтобы дестабилизировать режим. Однако ничего не кончено. Число противников системы, отождествляемой с Владимиром Путиным, не уменьшилось, и нельзя быть уверенным, что они будут спокойно дожидаться завершения его третьего президентского срока.

С момента инаугурации Владимир Путин окажется перед дилеммой – либо всячески укреплять прежнюю авторитарную модель власти, либо пойти на глубокие политические преобразования вплоть до конституционной реформы, которая, наконец, обеспечит встраивание института президентства в систему разделения властей, создаст гарантии независимости судов и средств массовой информации, сделает неизбежным проведение в полном смысле свободных выборов. Скорее всего, Путин и его окружение вначале попытаются консолидировать власть с учетом новых политических реалий. Недореволюция зимы 2011–2012 гг. выявила дисфункциональность прежней коалиции силовиков и системных либералов, на которую Путин опирался с 2000 г. В изменившихся условиях появится потребность в рекрутировании нового поколения управленческой и политической элиты, на которое Путин

сможет опереться. В дальнейшем «новые люди» в нарастающей степени начнут определять будущее страны.

Практически все значимые шаги российской власти в ближайшее время будут делаться с оглядкой, поскольку высока вероятность очередного всплеска протестов. Политические противники Путина будут и впредь ставить под сомнение легитимность и его третьего президентского срока, и нынешнего состава Государственной думы. В случае новой волны экономического кризиса Путину вновь придется налаживать диалог с разными политическими силами, включая и сторонников либеральной демократии западного образца, и радикальных националистов. Задача политического руководства, очевидно, будет состоять в том, чтобы интегрировать в легальный политический процесс и тех и других, предоставив им возможность полноценного участия в региональных и муниципальных выборах, а затем и в избирательных кампаниях федерального уровня. Нормализации политических процессов мог бы способствовать недвусмысленный сигнал о том, что Путин и его окружение готовы ограничиться только шестилетним периодом президентства и не будут стремиться продлить его до 2024 г. В сущности, Путину уже сейчас следовало бы начать разрабатывать стратегию цивилизованного выхода из власти в определенные российской Конституцией сроки.

Российская недореволюция продемонстрировала индифферентность оппозиции к внешнеполитической проблематике. Реакция оппозиционеров на соответствующие высказывания Путина в период предвыборной кампании была довольно вялой, никто из них даже не пытался предложить какие-либо программные установки в этой области хотя бы в порядке реакции на статью кандидата, опубликованную в «Московских новостях». Маловероятно, что в сфере внешней политики существует широкий консенсус между сторонниками и противниками Путина. Нежелание оппозиционеров всерьез втягиваться в дискуссию по внешнеполитической проблематике было скорее связано с тем, что альтернативная платформа пока не выглядит достаточно привлекательной с точки зрения мобилизации избирателей и политических активистов. По сути дела, оппозиция сохранила за Путиным монополию на определение и истолкование российской внешнеполитической повестки.

Общественные процессы, разворачивающиеся в России с конца 2011 г., несомненно, соответствовали основным характеристикам политической турбулентности. Но если рассматривать вы-

боры 4 марта 2012 г. как промежуточный рубеж, то к моменту его преодоления Россия все-таки избежала превращения в новый источник хаотизации мировой обстановки. Внешняя политика пока не превратилась в заложницу внутриполитических изменений, о чем свидетельствует хотя бы самостоятельная линия в сирийском вопросе в начале 2012 г. Тем не менее симпатии и антипатии основных внешних партнеров по отношению к акторам российского политического процесса уже обозначились. В будущем, особенно в условиях нарастания внутриполитической турбулентности, внешнее давление, направленное на поддержку тех или иных сил в России, будет усиливаться. В свою очередь, внешнеполитический выбор кремлевского руководства может оказаться производным от распознавания по принципу «свой–чужой», тогда как другие значимые факторы отойдут на второй план.

Евразийская (постсоветская) интеграция

В период нахождения у власти дуумвира Путин–Медведев произошли значимые изменения в процессах межгосударственного взаимодействия на постсоветском пространстве. Фактически впервые с 1991 г. наметилась смена тренда. Конечно, слишком смело утверждать, что дезинтеграцию и строительство национальных государств окончательно сменил объединительный бум. Однако создание Таможенного союза и формирование Единого экономического пространства в составе России, Белоруссии и Казахстана все чаще рассматривается обозревателями как проект, шансы которого на успех уже отличны от нуля. Стоит заметить также, что именно Владимир Путин, в целом избегавший оспаривать внешнеполитические прерогативы Дмитрия Медведева, сыграл важнейшую роль в запуске этого начинания.

Почему это стало возможным? Внешние условия если и не благоприятствовали экономической интеграции России, Белоруссии и Казахстана, то, во всяком случае, были почти нейтральными. Мировой экономический кризис заметно снизил дееспособность ключевых мировых игроков на постсоветском пространстве. К тому же, как можно предположить, российско-американская перезагрузка включала неафишируемое сторонами понимание, что активность США в вопросах, связанных с политическим и экономическим развитием стран СНГ, будет меньшей, чем при президенте Джордже Буше. Не признавая за Россией права на зону

привилегированных интересов, Соединенные Штаты при Бараке Обаме, видимо, не считали возможным слишком решительно препятствовать укреплению российских позиций на постсоветском пространстве. Что касается Европейского союза, то разработанная по инициативе Польши и Швеции программа «Восточное партнерство» так и не стала эффективным инструментом влияния на постсоветском пространстве. Таким образом, к 2012 г. Россия смогла добиться существенного продвижения интеграционной инициативы.

Эта инициатива, безусловно, остается преимущественно политическим проектом. Идея Евразийского союза, возрожденная к жизни Путиным осенью 2011 г., еще подпитывает политическую составляющую интеграционной активности. Однако в этом кроются и определенные опасности, чреватые подрывом объединительных усилий. Формирование в трехстороннем формате Таможенного союза и предполагаемое образование на его базе Евразийского союза – это проект трех персоналистских авторитарных режимов, из которых российский, особенно после бурной политической зимы 2011–2012 гг., оказывается наиболее мягким. Поэтому логично сконцентрировать усилия на максимальной экономизации проекта, позволяющей сделать интеграционный тренд необратимым и обеспечивающей устойчивость союзных структур вне зависимости от того, что будет происходить «после Назарбаева», «после Лукашенко» или «после Путина». Напротив, шаги в сторону пространственного расширения Таможенного союза и Евразийского союза, например, за счет Киргизии и Таджикистана, едва ли способствуют укреплению экономической основы интеграции. Помимо увеличения экономической нагрузки это будет означать импорт нестабильности и конфликтов. В частности, учитывая напряженные отношения между Таджикистаном и Узбекистаном, было бы опрометчиво пойти на решительное сближение с Душанбе, тем самым значительно осложнив диалог с Ташкентом.

Создание крепкого и здорового (хотя бы экономически) интеграционного ядра постсоветского пространства – важнейшая задача на годы, если не десятилетия. За пределами «большой тройки» в составе России, Белоруссии и Казахстана оправдан выбор в пользу модели разноскоростной интеграции, позволяющей постепенно создавать экономические и политические предпосылки для более тесного сближения все большего числа стран постсоветского пространства. Оптимальный сценарий применительно к Украине мог бы состоять в ее нахождении во втором интеграционном эшелоне. Гипотетическое вхождение Украины в Таможенный союз,

ЕЭП и далее – в Евразийский союз привело бы к значительному ослаблению интеграционного импульса, а в случае очередной смены власти в Киеве – и к деконструкции формирующихся объединений. Создается впечатление, что в Москве стремятся использовать слабость позиций нынешней украинской власти для решения задач, связанных с судьбой газотранспортной системы, а также для вовлечения Киева в какую-либо схему партнерских отношений, предотвращающую «окончательную переориентацию» Украины на Европейский союз. Однако развитие событий в соседней стране после «оранжевой революции» убедительно продемонстрировало невозможность там никаких «окончательных» решений. Для Москвы разумно исходить именно из этого понимания украинской специфики. И если всерьез рассматривать идею Большой Европы «от Лиссабона до Владивостока», то в таком европейском «концерте» у Киева могла бы быть скромная, но самостоятельная партия. России следовало бы признать это и даже помочь Украине найти конструктивную роль связующего звена между Европейским и Евразийским союзами.

Европейский тупик

О том, что отношения между Москвой и Евросоюзом уже не первый год пребывают в тупике, не пишет разве ленивый. Усталость чувствуется даже у тех, кто еще готов предлагать рецепты преодоления застоя. России остается лишь наблюдать за тем, как ЕС будет искать выход из долгового и институционального кризиса. Безусловно, она может внести скромный вклад в решение долговых проблем и в дальнейшем занять тактически выгодную позицию кредитора. В масштабах всего Европейского союза поддержка Москвы будет малозаметной, хотя и ощутимой для отдельных стран (например, Кипра). Возможно, что нынешний момент наиболее удобен для приобретения подешевевших европейских активов, но скупки на корню самых лакомых кусков, например, в высокотехнологичных отраслях, не произойдет.

В последней из своих предвыборных статей Владимир Путин дал ясно понять, что его симпатии на стороне той версии антикризисных реформ и институциональной трансформации, которую отстаивают Берлин и Париж. Точнее, дело даже не в самой версии, а в том, что ее реализация поможет закрепить германо-французское доминирование в единой Европе. Предполагается, что именно такая трансформация окажет благоприятное воздейст-

вие на отношения России и ЕС. Но если сдвиг и произойдет, то явно не в ближайшем будущем.

Долговой кризис Европы обнажил то, что и прежде было всем известно, но старательно камуфлировалось: если до кризиса экономическое лидерство Германии всячески прикрывалось механизмами консенсусного принятия политических решений (даже с известными коррективами, внесенными Лиссабонским договором), означающими распыление политической ответственности, то теперь Берлин просто вынужден брать на себя роль полноценного лидера. Осторожная Ангела Меркель, канцлер Германии, все еще пытается разделить бремя ответственности с Францией, но по сути это мало что меняет. Скорее всего, в момент наивысшей остроты кризиса большинство стран Европейского союза примут диктуемые Берлином условия выхода из долговой ямы, но укрепится и лагерь оппонентов, возглавляемый Лондоном. По мере выхода из кризиса число стран, готовых оспаривать ключевую роль Германии в решении разных проблем, будет возрастать. И здесь возможны разные варианты.

Один из них состоит в том, что механизм принятия решений в ЕС достаточно быстро приведут в соответствие с новыми экономическими реалиями, а принцип «Европа разных скоростей» закрепится на институциональном уровне. Это наиболее благоприятно для начала практических шагов в пользу реализации идеи «Европы от Лиссабона до Владивостока». Расслоение Евросоюза на несколько интеграционных эшелонов способствовало бы появлению дополнительных зон кооперации, служащих «мостиками» от Европейского союза (его основного ядра) к Евразийскому союзу. Реализация дифференцированной модели разноскоростной интеграции заложила бы основу нового мегапроекта с опорными точками в Париже, Берлине, Варшаве, Киеве и Москве. Пока, впрочем, такой сценарий выглядит чисто гипотетическим.

Другой вариант предполагает затягивание процесса переформатирования ЕС, при котором Берлину придется идти на уступки партнерам по второстепенным вопросам. Вероятно, одной из жертв окажется курс в отношении России и стран постсоветского пространства. Именно на восточном направлении симулякр единой внешней политики Евросоюза имеет шанс продлить свою жизнь. Тогда застой в отношениях между Москвой и претерпевающим внутреннюю трансформацию Европейским союзом затягнется на годы. Европа будет заведомо неспособна всерьез обсуждать с Москвой вопросы стратегического партнерства, а самой

России едва ли придется по душе бесконечное переминание с ноги на ногу у закрытого парадного подъезда европейского дома. Соответственно, партнерство Москвы с Брюсселем не станет значимым фактором, способствующим укреплению позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как о том писал Владимир Путин в своей предвыборной статье «Россия и меняющийся мир». Скорее, напротив, решительная активизация российской политики в АТР рано или поздно заставит страны ЕС по-новому взглянуть на перспективы взаимоотношений с крупнейшей страной Евразии.

Третий вариант может быть связан с резким обострением военно-политической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, а также с его долгосрочными геополитическими и геоэкономическими последствиями. Кажущееся все более вероятным столкновение Израиля и США с Ираном актуализирует проблемы энергетической безопасности. Но долгосрочные вызовы связаны уже с последствиями этого столкновения – перспективой перекройки государственных границ на Ближнем и Среднем Востоке, потоками беженцев, борьбой Турции за реализацию амбиций регионального гегемона в Восточном Средиземноморье, на Южном Кавказе и в Центральной Азии, возрождением призрака суннитского халифата от Мекки до Касабланки. Осознание общности угроз, несомненно, является одним из самых мощных стимулов сближения государств.

Азиатско-Тихоокеанское «окно возможностей»

Знаменательно, что приходящееся на 2012 г. председательство России в форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества совпало с перемещением фокуса мировой политики в этот регион. Если определяющим фактором трансформации системы международных отношений становится борьба за глобальное лидерство между Соединенными Штатами и Китаем, то поле противостояния, очевидно, – пространство Восточной Азии и Тихого океана. Тем более что центр тяжести мировой индустриальной и финансовой активности сдвигается из Евро-Атлантики в АТР. Происходит перегруппировка сил, в которой Россия пока не принимает активного участия, избегая преждевременного встраивания в какую-либо политico-экономическую конфигурацию. Однако, несмотря на усиливающееся напряжение, связанное с этой перегруппировкой, АТР остается вполне стабильной и сравнительно экономически благополучной частью мира, присутствие в

которой для Москвы есть важнейшее условие успешного развития в XXI в. «Поворот на Восток» сопряжен с рисками, но намного больше риск бездействия, когда окно возможностей просто-напросто захлопнется.

Радикальное изменение повестки российско-американских отношений вероятно только в том случае, если обе стороны сумеют совместно определить новый баланс интересов в АТР и именно его рассматривать в качестве контекстообразующего фактора для всего комплекса взаимодействий между Москвой и Вашингтоном. Во-первых, этот баланс интересов должен включать в себя экономическую кооперацию, в том числе формирование и развитие региональных зон свободной торговли. Во-вторых, он предполагает поддержку активного вклада России в обеспечение АТР энергоресурсами, включая широкую диверсификацию каналов и направлений этих поставок. Такое взаимопонимание в вопросах обеспечения АТР энергоносителями должно предполагать отход от конфронтационной политики в области европейской энергобезопасности, где до последнего времени США выступали в роли основного лоббиста альтернативных маршрутов поставок нефти и газа, позволяющих снизить зависимость Европы от России. В-третьих, для Соединенных Штатов и ориентированных на них стран АТР должны открыться широкие возможности участия в развитии Сибири и российского Дальнего Востока. По крайней мере, такие же, как у КНР. В-четвертых, Россия могла бы признать, что существенное военное присутствие США в АТР не угрожает ее безопасности. Более того, перспектива дальнейшего наращивания американской военной мощи в регионе приемлема при условии, что она не будет вести к подрыву усилий самой России в области стратегической безопасности. Однако для этого и Соединенным Штатам придется продемонстрировать готовность учитывать интересы безопасности России на постсоветском пространстве, в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке.

Впрочем, шансы на позитивную «перезагрузку перезагрузки» российско-американских отношений не очень велики, по крайней мере в ближайшие годы. Отношения с Россией давно перестали быть в Вашингтоне предметом двухпартийного консенсуса. Вероятно, еще долгое время серьезные усилия по российско-американскому сближению будут блокироваться влиятельной группой американских законодателей, заинтересованных в голосах антироссийски настроенных выходцев из стран Центральной и Восточной Европы. Возможно, риторическая составляющая рос-

сийско-американских интеракций даже усилится. В частности, предлагаемый Джоном Маккейном и рядом его коллег «размен» винтажной поправки Джексона-Вэника на «Акт Сергея Магнитского», не решив ни одной практической проблемы, усугубит недоверие между сторонами. История со случайным обнародованием разговора Барака Обамы и Дмитрия Медведева в Сеуле и последовавшая антиобамовская и одновременно антироссийская кампания со стороны Митта Ромни и прочих республиканцев – еще одна иллюстрация невозможности вырваться за рамки клише.

Вместо совместного поиска возможностей сотрудничества в АТР как основы новой повестки российско-американских отношений произойдет дальнейшая эрозия скромных достижений перезагрузки. Нынешняя повестка двусторонних отношений, в которой центральную роль играет проблема ПРО, окажется законсервированной до конца текущего десятилетия. И тогда, особенно в условиях нарастания внутриполитической напряженности в России либо в случае очередного обострения отношений с Западом, Москва может сделать шаг в пользу еще более тесного сближения с Пекином.

Нынешний уровень российско-китайских отношений в целом оптимален. Попытка поиска баланса интересов и новых механизмов сотрудничества России и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе могла бы позволить достичь большего равновесия, избежать односторонней зависимости от КНР. Москве равным образом опасно втягиваться и в антикитайские, и в антиамериканские альянсы. Просто сейчас было бы оправданно уменьшить диспропорцию в пользу Китая за счет активизации сотрудничества с Соединенными Штатами. Такое восстановление равновесия стало бы наиболее удобной платформой для дальнейшего продвижения интересов России в АТР.

К ним в первую очередь относятся возможности экономического взаимодействия и развития торговли. После вступления России в ВТО актуальна задача выбора партнеров для установления режимов свободной торговли. Уже сейчас обсуждаются соглашения о свободной торговле стран Таможенного союза с Новой Зеландией, Вьетнамом, Монголией, за пределами АТР консультации ведутся с государствами Европейской ассоциации свободной торговли. Переговоры могут послужить моделью для будущих более масштабных диалогов, нацеленных на установление взаимоотношений с существующими или формирующими зонами свободной торговли или даже полноправное участие в одной из них.

В отличие от Евросоюза, многосторонние структуры экономического сотрудничества и свободной торговли в АТР продолжают формироваться. Здесь возможно не только принятие выработанных ранее и другими условий сотрудничества, но и участие в определении правил игры.

В АТР пока нет лидирующего проекта многостороннего экономического сотрудничества, но имеет место конкуренция различных проектов. В конечном счете выбор заключается в том, какой проект предпочтеть – с участием США или Китая. Эта ситуация не будет долговечной, но сейчас Россия имеет возможность рассматривать различные варианты. Режим свободной торговли – вещь далеко не безобидная, особенно для такой однобокой экономики, как российская. Тем не менее имеет смысл очень серьезно проанализировать существующие опции, прежде всего – возможность сближения с Транстихоокеанским партнерством (ТТП). Поскольку в этой формирующейся экономической группировке будут доминировать Соединенные Штаты, зондаж на предмет тесной кооперации с ТТП станет проверкой возможностей «перезагрузки перезагрузки» на основе баланса интересов Вашингтона и Москвы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Не следует заведомо отбрасывать и возможность участия в какой-либо иной конфигурации, например, подключения к формату АСЕАН+6.

Нужно искать региональных партнеров (или «шерпов», если использовать дипломатический сленг), готовых оказать содействие повороту России на Восток. Они не должны быть более мощными, чем сама Россия, а также иметь с ней какие-либо непреодолимые разногласия, наподобие территориального спора. Понятно, что и Москве следует создать серьезные стимулы для того, чтобы эти страны были готовы всерьез учитывать ее интересы. Такие стимулы могут быть различными – обеспечение энергоносителями, возможность совместной реализации инфраструктурных проектов, открытие российского рынка труда, создание благоприятных условий для экономической деятельности, содействие в разрешении конфликтов и т.д.

Такими региональными игроками вполне могут стать Вьетнам и Южная Корея. С Вьетнамом Россию связывает прежде всего политическое и экономическое наследие советской эпохи. Оно, разумеется, подверглось сильной эрозии, но, несмотря на годы взаимного дистанцирования, сохранился ряд успешных проектов экономической кооперации, а также немалое число людей в обеих странах, заинтересованных в возрождении на новой основе рос-

сийско-вьетнамского сотрудничества. Во многом следуя китайской модели модернизации, Вьетнам в структурном отношении, а также с точки зрения качества рабочей силы похож на Китай пятнадцатилетней давности, но разрыв сокращается. Вместе с тем объем экономики Вьетнама составляет лишь малую часть китайской. К тому же Россия и Вьетнам не имеют общей границы, что снимает озабоченность, возникающую каждый раз, когда обсуждаются планы массированного привлечения в Россию китайской рабочей силы. Наконец, Вьетнам – не только член АСЕАН, но и один из участников ТТП, причем специфика вьетнамского политического режима не является для этого преградой.

Ситуация с Республикой Корея, разумеется, иная, но и в этом случае для России существуют потенциально благоприятные возможности. Прежде всего, Москва искренне заинтересована в мирном урегулировании разногласий, связанных с ядерной программой КНДР. У России есть все основания демонстрировать поддержку конструктивного диалога между двумя корейскими государствами, поскольку он является необходимым условием реализации проектов развития транспортной и энергетической инфраструктуры на Корейском полуострове. В стратегическом отношении российским интересам соответствует и мирное объединение Кореи. Разумеется, предпочтительны не драматические сценарии, наподобие падения Берлинской стены, но постепенное и поступательное развитие межкорейского диалога на основе принципа «одна страна – две системы». У Москвы достаточно оснований стремиться получить в лице пока еще разделенной Кореи привилегированного партнера в Восточной Азии, подобно Германии в Европе. При этом Корея могла бы отчасти уравновешивать влияние Китая и Японии.

При всех благоприятных внешнеполитических возможностях «поворот на Восток» может быть обеспечен прежде всего за счет решительных внутриполитических действий. Планы создания государственной корпорации по развитию Дальнего Востока как будто свидетельствуют о серьезности намерений. Однако они, скорее всего, уже не соответствуют темпам истощения человеческого потенциала региона и масштабу внешних вызовов. В современных условиях переломить негативные тенденции мог бы перенос в этот регион центра политической власти. Прошлогодняя инициатива Дмитрия Медведева расширить территорию Москвы в два с лишним раза и перевести структуры политического управления на новую площадку решают лишь часть проблем столичного

мегаполиса. Вместе с тем проект ведет к дальнейшему нарастанию диспропорций между столичным регионом и остальной Россией. Перенос столицы в азиатскую часть страны или по крайней мере географическое рассредоточение столичных функций могли бы не только подчеркнуть, что Россия стремится вписаться в новую конфигурацию мировой политической и экономической мощи, но и свидетельствовать о начале новой политической эры. Наконец, перенос на Восток центра российской власти позволил бы ей географически дистанцироваться от такого очага политической турбулентности, как московский мегаполис.

* * *

Турбулентность – это состояние, при котором ценность долгосрочных прогнозов снижается до предела. Малые причины могут запускать макропроцессы, в результате которых реализуются сценарии, еще совсем недавно казавшиеся экзотическими или невероятными. Большинство факторов глобальной турбулентности лежит за пределами России, и не во власти ее лидеров здесь что-то радикально изменить. Экономическая система глобального капитализма накопила огромный потенциал внутреннего разрушения и хаотизации, и этот потенциал не только не сократился, но и продолжал нарастать в годы экономического кризиса. Глобализация, положив предел пространственной экспансии мирового капитализма, побудила его к экспансии темпоральной, к попытке обеспечить экономический рост и благосостояние за счет будущего. Нынешний кризис представляется особенно опасным именно потому, что и этот ресурс, похоже, исчерпан. Неизвестно только, будут ли все счета предъявлены сразу или же нескольким поколениям придется погашать их в рассрочку. Старый, американоцентричный мировой порядок одну за другой утрачивает свои опоры. Москва может наблюдать за этими процессами со смешанными чувствами удовлетворения и тревоги. Но оснований для тревоги больше, поскольку даже контуры еще не обозначились, и, следовательно, турбулентный переход затягивается надолго. Россия, разумеется, способна внести вклад в постепенную кристаллизацию нового мирового порядка, рассчитывая занять в нем достойное место. Нельзя, однако, исключить синергии внутренней дестабилизации и внешней турбулентности, как не раз бывало и прежде, например, во втором десятилетии XX в. Можно уверенно говорить лишь об

отсутствии предопределенности того или иного направления исторической эволюции.

Описанные выше варианты действий России на международной арене в период третьего президентства Владимира Путина основываются на предположении об относительно инерционном характере трансформации мирового порядка, они ориентированы на умеренную турбулентность. При этом нет никаких гарантит, что в период 2012–2018 гг. мир и вместе с ним Россия не попадут в настоящий шторм. Причины и поводы могут быть разными – эскалация валютных войн, серия дефолтов национальных государств по суверенным долговым обязательствам, наконец, перерастание напряженности на Ближнем и Среднем Востоке в крупномасштабный военный конфликт. Сама безрезультатность антикризисных действий может усилить соблазн неконвенционального выхода из кризиса через военную встряску. Об этом писали и пишут многие, но показательно, что в последнее время такие варианты всерьез начинают рассматриваться и наиболее авторитетными аналитиками, к числу которых, в частности, относится Пол Кругман.

В многолетней эпопее вокруг ядерной программы Ирана наиболее угрожающей представляется именно динамика нарастания напряженности. Ее характерными особенностями являются сужение пространства маневра для принимающих решения политиков и резкое возрастание роли случайных факторов, способных привести к полной утрате контроля. Эта динамика в чем-то напоминает нарастание напряженности вокруг Балкан в период от Боснийского кризиса 1908 г. и вплоть до сараевского убийства. К счастью, в отличие от событий столетней давности, нынешняя ситуация дает основания рассчитывать, что России удастся избежать прямой вовлеченности в конфликт. Но и совсем остаться в стороне не получится, поскольку экономические последствия военного катализма будут глобальными. Соответственно, расчеты на сравнительно мягкую трансформацию мирового порядка окажутся опрокинутыми. Хорошая новость состоит в том, что турбулентность не равнозначна предопределенности того или иного сценария. Сочетание факторов, благоприятствующих военному сценарию, является преходящим. Малый толчок может запустить цепную реакцию решений и действий, делающую конфликт неизбежным. Но возможно также, что «провоенная» комбинация факторов станет подвергаться эрозии, начнут усиливаться тренды, позволяющие отойти от опасной черты.

Однако планирование и принятие политических решений в условиях турбулентности все же должны учитывать возможность реализации наихудшего сценария. Пока нет уверенности, что политическое планирование осуществляется в России на соответствующем уровне. Еще меньше ее в том, что в период третьего президентства Владимира Путина страна окажется устойчивой к штормовым порывам. Назревшие преобразования политической системы, создавая дополнительные сложности в момент их осуществления, в долгосрочном плане могут способствовать большей устойчивости к внешним вызовам. Эти преобразования не гарантируют успехов Москвы на мировой арене, но по крайней мере уменьшают риски, связанные с внутренней политической поляризацией.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2012 г., № 2, март-апрель, с. 8–22.*

Стивен Коэн,
профессор русских исследований
Нью-Йоркского университета (США)
**ПРОВАЛИВШАЯСЯ АМЕРИКАНСКАЯ
ДВУХПАРТИЙНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ
РОССИИ**

Соединенные Штаты и Россия находятся на потенциально провальном перекрестке своих взаимоотношений*. Через 20 лет после конца Советского Союза эти отношения несут в себе больше конфликтных элементов периода «холодной войны», чем стабильного сотрудничества. Более того, последнее развитие событий, включая президентские кампании и другие политические изменения в обеих странах, скоро смогут еще более ухудшить эти взаимоотношения.

И при этом в Соединенных Штатах практически не происходит критических дискуссий и уж точно никаких дебатов по поводу американской политики в отношении России. Этот провал нашего собственного демократического процесса – в особенности провал нашего политического и медийного истеблишмента – остро контрастирует с яростными дебатами в отношении политики США

* Данная статья основана на выступлении Стивена Ф. Коэна на Мировом русском форуме в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, 27 февраля 2012 г.

на русском направлении, которые имели место в Конгрессе, национальных СМИ, университетах, мозговых центрах и даже на уровне рядовых граждан в 1970-х и 1980-х годах.

В результате серьезная критика вashingtonской политики в отношении Москвы, которая должна быть высказана публично именно американцами, а не русскими, так и не прозвучала со стороны наших ведущих политических сил или в СМИ. Я сегодня собираюсь выступить с подобного рода критикой очень кратко и откровенно и как ученый, изучающий российскую историю и политику на протяжении 50 лет, и как американский патриот. Большая часть того, что я скажу, является не просто личным мнением, а историческим и политическим фактом. Все это может быть обобщено по пяти главным направлениям.

Первое. Сегодня, так же как и ранее, дорога к американской национальной безопасности лежит через Москву, никакие двухсторонние отношения Соединенных Штатов с другими странами не являются для нас более жизненно важными. Причины этого должны быть известны каждому политику, хотя, судя по всему, это не так. Речь идет о следующем:

– необъятные российские запасы ядерного и других видов оружия массового уничтожения превращают эту страну в единственную, способную уничтожить Соединенные Штаты. Точно так же это единственное правительство наряду с нашим, способное предотвратить распространение подобного оружия;

– беспрецедентная доля находящихся в России критически важных мировых ресурсов, не только нефти и естественного газа, но также металлов, чернозема, древесины, пресной воды и многого другого, придающего Москве критическую важность в глобальной экономике;

– в дополнение к этому Россия продолжает быть крупнейшей в мире страной по размеру территории. В частности, geopolитическая важность ее размещения на евразийской границе происходит сегодня конфликтов между западной и восточной цивилизациями, так же как и миллионы ее граждан мусульманского вероисповедания, вряд ли могут быть переоценены;

– нельзя забывать, что русские – это талантливый и националистический народ, причем даже в трудные для них времена. Нам надо помнить и о традициях их государства в мировых делах. Это также означает, что Россия всегда будет играть в мире крупнейшую роль;

– и в значительной мере как результат этих обстоятельств, у Москвы имеется особая способность учитывать или отвергать интересы США во многих регионах, начиная от Афганистана, Ирана, Северной Кореи и Китая до Европы, всего Ближнего Востока и Латинской Америки.

В целом эта очевидная всем реальность означает, что партнерство с Россией является императивом американской национальной безопасности.

Второе. Сегодня не существует настоящего американо-российского партнерства. Так же как его не было со временем окончания существования Советского Союза в 1991 г., несмотря на периодическое появление деклараций на эту тему (в основном декоративного характера) в Вашингтоне. Более того, сейчас существует еще более низкий уровень сотрудничества между Вашингтоном и Москвой, чем это было в годы «холодной войны» при президентах Рональде Рейгане, Джордже Буше-старшем и Михаиле Горбачёве. Более того, важные элементы существующего сотрудничества – в Афганистане, Иране и в отношении ядерного оружия – являются очень хрупкими и вскоре вообще могут прерваться. Короче, Соединенные Штаты сегодня дальше от партнерства с Россией, чем это было 20 лет назад.

Третье. Должен быть задан вопрос: кого же винить за этот исторический провал в отношениях между Америкой и постсоветской Россией? В США почти единогласно обвиняют одну только Москву, однако факты этому противоречат. Существовали три убедительные возможности установления подобного партнерства:

– первая такая возможность появилась непосредственно по окончании существования Советского Союза в 1990-х годах. Вместо этого администрация Клинтона приняла на вооружение агрессивный триумфалистский подход к Москве. Эта администрация пыталась диктовать России курс ее посткоммунистического развития, а затем вообще превратить эту страну в государство – клиента США. Та же администрация продвинула возглавляемый США военный блок НАТО в бывшую российскую зону безопасности. Она бомбардировала остающегося европейского союзника Москвы Сербию. И на этом пути клиントоновская администрация нарушила свои стратегические обязательства, данные ею Москве;

– вторая возможность для партнерства возникла после событий 9 сентября 2001 г., когда администрация Буша «отблагодарила» Россию за экстраординарную помощь, предоставленную российским президентом Владимиром Путиным в войне США против

Талибана в Афганистане, еще более усилив экспансию НАТО к российским границам и односторонне выйдя из противоракетного договора 1972 г., который Москва рассматривала в качестве первоосновы своей национальной безопасности;

– теперь же, начиная с 2008 г., администрация Обамы выходит из третью возможность – провозглашенную ею самой «перезагрузку», отказываясь ответить на уступки Москвы по Афганистану и Ирану ответными соглашениями по ведущим российским приоритетам – экспансии НАТО и проблеме ПРО.

Короче, любая возможность для российско-американского сотрудничества на протяжении последних 20 лет была упущена или упускается сегодня, причем Вашингтоном, а не Москвой.

Четвертое. Остается спросить, в чем причина подобной неумной американской политики на протяжении столь долгого периода? Главное объяснение состоит в том, что такова суть соответствующей политики или идеологии, которая совмещает в себе наихудшее наследие «холодной войны» с наихудшей американской реакцией на конец Советского Союза:

– два наиболее закономерных (и в то же время вредоносных) решения Вашингтона касательно постсоветской России продолжили милитаризированный подход «холодной войны»: продвижение НАТО на Восток и создание установок ПРО вокруг российской границы;

– в то же самое время триумфалистская реакция Вашингтона на конец Советского Союза породила отличающийся предельной агрессивностью дипломатический подход по принципу «победитель забирает себе все».

Рассмотрим три главных компонента этой так называемой дипломатии.

1. Исходя из убеждения, что интересы России за рубежом менее легитимны, чем американские, Вашингтон действовал в отношениях с Москвой по принципу двойного стандарта. Безошибочным примером подобного поведения является то, что, создавая гигантскую сферу военно-политического влияния США / НАТО вокруг России, Вашингтон в то же самое время непреклонно отвергает поиски Москвой хоть какой-то зоны безопасности, хотя бы вокруг ее собственных границ.

2. Аналогичным образом переговорные позиции США по жизненно важным вопросам базировались на предпосылке (называемой «селективной кооперацией»), исходящей из того, что Москва должна делать все основные уступки, в то время как Вашингтон

шингтон не делает ни одной. В тех редких случаях, когда Вашингтон все же обещал крупные уступки, он увиливал от них. Экспансия НАТО на Восток была только началом (пусть кто-нибудь, сомневающийся в подобных обобщениях, приведет хотя бы одну значимую уступку – любую взаимность, которую Москва в действительности получила от Соединенных Штатов, начиная с 1992 г.).

3. Тем не менее, исходя из убеждения, что политический суверенитет России в области ее внутренней политики менее важен, чем его собственный суверенитет, Вашингтон продолжал осуществлять меры по «продвижению демократии», которые означали вопиющее вмешательство во внутренние дела Москвы. Подобная практика началась еще в 1990-е годы с прямых директив Вашингтона московским министерствам и с легионов, засланных на места американских «советников». Это же продолжается и сегодня – к примеру, не так давно вице-президент США проводил лоббистскую кампанию в Москве против возвращения Владимира Путина к должности президента. То же касалось явно не к месту организованной встречи лидеров московских уличных протестов с новым американским послом.

Короче, клеймя В. Путина за антиамериканизм в России, как это делают Госдепартамент и СМИ США, мы игнорируем подлинную его причину: 20 лет американской военной и дипломатической политики убедили большую часть российского политического класса (и интеллигенции), что намерения Вашингтона являются агрессивными, направленными на самовозвеличение и злоказненными, что они представляют собой что угодно, но только не пример отношений между партнерами (в этом контексте часть российской политической элиты критиковала Владимира Путина за то, что он проводил «проамериканскую» политику).

Пятое. Вся эта неумная контрпродуктивная политика США в отношении России, начиная с 1990-х годов, не была специфически демократической или республиканской, она была двухпартийной, осуществляемой и поддерживаемой как демократическим и республиканским президентами, так и соответствующими составами Конгресса. Она стала целиком двухпартийным провалом американского руководства и американской политики в целом.

К этому должна быть добавлена сообщническая роль американских СМИ:

1. С 1990-х годов освещение политики России большой прессой США было удручающе менее профессиональным, чем во времена существования Советского Союза. Оно было в значитель-

но большей мере идеологизированным; основанным на меньшем количестве источников и перспектив; менее расположенным к нестандартным точкам зрения; менее внимательным к соблюдению необходимой грани между репортажами и анализом новостей; и что хуже всего – в значительно меньшей степени основанным на фактах и объективным.

2. Освещение в прессе было также в значительно меньшей степени независимым от официальной политики США, чем это было в советское время. В 1990-е годы содержание публикаций большой прессы, прославлявшей российского президента Бориса Ельцина, было с трудом отличимо от позиции клиントоновского Белого дома. В последние годы содержание СМИ, как и мнение официального Вашингтона, было преобладающее антипутинским.

3. Более того, анализ американской прессой российской политики был заменен рефлективной психологической травлей Путина, сравнивающей его с Саддамом, Каддафи и даже со Сталиным, основанным на не соответствующих действительности или не представляющих серьезного значения обвинениях.

4. К примеру, ликвидация российской демократии, создание коррумпированной российской олигархии (являющейся главным препятствием демократии) и убийства журналистов начались не при Путине, который стал президентом в 2000 г., а при Ельцине в 1990-е годы. Нет ни фактов, ни логики в поддержке стандартных утверждений американской прессы о том, что Путин был лично ответственен за убийство журналистки Анны Политковской, предполагаемого перебежчика КГБ в Лондоне Александра Литвиненко и любого из других его оппонентов в России.

Было бы неверно утверждать, что подобная дурная журналистская практика не связана с американской политикой. Она загрязнила общественную дискуссию в США в отношении России способами, которые поощряют наихудшие инстинкты наших политиков и препятствуют любому переосмыслению политики США.

Вперед, к новой политике в отношении России!

Очевидно, что США нуждаются в фундаментально иной политике в отношении России. При наличии правильного подхода партнерство с Москвой все еще возможно вне зависимости от того, кто окажется в Белом доме или Кремле после выборов этого года. Но окно возможностей закрывается, и не только из-за факто-

ров, которые были мною упомянуты ранее, а потому, что Москва все меньше доверяет Вашингтону и не нуждается больше ни в чем от США, кроме военной безопасности. Все остальное, включая средства на модернизацию, технологии и рынки, Россия может получить от своего процветающего партнерства с Китаем и Европой.

В своей политике в отношении России Америка кровно нуждается как минимум в четырех фундаментальных изменениях, каждое из которых должно базироваться на новом мышлении.

1. Эта политика должна быть демилитаризирована в пользу политической дипломатии. И ведущим дипломатическим принципом должно быть признание равенства России с Соединенными Штатами в качестве суверенного государства и легитимной великой державы. В частности, это означает те же самые правила международного поведения, в равной степени применимые к Вашингтону и Москве, а также то, что переговоры требуют равных уступок, как это и предусматривает партнерство. Подобный подход со стороны США почти наверняка приведет к новым и расширенным областям сотрудничества.

2. Тем не менее сотрудничество по жизненно важным вопросам не станет возможным (или стабильным) до тех пор, пока Вашингтон продолжит экспансию НАТО к российским границам. Это должно быть остановлено, что означает: далее не будет поощряться членство в НАТО для Грузии или Украины. Участие каждой из этих стран в данном блоке означало бы пересечение проведенной Москвой «красной линии». Косвенная война между Россией и Америкой в Грузии в августе 2008 г., грозившая ядерной конфронтацией, наподобие Карибского кризиса 1962 г., явилась в этой связи безошибочным предупреждением: Россия имеет такое же право, как и США, не иметь иностранных военных баз вблизи своей территории.

3. Однако длившаяся 13 лет экспансия НАТО к российским границам уже породила худший геополитический и потенциально военный конфликт между США и Россией. Новые члены НАТО не могут быть исключены из блока, однако Вашингтон должен в конце концов начать уважать нарушенное им обязательство, что эти страны не будут разрешать размещать на своей территории любые военные объекты НАТО. Уважение подобного обязательства сможет фактически демилитаризировать экспансию НАТО и значительно уменьшить озабоченность Москвы, ее возмущение и сопротивление новым формам кооперации в области безопасности,

включая сотрудничество в области ПРО и более глубокие сокращения ядерного потенциала обеих стран.

4. Наконец, меры по «продвижению демократии» внутри России также должны прекратиться. Многие сторонники длящейся два десятилетия подобной американской политики искренне в нее верят. Но она неверна по всем параметрам:

— мы, Соединенные Штаты, не имеем права, эрудиции или власти для столь прямого или глубокого вмешательства во внутренние дела другой великой державы, тем более такой, чья история является более древней, чем наша, столь отличается от нас и вызывает не меньшую гордость, чем наша собственная история (русские показали, что они сами знают, как демократизировать свою страну. Утверждение обратного является проявлением высокомерия и оскорбительно с этической точки зрения);

— и здесь доказательством являются реальные события. С 1990-х годов спонсированное США «продвижение демократии» внутри России и сделало значительно больше для подрыва демократических перспектив в этой стране, чем для их продвижения;

— хуже того, «двигатели демократии» и лидеры оппозиционных групп, которых они спонсируют, идут по явно безрассудному пути. Они все чаще говорят о «демократизации» и «дестабилизации» российской политической системы, даже о «революции», не задаваясь при этом вопросом, что все это может означать для огромного государства с неочевидным контролем над его невероятным по размеру и рассредоточенным количеством оружия массового уничтожения. Когда Русское государство вдруг дезинтегрировалось в 1991 г., подобного рода катастрофы удалось избежать. Но чудеса редко случаются дважды, если они вообще происходят.

Предложенные мною изменения в политике, само собой, вряд ли будут приняты. На протяжении 20 лет многие важнейшие американские интересы были инвестированы в ныне проводимую политику, какие бы провалы она ни терпела. Однако недостаточно просто клеймить американский политический и медийный истеблишмент. Американские критики традиционного подхода Вашингтона к Москве также несут определенную долю ответственности: они не боролись за лучшие интересы своей страны.

И это тоже было совсем по-другому 40 лет назад, когда существовала такая организация, как Американский комитет по сотрудничеству между Востоком и Западом. Находящийся в Вашингтоне, с Советом директоров, состоящим из руководителей

крупнейших корпораций, профессуры, политических интеллектуалов, ученых-ядерщиков, журналистов и представителей общественных организаций, Комитет в то время на многих фронтах боролся с нашими воителями «холодной войны», начиная от Конгресса и кончая СМИ. В конце концов эта борьба позволила добиться исторического прорыва, достигнутого Рейганом и Горбачёвым в 1980-е годы. Если бы подобные американцы и подобные организации существовали сегодня, был ли бы потерян последний шанс для партнерства США–Россия?

Перевод Л.Н. Дорохотова
«Национальные интересы», М., 2012 г., № 2, с. 34–37.

Дмитрий Фролов,
доктор политических наук,

Александр Макеев,
доктор политических наук

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Одно из современных определений геополитики раскрывает ее как отрасль знания, изучающую закономерности взаимодействия политики с системой неполитических факторов, формирующих географическую среду (характер расположения, рельеф, климат, ландшафт, полезные ископаемые, экономика, экология, демография, социальная стратификация, военная мощь).

Геополитика традиционно подразделяется на фундаментальный и прикладной разделы. Прикладной раздел геополитики иногда называется геостратегией и рассматривает условия принятия оптимальных политических решений, затрагивающих вышеперечисленные факторы.

Под геополитической конкуренцией понимается соперничество между геополитическими субъектами за влияние на то или иное пространство, в результате которого одни субъекты получают преимущества, а другие его теряют, что отражается на состоянии их безопасности.

Энергетический принцип развития сообщества (государства, цивилизации в целом) на основе информационных технологий заключается в том, что преимущества имеет система, которая структурно организована так, что извлекает для использования из

внешней среды большее количество энергии из разнообразных источников. Как известно, информация (знания) создается на основе затрат ряда энергетических ресурсов (природных, человеческих, технических). Получение доступа к этой информации (знаниям) несоизмеримо по энергетическим затратам с процессом их создания. При этом высвободившиеся собственные ресурсы направляются на создание технологического и экономического отрява от конкурентов.

Те страны, которые создали механизмы получения необходимых знаний (информации) извне, смогли фактически превратить информационных доноров в своего рода «неоколониальные» образования информационного общества. Примером может служить организация рядом стран Запада контролируемой «утечки мозгов» из развивающихся стран, а также из стран бывшего СССР. Выгодно использовав, а зачастую и прямо или косвенно инспирировав экономические и социально-политические кризисы и конфликты в ряде стран и регионов, наиболее развитые государства, активно рекламируя свой образ жизни, предлагая выгодные условия труда (самореализации) прежде всего для интеллектуальной элиты, смогли существенно усилить собственный потенциал в этой сфере, истощив интеллектуальную составляющую ресурсов конкурентов.

Основным способом достижения геополитического превосходства является экспансия – расширение сферы господства, осуществляемое как экономическими, так и внешнеэкономическими (вооруженный захват дипломатическое давление, информационно-психологическая война) методами.

Традиционно под экспансией в геополитике понимались прежде всего территориальные приобретения и установление военно-политических сфер влияния, а также деятельность в данном направлении (политика экспансии). Сегодня экспансия – это непрерывный полилинейный процесс, нацеленный на множество объектов и потому порождающий в результате столкновения интересов целый комплекс разноплановых конфликтов. Так называемая «мирная» экспансия осуществляется многими государствами и их группировками в отношении друг друга одновременно, поэтому можно говорить об их взаимопроникновении или, иными словами, образовании комплекса взаимозависимостей и противоречий (например, обеспечение информационного превосходства). Внутрикоалиционная экспансия периодически сопровождается «добровольными» взаимными уступками сторон, хотя общий их баланс, конечно, благоприятствует сильнейшей из них. В условиях ин-

формационного общества важным аспектом геополитической экспансии является экспансия в информационном пространстве (информационная экспансия).

Информационная геополитика в фундаментальном аспекте может рассматриваться как раздел геополитической науки, изучающий зависимость (взаимосвязь) социально-политической жизни (политических событий) от виртуализированного совокупного жизненного пространства, с появлением глобальной инфосферы интегрирующего в себя через информационные технологии, информационно-телекоммуникационные системы и информационные ресурсы, помимо географически детерминируемых, также и пространства, имеющие кроме территориального (измеряемого в однозначно локализуемых в привычной физической реальности географических или пространственных координатах) виртуальные измерения – информационное, экономическое, научно-техническое, социально-политическое, культурное, военное.

Выделение информационной геополитики в самостоятельное направление геополитической науки обусловлено тем, что информационное пространство в своем развитии достигло того качественного уровня, который позволяет рассматривать его на равных параллельно с традиционными географически детерминируемыми геополитическими пространствами как вид жизненного пространства, влияющего на состояние и изменения социально-политической жизни.

В прикладном аспекте информационная геополитика представляет собой деятельность по принятию и реализации политических (управленческих) решений в зависимости от условий, складывающихся в вышеописанных интегральных виртуализированных пространственных координатах.

Целью информационной геополитики является достижение, поддержание, укрепление и расширение власти (влияния) в этих координатах (пространствах). Эта цель достигается преимущественно путем решения задач ослабления (устранения из пространства борьбы) конкурирующих сообществ и завоевания, удержания и расширения контроля над жизненно важными ресурсами, интегрированными или целиком находящимися в информационном пространстве.

Для этого может использоваться комплексный арсенал сил и средств, основу которого составляют в основном информационные средства и формы воздействия на конкурирующие сообщества, такие как информационные технологии, информационное оружие,

различные приемы и способы информационно-психологического воздействия, информационная (информационно-психологическая) экспансия, информационное противоборство (информационная война). Данный арсенал дополняется различными формами и средствами идеологического и культурного влияния и оказания экономического, политического, дипломатического и военного давления на конкурирующие сообщества, применение которых в случае реализации задач информационной геополитики подчинено замыслу использования вышеупомянутой информационной составляющей.

В общем случае поведение субъекта геополитических отношений при реализации им информационной геополитики в целях установления господства в информационном пространстве и полного доминирования над конкурентами во всем совокупном жизненном пространстве может состоять из следующих действий, поэтапно переходящих одно в другое по мере роста напряженности отношений с другими субъектами геополитической конкуренции.

1. Скрытое (информационное) управление процессами внутри системы конкурирующего сообщества, достигаемое посредством создания условий, побуждающих государственную власть данного субъекта геополитической конкуренции к тем или иным действиям не столько в собственных, сколько в чужих интересах, осуществляемое на фоне информационной, идеологической, культурной и экономической экспансии.

2. Информационная (информационно-психологическая) агрессия, подкрепляемая экономическим, политическим и дипломатическим давлением (санкциями), угрозой применения военной силы.

3. Информационная война, сопровождаемая экономической блокадой, военно-силовыми акциями.

Потенциал субъекта геополитических отношений (конкуренции) в информационной сфере и других взаимосвязанных с ней сферах геополитической конкуренции характеризуется интегральным показателем информационной силы (мощи).

Оценка мощи государства – субъекта геополитической конкуренции в информационном пространстве основывается на учете уровня развития информационной инфраструктуры, объемов потоков накопленной и циркулирующей в ней информации, лидерства в разработке и внедрении высоких технологий (и информационного оружия), степени информационного доминирования по отношению к другим субъектам геополитической конкуренции, которое, в частности, может выражаться в информационной (эко-

номической, политической, культурной) зависимости национальной информационной инфраструктуры этих субъектов от импорта стратегически важной информации и информационных технологий из субъекта-донора. Также в настоящее время, когда основная схватка за сферы влияния, достигающая размаха борьбы за передел мира, ведется в информационном пространстве особыми методами и средствами, в понятие моши (силы) геополитического субъекта входит потенциал отражения информационной агрессии.

Так, общая оценка информационной моши того или иного геополитического субъекта в информационном пространстве может производиться путем оценки по следующим позициям:

– качественные характеристики совокупного информационного потенциала этого субъекта, включающего в себя информационную инфраструктуру, научно-технический потенциал в сфере высоких технологий (прежде всего – информационных), общий интеллектуальный и духовный потенциал общества, отраженный в информационной сфере, силы и средства информационного противоборства и пр.;

– возможности субъекта в самостоятельном развитии по ключевым направлениям формирования национальной информационной инфраструктуры (национального информационного пространства) и научно-технического прогресса в сфере информационных технологий и средств информационного противоборства, сохранения и укрепления интеллектуального и духовного потенциала общества и степень его зависимости от достижений в этой области других стран;

– возможности информационного воздействия на данного субъекта, его информационное пространство и связанные с ним сферы;

– способности данного субъекта к устойчивому развитию в условиях информационного противоборства и острой геополитической конкуренции в информационном пространстве;

– восприимчивость к информационному трансферту, скрытому перераспределению информационного ресурса данного субъекта силами, средствами и способами информационного воздействия.

В целом, геополитика информационного общества – этап в эволюции геополитики как научно-практического знания на фоне перехода от энергетической эпохи развития цивилизации к информационной.

Эта эволюция имеет в своей основе естественную потребность участников мировых геополитических процессов в

обеспечении устойчивости собственного развития. В условиях ограниченности природных физико-географических координат существования человечества на Земле и естественных планетарных ресурсов непрерывно возникают задачи обеспечения сообщества новыми жизненно важными пространствами и ресурсами.

В новейший исторический период человеческая деятельность в таких областях, как информационные технологии и освоение космоса, существенно расширила множество пространств, рассматриваемых субъектами геополитики как сферы своих жизненно важных интересов, за доминирующие позиции и контроль над которыми ведется конкурентная борьба между различными сообществами.

Геополитика информационного общества оперирует различными формами пространства, формирующими совокупную среду существования человечества на этом этапе развития. К таким пространствам относятся, например, экономическое, социально-политическое, культурное, информационное и другие пространства, наиболее характерной особенностью которых для эпохи построения информационного общества можно считать их виртуализацию и взаимную интеграцию через информационное пространство.

При этом задача завоевания и удержания контроля над традиционными географическими территориями (регионами) планеты и распределенными на них природными, техногенными (цивилизационными) и людскими ресурсами, необходимыми для устойчивого развития государства, обеспечения его интересов и безопасности, остается для геополитики информационного общества не менее значимой и актуальной, чем аналогичные задачи в виртуализированных пространствах.

«Вестник Российской нации»,
М., 2012 г., № 1, с. 234–239.

Мариэтта Степанянц,
доктор философских наук
(Институт философии РАН)
РОЛЬ ДИАЛОГА КУЛЬТУР
В ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ
ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Диалог культур жизненно значим для России не только, а может быть, и не столько, с точки зрения современной междуна-

родной ситуации, сколько в связи с проблемами внутриполитическими. С распадом Советского Союза и крушением социалистической системы россияне утратили прежнюю коллективную идентичность, именовавшуюся «советским народом». Важнейшей проблемой для каждого и для всех стало обретение новой идентичности взамен утраченной.

В иерархии факторов самоидентификации особо значима этническая принадлежность. Опросы, проведенные Институтом социологии РАН в 1999 г., показали, что в ответах на вопрос: «О ком Вы могли бы сказать – это мы?», подавляющее большинство респондентов отдало предпочтение этнической общности по сравнению с общностью республиканской или общероссийской. В то же время этническая идентичность в значительной мере определяется вероисповеданием, рассматриваемым в качестве важнейшей компоненты культуры в целом.

При рассмотрении идентификационного воздействия исламского фактора следует иметь в виду доктринальные особенности этой мировой религии, а также отличие этногенеза так называемых мусульманских народов России от государственно укорененного в течение столетий русского этноса.

В исламе с самого начала была заложена идея государственности как общности религиозной: возникшая в седьмом веке в Медине община верующих – умма была надродовой, надплеменной организацией, создание которой ознаменовало первый этап на пути становления государственности. В этом одно из отличий ислама от христианства, возникновение которого в рамках развитого государства обусловило известную самостоятельность церкви и обособленность ее от светской власти. Тесная, нередко практически неразрывная, связь православной церкви с дореволюционным Российской государством (возрождение которой желали бы и сегодня некоторые из религиозно ориентированных державников) не была в своей основе доктринально оправданной. Она явилась продолжением и дальнейшим развитием унаследованных Россией традиций Византии, т.е. следствием истории, а не доктринальных положений религии. В исламе же, напротив, идея тождественности религии и государства заложена изначально, а потому фундаментальна.

Мухаммад был не только пророком, посланником Божьим, но и непосредственным организатором объединения разрозненных арабских племен в умму, вскоре оформившуюся как государство – халифат. Правовой фундамент мусульманского государства – ша-

риат, закон Божий. «Знайте, – утверждал один из самых авторитетнейших мусульманских теологов Газали, – шариат есть основа, а государство – страж. Если что-либо не имеет основы, оно неизбежно потерпит крах, а если что-нибудь не охраняется, оно может быть разрушено и утрачено». Современные исламские фундаменталисты неустанно подчеркивают указанную особенность исламского вероучения. По словам Хасана аль-Банны, основателя движения «Братья-мусульмане», «в исламе исключен характерный для Европы конфликт между духовным и светским началами, между религией и государством... Христианская идея “Богу – Богово, кесарю – кесарево” здесь отсутствует, поскольку все принадлежит всемогущему Аллаху».

Абсолютизация принципа общности людей на основе веры на протяжении последующей истории ислама позволяла оправдывать консолидацию этнически разнородных групп населения в пределах одной империи. Поэтому национализм как идеология, утверждающая в качестве фундамента государственности национальное единство и рассматривающая религиозную общность не как приоритетную, а лишь наряду с общностью языковой, территориальной, экономической, культурной и т.д., кажется несовместимым с исламом.

С точки зрения доктринального ислама, национализм – это асабийя (букв. «сознание единства», «любовь ко всему своему»), групповая солидарность, сравнимая с лояльностью исключительно по отношению к своему племени, что было характерно для самого раннего периода существования арабского общества. По преданию, Пророк Мухаммад осудил этот принцип: «Тот, кто обращается к асабийя, не принадлежит к нашей общине».

Подобно тому, как в прошлом асабийя вела к межплеменной борьбе, национализм, ставя превыше всего интересы той или иной нации, видится как источник войн, причина порабощения одного народа другим. Он оценивается как эгоистическая, безнравственная и материалистическая философия, породившая колониализм. «И по духу и по целям, – утверждал основатель и идеолог одной из наиболее влиятельных исламских фундаменталистских организаций “Джамаат-и-ислами” Абул Ала Маудуди, – ислам и национализм прямо противоположны друг другу... Конечная цель ислама – мировое государство, в котором будут ликвидированы расовые и национальные предрассудки; все человечество образует единую культурную и политическую систему».

Наиболее последовательное выражение «антинационализм» получил в идеологии и движении панисламизма, возникших в конце XIX в. и связанных с именем Джемала ад-Дина аля Афгани. Исходя из того, что националистические настроения препятствуют объединению мусульман против общего врага – колониализма, Афгани противопоставлял национальной солидарности религиозную. Ислам рассматривался им и его сторонниками как единая идеологическая платформа, способная сплотить народы в борьбе против колониального гнета и вселить в них уверенность в возможность возрождения.

Заложенная в панисламизме мысль о несовместимости ислама с национализмом была особенно популярна на первых этапах национально-освободительного движения, когда народы мусульманского мира не решались один на один выступить против колониального владычества. Рост местной буржуазии, усиление националистических настроений в бывших колониях и полуколониях определили постепенный отход от панисламизма (хотя в преобразованном виде он продолжает существовать и в наши дни). Характеризуя атмосферу, сложившуюся уже к 30-м годам XX столетия, Джавахарлал Неру писал: «Старый панисламистский идеал потерял всякое значение; халифата не существовало, а каждая мусульманская страна, а больше всех Турция, со всей страстью занималась своими национальными проблемами, мало интересуясь судьбой других мусульманских народов. Национализм был фактически господствующей силой в Азии».

Самым поразительным было то, что исламские идеологи бросились из одной крайности в другую: от полного отрицания идеи нации они перешли к отождествлению ее с религиозной общностью. Наиболее показателен в этом смысле пример образования Пакистана, обоснованию создания которого послужила концепция мусульманского национализма, опирающаяся на положение о существовании в Индии двух наций – индусов и мусульман.

Многочисленные примеры изменения сопряженности ислама с национализмом в зависимости от исторических обстоятельств, от конкретной социально-политической ситуации демонстрирует мусульманство в России.

Прежде чем рассмотреть один из таких примеров – татарский, отметим некоторые общие характеристики идентификационных процессов среди российских мусульман в сопоставлении с теми, что типичны для православных русских.

Индивидуальный уровень самоидентификации русских включает в себя православную компоненту в силу необходимости найти себя после того, как бывшие советские люди оказались в духовном вакууме, вызванном крушением политической и идеологической системы, основанной на коммунистических идеалах. Русские обращаются к православному христианству в надежде обрести смысл жизни и нравственные ориентиры. На коллективном уровне апелляция русских к православию вызвана мучительным поиском национальной идеи, которая могла бы быть основой их единения и воодушевления-мобилизации для решения общенациональных проблем государственного переустройства.

Мотивы обращения к своему традиционному вероисповеданию российских мусульман при самоидентификации на индивидуальном уровне совпадают с теми, что у православных русских. Но, пожалуй, еще более значима для них идентификация на уровне коллективном, этническом. В связи с распадом Советского Союза у татар, башкир, чеченцев и других российских мусульман, так же как и у других компактно проживающих этнических меньшинств, появилась возможность заявить о себе как о нации, т.е. общности не только культурной, но и политической. В соответствии с историческим прошлым этноса и условиями его бытования в границах Российской Федерации (до этого в Российской империи и СССР) формируются представления о государственности и степени суверенности.

Наиболее многочисленным и во всех отношениях самым развитым из всех мусульманских народов России являются татары. Проблема их национальной идентификации стала в центре общественного дискурса татар приблизительно во второй половине XIX в., который историки характеризуют как начало первого этапа формирования татарской этнокультурной нации. Становление же так называемой политической татарской нации относят ко второму этапу (1905–1907 – 20-е годы XX в.). Тогда же и обозначались три основных идеологических направления: исламизм, тюркизм и татаризм.

Идеологи исламизма утверждают в качестве приоритетной для татар самоидентификации их принадлежность к мусульманскому вероисповеданию, называя татар мусульманской нацией. Они аргументируют свою позицию, ссылаясь на историю татар, которую ведут от Волжской Булгарии, вошедшей в состав Золотой Орды как ее автономная часть (922–1552).

Идентификация татар с тюркской нацией связана со стремлением нарождавшейся татарской буржуазии и части интеллигенции, выделить татар из общей массы мусульманских народов, подчеркнуть их особое место среди них. Это связано также и с возникновением движения за объединение всех тюркских народов России, родоначальником которого был крымский татарин Исмаил Гаспринский. Некоторые из идеологов тюркизма (например, Юсуф Акчуря) солидаризировались с пантюркизмом, ориентированным на объединение всех тюркских народов во главе с Турцией, другие же (Ф. Карими, Дж. Валиди, Х. Максуди) полагали, что именно татары должны объединить другие тюркские народы.

В становлении и формулировании концепции татарской нации особая роль принадлежит видному теологу Ш. Марджани, первым из татар обратившемуся к проблеме этногенеза своего народа. Марджани настаивал на булгарском происхождении татар и считал, что для их самоидентификации решающим является не конфессиональный, а этнический фактор. «Некоторые (из наших соплеменников), – писал он, – считают пороком называться татарами, избегая этого имени, и заявляют, что мы не татары, а мусульмане... Бедняги! ...Если ты не татарин и не араб, таджик, ногаец; и не китаец, русский, француз, пруссак и не немец, так кто же ты?»

Детальная формулировка концепции татарской нации принадлежит Каюму Насыри. В написанной им «Краткой татарской грамматике, изложенной в примерах» (Казань, 1860) он отнес к ее основным признакам происхождение («народ тюркского племени»), общность территории («татары, живущие в Сибири, Оренбургской, Казанской и других губерниях правой стороны Волги и в Астраханской губернии»), общность государства («живущие в России»), культуру («имеют свою литературу») и язык (наречие «среднее или татарское, на котором говорят народы тюркского племени, мы обычно называем татарским языком»).

По ходу истории меняется удельный вес религиозной компоненты в самоидентификации татар. От полного доминирования до практического сведения ее к минимуму. Хотя в современном Татарстане наблюдается возрождение упомянутых выше подходов (преимущественно первого и третьего), появился и новый – так называемый «татарстанизм». Политическая элита, желая заполучить как можно больше суверенитета – независимости от федерального центра, – в то же время учитывает, во-первых, этнический состав Татарстана (по данным переписи 1989 г., население

республики составляют 48% татар, 43% русских), а во-вторых, географическое положение, при котором практически не возможен выход из границ Российской Федерации.

Желая избежать этнических столкновений, сохранить политическую стабильность и одновременно добиться максимально возможной самостоятельности, руководство республики провозглашает суверенитет Татарстана в Декларации от 30 августа 1990 г. В ней от «имени многонационального народа» утверждается «неотъемлемое право татарской нации, всего народа Республики на самоопределение». Уже спустя два года, в Конституции Республики Татарстан, принятой 6 ноября 1992 г., официальная Казань идет на замену формулировки «татарская нация» понятием «народ Татарстана». В основу концепции «татарстанизма» положена идея, выдвинутая советником по политическим вопросам при президенте М. Шаймиеве, директором Института истории Академии наук Татарстана, Рустамом Хакимовым, о татарстанском народе как нации. Р. Хакимов считает ситуацию в Татарстане аналогичной той, что характерна для Швейцарии – наличие политической нации, состоящей из нескольких равноправных этносов. Здесь также складывается «политическое, поликультурное сообщество, опирающееся на принцип территориального (а не этнического) суверенитета».

Хотя на официальном уровне «татарстанизм» и пользуется поддержкой, критики концепции, ссылаясь на объективные данные о широком общественном мнении в республике, утверждают, что «идея татарстанизма не имеет будущего, а имела и продолжает иметь место как идеология, необходимая партии власти в республике для большей самостоятельности в управлении экономикой и культурой». Подобная оценка, безусловно, не лишена основания. Но судить о будущем данного идеологического конструкта кажется преждевременным. Нельзя исключать возможности, по крайней мере, двух сценариев. Преобладающий по численности этнос (татары) может предпочесть единолично претендовать на статус нации в Татарстане, что, конечно, осложнит межэтнические отношения в республике, а главное – отношения Татарстана с федеральным центром, поскольку в таком выборе заложена для последнего мина замедленного действия – реальность следующего шага, а именно: требования полного национального самоопределения.

Но не исключен и другой вариант: политической эlite удастся убедить общественное мнение, что, учитывая расстановку

сил на республиканском и федеральном уровнях, полиэтническая нация – оптимально выгодный для титульного этноса выбор. Может произойти то, о чем писал норвежский антрополог Т. Эриксен: нация возникает «с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порождаемое элитой. Тем не менее, чтобы стать эффективным политическим средством, эта идея должна распространиться на массовом уровне».

Выбор в Татарстане находится в определенной зависимости от общероссийской ситуации, от того, как будут развиваться идентификационные процессы в других регионах. Примечательно, что и в других республиках политический прагматизм местной элиты, а иногда и здравый смысл людей в целом, направлены на поиск решения общественных проблем путем конструирования нового типа идентичности, который мог бы объединить проживающие на одной территории этносы, избавить их от межэтнических конфликтов, наносящих ущерб всем участникам. Яркий пример тому – Дагестан.

На территории Дагестана проживают 102 этноса, при этом ни один из них не является титульным. Количественно преобладают пять этносов (аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины и русские), составляющие вместе две трети населения. Республика является поликофессиональной. Традиционное вероисповедание подавляющего большинства населения (более 90%) – ислам. Большинство дагестанских мусульман – приверженцы суфизма (мистического направления в исламе), различных тарикатов (мусульманских братств-орденов). Наконец, в регионе сохраняют сильное влияние клановые отношения, а также нормы и нравы аdata (обычное право), наиболее укорененные среди горцев.

После распада СССР и начала реформ ситуация в Дагестане чрезвычайно осложнилась. Экономический спад, поставивший значительную часть населения на грань нищеты, борьба вокруг перераспределения государственной собственности и политических рычагов власти обусловили высокую степень напряженности в межэтнических отношениях. В республике возникли очаги всех типов этноконфессиональных конфликтов, которые известны отечественной науке: 1) конфликты, обусловленные борьбой национально-территориальных образований, отдельных национальных групп за право компактного проживания на своих исторических землях; 2) конфликты территориальные, возникающие вследствие того, что границы разделения этнических общностей

не всегда совпадают с политико-административными границами; 3) конфликты, обусловленные социально-экономическими и геополитическими причинами.

Политическое руководство республики видит выход из создавшейся ситуации в «формировании практических путей и методов деэтнанизации». Подобный курс, видимо, должен, в конечном счете, привести к формированию «дагестанской идентичности», которая сходна с «татарстанской нацией» в том, что обе ориентированы на приоритет общереспубликанской идентичности. Разница, однако, существенна. Полиэтничность татарстанской нации призвана отодвинуть на задний план конфессиональную принадлежность в иерархии факторов, определяющих идентичность жителей Татарстана, а в случае Дагестана, напротив, ориентации на деэтничность сопутствует акцентирование конфессиональной идентичности. Исламский фактор в Дагестане скорее объединяет жителей республики, чем разъединяет их, как в Татарстане.

Объективно исторически ислам действительно содействовал поддержанию целостности Дагестана. Не малую роль в этом сыграли доктринальные особенности мусульманского вероучения. Начиная с Пророка Мухаммада и его сподвижников, последователи ислама ставили задачу государственного объединения сначала арабских родов и племен, а позже представителей различных рас и этносов. Хотя, по официальным данным, к разряду верующих мусульман относятся только 20–25% дагестанцев (те, кто полностью соблюдает обязательные для мусульман предписания и обряды), никто не в состоянии отрицать, что значительно большее число людей идентифицирует себя с исламом и тем самым расположено к существованию в едином политическом пространстве с представителями иных кланов и этносов. Тому же способствует приверженность дагестанцев к суфизму, поскольку в отличие от последователей двух официальных толков – суннизма и шиизма – мусульманские мистики склонны индифферентно относиться к делам светской жизни, в частности, к политике. Так, тарикат кадирийя, учрежденный Кунта-хаджи Кишиевым в 60-е годы XIX в., прямо признавал законной любую власть, в том числе и русских царей, считая ее проявлением лишь внешней жизни, а потому безразличной для личного духовного мира суфия. (Правда, в XIX в. антирусское сопротивление возглавлял тарикат накшбандийя, что не в последнюю очередь связано с субъективным фактором – личностью и амбициями накшбандийского имама Шамиля.)

В начале 1990-х годов дагестанские политические аналитики рассчитывали на интегрирующую роль ислама. «Возрождению» ислама был дан зеленый свет: стремительно растет число мечетей (с 27 в 1985 до 1600 в 2001), мусульманских учебных заведений (в настоящее время здесь 17 исламских вузов и 44 филиала, 132 средних медресе и 245 начальных примечетских школ по чтению Корана), широко распространяется религиозная литература и т.д. Однако расчеты и планы политического руководства Дагестана были нарушены непредвиденным внедрением в жизнь дагестанцев так называемого исламского фундаментализма, чаще всего именуемого ваххабизмом. Последний, как известно, отличается агрессивным вмешательством в политику, неприятием отделения религии от государства, идеализацией ислама периода его возникновения, непримиримостью к какому-либо инакомыслию, нововведениям, реформам, нетерпимостью и враждебностью по отношению ко всем немусульманам, решимостью использовать насильтственные, вплоть до вооруженных, способы для достижения своих целей. Появление фундаментализма на дагестанской политической арене было обусловлено как внутриреспубликанскими причинами, так и внешними – прежде всего событиями, происходящими в соседней Чечне.

Для идеологии исламского фундаментализма характерно полное отождествление национальной или этнической идентичности с религиозной. Отсюда название одного из наиболее влиятельных фундаменталистских движений – «Исламская нация», заявившего о своем намерении заменить существующую в Дагестане систему национальной интеграции системой, основанной на шариате, который представляет собой единственную силу, способную «погасить в зародыше семена раздоров и взаимной ненависти».

Активизация фундаменталистов – открытый вызов как светской власти, так и суфийским тарикатам (дагестанский ислам принято именовать тарикатизмом), т.е. до сих пор господствовавшему направлению ислама в Дагестане, наиболее соответствующему системе сохраняющихся здесь клановых связей. Осознав угрозу своей власти и духовному влиянию, государство и тарикатизм оказались на «одной баррикаде» для того, чтобы объединенными усилиями отразить наступление фундаменталистов. Суфийские ордена в лице своих лидеров, еще в 1998 г. находившихся в прямой оппозиции к власти и призывающих к отставке дагестанского руководства, фактически объединились с последним на общей платформе антифундаментализма. В сентябре 1999 г. был принят Закон

«О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан», который, помимо всего прочего, фактически означал официальное признание властями тарикатизма в качестве единственной законной и укорененной формы ислама в республике. Тарикатисты же со своей стороны сделали как бы ответный шаг навстречу, создав в 2001 г. на базе суфийски ориентированного движения «Нур» общероссийскую политическую организацию «Исламская партия России», лояльную по отношению не только к республиканской, но и федеральной власти.

Воздействие религиозного фактора на идентификационные процессы среди российских мусульман подтверждает справедливость мнения о том, что нация по своей природе «ни естественна, ни примордиальна», она есть результат «интеллектуальной и политической деятельности одновременно элит и масс». Каковы будут эти результаты в России, предсказать пока сложно. Ясно лишь одно, что в наше время общественное, коллективное действительно уже не имеет подлинно религиозного смысла. Религиозная идентификация на ином, чем индивидуальный, уровне обусловлена скорее намерениями прагматически-политического характера, чем стремлением «нести» духовные идеалы вероучения.

Поиск идентичности повсеместно сопряжен с процессом разделения и обособления. Именно поэтому, характеризуя «эпоху идентичности», говорят, что она «полнна шума и ярости». При обособлении Другой начинает восприниматься не просто как иной, но как чужак и даже враг. На это есть вполне объяснимые причины. Ведь речь идет о территориальном разграничении, о дележе земли, плодородных участков, богатств недр, водных ресурсов, доступов к морским путям и т.д. Одновременно решаются вопросы, связанные с перераспределением владения и власти. Противоборствующие бизнес-группы и политические элиты для достижения успеха используют широкий арсенал средств. Манипуляция культурными, в особенности религиозными, различиями становится самым массовым и разрушительным оружием. Догматическая интерпретация вероучений; оправдание собственных действий исполнением воли Божьей; напоминание (далеко не всегда корректное) религиозного противостояния в прошлом – мощные средства эмоциональной массовой агитации, при которой утрачивается контроль над словом и поступком. В противостоянии с Другим особую роль играет интеллигенция – историки и философы, поэты и писатели, кинорежиссеры и журналисты. Их слову доверяют больше, чем политической агитке, полагаясь на присущую им об-

разованность и бескорыстность. Именно поэтому ответственность представителей культуры особенно велика. Снять недоверие, враждебность и даже ожесточенность, переведя процессы идентификации в русло трезвого, взвешенного и конструктивного поиска, может лишь налаженный культурный диалог.

*«Мировые религии в контексте современной культуры:
Перспективы диалога и взаимопонимания»,
СПб., 2011 г., с. 38–46.*

Л. Изильяева,

кандидат политических наук, АГСУ РБ (г. Уфа)

**АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
(на примере Республики Башкортостан)**

Единство, государственная целостность, эффективность функционирования и развития Российской Федерации определяются природно-климатическими, социально-экономическими, политическими и культурными факторами внешнего и внутреннего характера. Одними из важнейших параметров, определяющих территориальное единство и безопасность страны, являются региональные процессы.

В современных условиях именно регион представляется той оптимальной единицей, в рамках которой должен проходить процесс принятия основных решений, в том числе по проблеме обеспечения безопасности. Сегодня национальное государство, некогда являющееся монопольным провайдером безопасности, вынуждено отдавать значительный объем своих функций иным политическим акторам. Перенос центра тяжести с федерального на региональный и местный уровни представляет собой не только ответную реакцию социума на глобализационные процессы, но и естественный научно и практически обоснованный процесс приближения политico-властной системы к человеку. Ибо в крупных государствах, подобных Российской Федерации, наблюдается тенденция централизации управления и принятия решения. В условиях чрезвычайных ситуаций, когда речь идет о жизни конкретных людей, как никогда актуальным является комплекс своевременных и адекватных мер, обеспечить который, на наш взгляд, возможно в первую очередь на региональном уровне.

Еще одним фактором, обуславливающим необходимость переноса системы противостояния угрозам безопасности личности и социальных групп с федерального на региональный уровень, является дифференциация поселений, а соответственно, источников и масштабов угроз.

В силу вышесказанного анализ региональной безопасности, факторов и угроз, дестабилизирующих социум региона, затрудняющих его нормальное развитие, представляется нам особо актуальным и важным. И рассматривается нами в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики.

Важно не «перегибать палку». Если каждый регион будет действовать автономно, то возникает опасность несогласованности и распада системы. Поэтому необходима сбалансированность между федеральным и региональными уровнями безопасности.

Собственные наблюдения автора, анализ публикаций средств массовой информации и изучение научной литературы по проблематике региональной безопасности позволили выделить четыре наиболее актуальные группы региональных угроз безопасности:

- экологические угрозы;
- угрозы экономического порядка;
- угрозы политического характера;
- угрозы социetalного характера, затрагивающие вопросы взаимодействия между представителями различных социальных групп и общностей.

Следует отметить, что в настоящее время угрозы экономического, политического и социetalного характера больше волнуют жителей региона. Основная причина этого кроется в их социально-психологических последствиях, которые могут колебаться от состояния фрустрации и страха до деградации (разрушения) общественного организма. Особое место среди обозначенных угроз принадлежит этническим и конфессиональным проблемам (социetalная группа) в силу того, что полигэтничность и поликонфессиональность Российской Федерации в результате заинтересованности определенных сил превращаются в конфликтогенный потенциал и используются для дестабилизации ситуации в отдельных российских регионах и в стране в целом. Причем националистические угрозы исходят не только от радикально настроенных организаций, но и от так называемого «бытового» национализма, ксенофобии, особенно ярко проявляющихся в молодежной среде и

накладывающихся на специфику процесса социализации личности в современных условиях.

Этническо-конфессиональные проблемы время от времени всплывают и на территории Республики Башкортостан, где компактно проживают представители более 130 национальностей. Самыми болезненными вопросами являются:

– расширение сферы использования башкирского языка: введение квалификационных требований к знанию государственного языка для Президента Республики Башкортостан; наличие возможности использования башкирского языка в органах государственной власти, местного самоуправления и государственных учреждениях Республики Башкортостан; введение обязательного изучения башкирского языка в систему общего образования и др.;

– достоверность статистического учета национальной принадлежности жителей республики. По этому вопросу общественное объединение татар Башкортостана неоднократно обращалось к жителям и отправило письменное обращение к Президенту Российской Федерации Д. Медведеву, в котором выражалось недоверие к итогам переписи населения в Башкирии;

– правомерность установления нерабочих дней во время мусульманских праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам.

Мы полагаем, что отмеченные проблемы «раздуваются» и политизируются искусственно. За разжиганием межэтнической и межконфессиональной неприязни стоят заинтересованные в том объединения. Провоцируя этнические конфликты, они пытаются увести общество от сути дела, отвлечь внимание от решения актуальных проблем. Задача системы обеспечения региональной безопасности состоит в проведении агитационных, социально-психологических мероприятий, направленных на предотвращение и нивелирование последствий соответствующих акций.

Мы полностью согласны с Президентом Республики Башкортостан Р. Хамитовым, считающим, что «Республика Башкортостан является одним из примеров доброжелательного отношения людей разных национальностей друг к другу». Самым ярким подтверждением тому являются межнациональные браки, получившие широкое распространение на территории региона.

Для республики проблема межнациональных отношений не является первоочередной. Вместе с тем руководство региона осознает значимость толерантных отношений между представителями различных этнических и конфессиональных общностей. Не слу-

чайно 2011 г. объявлен в Башкортостане Годом укрепления межнационального согласия.

«Россия и ее регионы в поиске гражданского единства и межнационального согласия», Уфа, 2011 г.

А. Набиуллина,

социолог

Казанский федеральный университет (г. Казань)

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО

САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Национальное самосознание личности является одним из основных понятий, анализируемых этносоциологами в процессе изучения межэтнических отношений. Национальное самосознание имеет сложную структуру. Этносоциолог Л.М. Дробижева в структуру национального самосознания по горизонтали включает осознание принадлежности к этнической группе (этническую идентичность), «образмы» и «этнические интересы». Однако М.О. Мнацканян считает, что необходимо также учитывать, что структура национального самосознания имеет не только горизонтальный, но и фундаментальный – вертикальный срез. В этом смысле, по мнению ученого, можно говорить о глубоких основах национального самосознания: психологических, культурных и исторических.

Исследователи также отмечают, что рост национального самосознания может идти как по пути сплочения членов этнической общности, так и игнорирования интересов других народов. Выделяют три негативные формы проявления национального «я»: этноограниченность (нежелание идти на контакты за пределами своего этноса); этноэгоизм (стремление к обеспечению преимущества своему народу за счет других народов); этнофобию (прямая враждебность по отношению к другим народам).

Национальное самосознание личности, включенной в конкретную этническую общность, формируется в процессе социализации. Результат этого процесса во многом зависит и от этнокультурной среды, в которой происходит социализация личности. Республика Татарстан входит в многонациональный Волго-Уральский регион, отличающийся культурным многообразием.

Здесь в течение более чем тысячелетия сформировалось три этнических слоя: финно-угорские народы (мордва, мари, удмурты); тюркские народы (татары, башкиры, чуваши) и славяне (русские, украинцы, белорусы).

Р. Абдрахманов и Э. Маврина отмечают, что сразу после за-воевания Казанского ханства Иваном Грозным в татарском обществе складываются две основные отрицательные установки: «русские – колонизаторы» и «русские – преследователи мусульман». Со второй половины XVIII в., со времени правления Екатерины II, легитимизировавшей институт мусульманского духовенства и разрешившей строить мечети, актуальность первой установки отчасти была нейтрализована. В последующие годы с развитием товарно-денежных отношений происходит актуализация другого стереотипа – «русские – колонизаторы», так как потребности формирующегося класса татарской буржуазии сильно ограничивались Российской государством.

Наиболее напряженный период в истории Татарстана – 90-е годы XX в. – был означенован резким всплеском национализма, как политического, так и культурного, что не могло не вызвать определенной напряженности в отношениях между народами республики. Но, по утверждению исследователей, несмотря на различия в культуре, языке и религии и имевшиеся в отдельные исторические периоды противоречия, отношения между народами в основном носили дружественный характер, а напряженность в отношениях была следствием непродуманной национальной политики. Таковы были условия формирования национального самосознания народов Республики Татарстан.

В ходе изучения межэтнических отношений в Республике Татарстан в 2007 г. нами был проведен опрос мнения жителей г. Казани о характере межэтнических отношений в республике с использованием метода полуформализованного интервью с элементами глубинного. Нами исследовались такие компоненты национального самосознания татар и русских как основных народов, проживающих в республике, как этническая идентичность, автостереотипы и этнические интересы. Нами были опрошены 36 человек, являвшихся представителями трех основных возрастных групп, равное количество опрошенных были татарами и русскими, а также представителями мужского и женского пола.

Для определения места этнической идентичности в ряду других идентичностей мы задавали респондентам вопрос о важности для них осознания принадлежности к своему народу и просили

проранжировать предложенные идентичности в порядке убывания значимости их для респондента. Был предложен список из девяти идентичностей: гражданин мира, житель Евразии, россиянин, татарстанец, татарин (русский), мусульманин (православный, другое), член профессионального коллектива, мать (отец, сын, дочь), жена (муж, девушка, парень), – и предоставлена возможность назвать свой вариант, но ей никто не воспользовался.

У опрошенных нами респондентов преобладало мнение о важности для них осознания близости со своим народом независимо от национальности, отрицательные ответы также встречались и у татар, и у русских. Спектр мнений по поводу места этнической идентичности в ряду других идентичностей широк как у русских, так и у татар, однако определенные различия все же просматриваются. Так, ни один из респондентов русской национальности не поставил свою этническую идентичность на первое место, в среднем это четвертое–пятое место. Более важными русские считают свою принадлежность к семье, религиозную идентичность, гражданскую идентичность (принадлежность к России), принадлежность ко всему миру, принадлежность к профессиональному коллективу и т.д.

Среди респондентов татарской национальности присутствовали респонденты, которые поставили свою этническую идентичность на первое место, а некоторые респонденты вообще не внесли этническую идентичность в список значимых для них идентичностей. В целом прослеживается тенденция, что татары более склонны ставить свою этническую идентичность на первые места в своей классификации по степени важности, в среднем это второе–третье место. Также важными респонденты считают свою гражданскую идентичность (принадлежность к России и Татарстану), религиозную идентичность, принадлежность ко всему миру, принадлежность к своей семье.

При выявлении и анализе автостереотипов у русских и татар было выявлено, что не все респонденты имеют их, а среди респондентов, имеющих автостереотипы, преобладают такие, кто строит свои суждения о моральных и коммуникативных качествах, но есть также и те, кто оценивает особенности образа жизни и трудовые навыки представителей обоих народов. Что же касается оценок внешнего облика, то респонденты татарской и русской национальностей единогласно заявляют о том, что за долгие годы совместного проживания все народы настолько смешались между собой, что очень трудно, если вообще возможно, говорить о каких-

либо значительных различиях во внешнем облике татар и русских. Сходно также и то, что для респондентов обеих национальностей характерны как положительные, так и отрицательные автостереотипы, что позволяет говорить о более или менее обдуманной, адекватной и критической оценке респондентами своего народа.

У респондентов татарской национальности были выявлены следующие автостереотипы: татары – более порядочные, сдержанные, миролюбивые, трудолюбивые, гостеприимные, общительные, татарские женщины очень терпеливые, умеют прощать. У респондентов русской национальности были выявлены следующие автостереотипы: русские – более покладистые, имеют более непосредственные отношения между собой, миролюбивые, более беспечные и менее дисциплинированные.

В процессе измерения актуальности и значимости для респондентов этнических интересов мы решали задачу выявления наличия или отсутствия у респондентов этноэгоизма – стремления к обеспечению преимущества своему народу за счет других народов, условно обозначив, что если он характерен для респондента, то он может проявляться в слабой и сильной форме, что мы измеряли при помощи шкалы суммарных оценок Лайкерта.

Нами была обнаружена тенденция, что этноэгоизм скорее свойственен для русских, чем для татар. В основном этноэгоизм проявляется в слабой форме во всех возрастных группах и у респондентов обоих полов, но у нескольких молодых респондентов мужского пола русской национальности была выявлена сильная форма этноэгоизма, недовольство сегодняшним состоянием удовлетворенности их этнических интересов. Что интересно, эти же респонденты сталкивались с негативным отношением со стороны татар и утверждают наличие в Татарстане дискриминации по национальному признаку. У респондентов татарской национальности этноэгоизм в слабой форме также был выявлен у представителей всех возрастных групп, примерно у равного количества мужчин и женщин. Сильная форма этноэгоизма обнаружена не была.

Согласно полученным в ходе исследования данным, был сделан вывод о том, что отношения между русскими и татарами являются дружественными, в некоторых случаях склонными к нейтральным, но ни в коем случае не конфликтными. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Республике Татарстан национальное самосознание и татар, и русских в основном формировалось в условиях дружественных добрососедских отношений и, несмотря на негативное влияние непродуманной национальной

политики и частные случаи негативного опыта, основано на взаимной толерантности.

«Казанская наука», Казань, 2011 г., № 10, с. 350–352.

В. Меркуьев,

доктор юридических наук

(Академия Генеральной прокуратуры РФ)

**ТЕРРОРИЗМ И ПРЕСТУПНЫЕ СООБЩЕСТВА,
ДЕЙСТВУЮЩИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

В процессе анализа организованной преступности на Северном Кавказе (СК) важно учитывать как наличие определенного числа организованных преступных формирований с их характеристиками, так и характер взаимосвязей между ними, а также способы обеспечения этих взаимосвязей и согласованного осуществления террористической деятельности. В связи с этим вызывает не столько научный, сколько практический интерес вопрос о системе организованных преступных формирований и месте «Имараты Кавказ» в этой системе. Северо-Кавказский регион, где в 2010 г. зафиксировано более 76% зарегистрированных в стране преступлений террористического характера, продолжает оставаться основным источником террористических угроз безопасности Российской Федерации (РФ). Верховный суд РФ установил, что деятельность указанной организации угрожает территориальной целостности России. Ее стратегической целью является отделение СК от РФ и создание в этом регионе независимого шариатского государства, что подразумевает насилиственное свержение конституционного строя и отмену действующего на его территории российского законодательства.

Следует отметить, что точными данными о структуре организации и ее деятельности в полной мере не располагают даже российские спецслужбы. Тем не менее из материалов уголовных дел, приговоров судов, обвинительных заключений и др. источников складывается определенная картина. Действительно, в ходе расследования уголовного дела в отношении ряда руководителей и участников незаконных вооруженных формирований (далее – НВФ), входящих в «Имарат Кавказ», установлено, что в октябре 2007 г. Д. Умаровым провозглашено создание так называемого «Имарат Кавказ», охватывающего субъекты РФ Южного и Северо-Кавказского федеральных округов преимущественно с мусуль-

манским населением. Заявление Д. Умарова было опубликовано на экстремистских сайтах, и в его развитие им был издан ряд «указов», в том числе: о введении на всей территории имарата шариатского правления, об административно-территориальном делении имарата, в который вошли Дагестан, Чечня, Осетия и другие регионы СК. Таким образом, деятельность организованных преступных формирований, входящих в состав «Имарата Кавказ», направлена на изменение основ конституционного строя, федеративного устройства, судебной власти, местного самоуправления и, таким образом, имеет своей целью оказание воздействия на принятие органами власти решений, способствующих указанным изменениям.

Еще несколько лет назад представители ФСБ России поясняли, что у правоохранительных органов есть как минимум три основных критерия, которые позволяют выходить с ходатайством о признании организации террористической. Первый – проведение деятельности, направленной на изменение конституционного строя РФ насильственным, вооруженным способом, в том числе с использованием террористических методов. Второй – связь с незаконными вооруженными формированиями и другими экстремистскими структурами, действующими на территории Северо-Кавказского региона. Третий – принадлежность к организациям, признанным международным сообществом террористическими, или связь с ними. Очевидно, указанные основания в полном объеме соответствуют тем, что регламентированы ч. 2 ст. 24 «Ответственность организаций за причастность к терроризму» Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Организовав широкомасштабную криминальную деятельность, ваххабиты решили одновременно две задачи. Во-первых, использовали священную для каждого мусульманина форму коллективного объединения – «джамааты». Во-вторых, обеспечили сплочение группы сторонников на принципах жесткого подчинения руководителю или амиру. Отсюда и возможности формирования «горизонтальных связей» между лидерами бандподполья из разных кавказских республик. Сегодня они тесно взаимодействуют с религиозными, общественными и правозащитными организациями, средствами массовой информации, создают собственные информационные ресурсы. И что очень важно подчеркнуть – имеют своих сторонников и пособников в правоохранительных органах, структурах исполнительной, представительной власти, среди

религиозных деятелей. По характерным признакам можно судить о том, что «Имарат Кавказ» возник и функционирует в форме криминального сообщества, которое выполняет координирующие, организационно-управленческие функции по отношению к криминальным организациям: организованные группы, незаконные вооруженные формирования, банды, преступные организации, экстремистские сообщества, экстремистские организации. Причем координация террористической деятельности обеспечивается на территории без определения точных границ, поскольку лидеры имарата утверждают, что их стратегические интересы распространяются на любые другие регионы, которые «оккупированы» неверными и где «истинные мусульмане» ведут борьбу.

Как нам представляется, современный терроризм в России является сложной организованной преступной деятельностью. Внешняя идеологическая оболочка выполняет лишь функции маскировки реальных участников и конечных целей. Источниками кадровых, материальных, финансовых и прочих ресурсов террористической активности выступают вполне прагматичные современные корпоративные структуры, выполняющие конкретные террористические заказы, связанные с перераспределением финансовых потоков, властных полномочий в экономической и политической сферах. В доказательство тому можно приводить различные факты. Например, не случайно террористическая активность участников НВФ имеет не только сезонные колебания, но и напрямую зависит от поступления финансовых средств из-за рубежа, а также внутренних источников финансирования. Так, среди вещей лидера дагестанского бандподполья Умалата Магомедова (Аль-Бара), который был уничтожен вместе с заместителем главаря «губденской» диверсионно-террористической группы (ДТГ) Шамилем Магомедовым (Куппа-Шамиль) и главарем «казбековской» ДТГ Ибрагимом Ибиевым в Хасавюрте 31 декабря 2009 г., обнаружена записная книжка с отметками о доходах и расходах боевиков. Боевики вели учет доходам, полученным от известных дагестанских предпринимателей путем вымогательства и поступавшим из-за рубежа, в частности из Саудовской Аравии, Турции и Азербайджана. В записной книжке также фиксировались расходы на вознаграждение членам бандподполья и их семьям, на сооружение блиндажей, закупку оружия, боеприпасов, технических средств, медикаментов, продуктов питания и автомобилей. Как отметили в пресс-службе УФСБ по Дагестану, с момента назначения так называемым «командующим дагестанским фронтом» в апреле

2009 г. Магомедов оперировал суммами в десятки миллионов рублей.

Расширение масштабов преступной деятельности участников незаконных вооруженных формирований, изменение форм и способов совершения преступлений является ответной реакцией боевиков на действия правоохранительных органов по пресечению их деятельности. Решая задачи по физическому устраниению сотрудников правоохранительной системы и представителей власти как основной стабилизирующей силы и опоры российской государственности в регионе, бандиты пытаются демонстрировать свою боеспособность. Поступающая информация свидетельствует, что активизация действий бандгрупп на СК поддерживается путем непрерывного финансирования их деятельности как из-за рубежа со стороны международных террористических и религиозно-экстремистских организаций, так и из внутренних источников. Активная работа по оказанию финансовой и иной помощи бандподполью развернута в ряде зарубежных стран в районах компактного проживания выходцев из Северо-Кавказского региона. Наиболее распространенной формой является сбор денежных средств этническими общинами за рубежом или общественными организациями, декларирующими своей целью оказание гуманитарной помощи исторической родине. Кроме того, бандиты все больше обращаются к внутренним источникам финансирования, беря под контроль криминальный бизнес, в частности торговлю наркотиками, похищение людей, рэкет и вымогательство денежных средств как у коммерсантов, так и у коррумпированной части чиновников. Так, в Республике Ингушетия (РК) члены бандформирований обложили данью представителей малого и среднего бизнеса под угрозой смерти и уничтожения имущества.

В Кабардино-Балкарской Республике (КБР) отмечаются проблемы с кражами и угонами транспортных средств, не менее четверти от общего числа которых возвращаются владельцам после уплаты денежных средств похитителям. При этом, по данным УФСБ РФ по республике, преступные доходы от указанных преступлений при минимальном риске затрат являются одним из основных источников финансирования деятельности организованных преступных групп и незаконных вооруженных формирований, участвующих в террористической деятельности. Поэтому ключевым элементом в системе осуществления мер по противодействию терроризму является пресечение его финансирования. Нужно построить работу так, чтобы пресечь как внешние, так и внутренние

источники поступления денежных средств для бандформирований. Результативная борьба здесь возможна только в условиях полноценного взаимодействия всех правоохранительных органов. Не случайно в СКФО создана межведомственная рабочая группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. В поле зрения данной группы находятся вопросы противодействия незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и наркотических средств, поскольку и террористическая и экстремистская деятельность подпитываются деньгами, полученными от их реализации. Возникает еще очень важный вопрос: коль скоро мы имеем дело с преступным сообществом, не менее важной представляется правильная уголовно-правовая оценка действий и деятельности тех лиц, которые создавали его, руководили им и участвовали в нем. В соответствии с ч. 5 ст. 35 УК РФ (в ред. Федерального закона РФ от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ) лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных ст. 208, 209, 210 и 282.1 УК РФ, а также за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом. Другие участники организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несут уголовную ответственность за участие в них в случаях, предусмотренных ст. 208, 209, 210 и 282.1 УК РФ, а также за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали.

Естественно, решая вопрос о виновности лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, судам надлежит учитывать, что, исходя из положений ч. 4 ст. 35 УК РФ, преступное сообщество (преступная организация) отличается от иных видов преступных групп, в том числе от организованной группы, более сложной внутренней структурой, наличием цели совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, а также возможностью объединения двух или более организованных групп с той же целью. Как разъяснил Пленум Верховного суда РФ в Постановлении от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)», под прямым получением финансовой или иной мате-

риальной выгоды понимается совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений (например, мошенничества, совершенного организованной группой либо в особо крупном размере), в результате которых осуществляется непосредственное противоправное обращение в пользу членов преступного сообщества (преступной организации) денежных средств, иного имущества, включая ценные бумаги и т.п.

Под косвенным получением финансовой или иной материальной выгоды понимается совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, которые непосредственно не посягают на чужое имущество, однако обуславливают в дальнейшем получение денежных средств и прав на имущество или иной имущественной выгоды не только членами сообщества (организации), но и другими лицами. Таким образом, правильно организованное расследование уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами, создавшими либо руководившими преступным сообществом (преступной организации) «Имарат Кавказ», а также другими входящими в его структуры участниками, при тщательном документировании их преступной деятельности позволит выстроить систему доказательств в суде для установления виновности лидеров и активных членов террористической организации в совершении преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ. В частности, необходимо учитывать, что ответственность по ч. 1 ст. 210 УК РФ за координацию преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, разработку планов и создание условий для совершения преступлений такими группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, совершенные лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп, наступает с момента фактического установления контактов и взаимодействия в целях совершения указанных преступных действий. При этом следствию необходимо представить систему доказательств, а суду надлежит установить, в чем конкретно выражалось оказанное на участников организованных групп влияние, и указать в приговоре мотивы принятого решения. Если участники преступного сообщества (преступной организации), наряду с участием в сообществе (организации), создали устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководили такой группой (бандой), содеянное образует реальную совокупность преступлений и подлежит квалификации по ст. 209 и 210 УК РФ, а при

наличии к тому оснований также по соответствующим статьям Уголовного кодекса РФ, предусматривающим ответственность за участие в других конкретных преступлениях, например, предусмотренных ст. 205, 2051, 206, 208, 278, 281, 317 УК РФ.

В связи с этим заслуживает одобрения позиция Следственного управления ФСБ России и Генеральной прокуратуры РФ в отношении уголовно-правовой оценки террористической деятельности «Имарат Кавказ» и входящих в его структуру самостоятельно действующих организованных групп и банд. Соответственно, все взрывы, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, совершенные членами НВФ, входящих в состав «Имарат Кавказ», необходимо квалифицировать по совокупности как террористические акты либо содействие террористической деятельности и участие в преступном сообществе (ст. 205, 205 и 210 УК РФ). Так, в марте 2010 г. заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Виктор Гринь утвердил обвинительное заключение по уголовному делу в отношении участников незаконного вооруженного формирования Абдулахи Байсагурова и Аслана Бекботова. Следствием установлено, что Байсагуров в июле 2007 г., а Бекботов в январе 2008 г., находясь на территории Чеченской Республики (ЧР), добровольно вступили в незаконные вооруженные формирования, являвшиеся структурными подразделениями единого незаконного вооруженного формирования «Имарат Кавказ», которым руководил один из лидеров чеченских сепаратистов Дока Умаров. Получив огнестрельное оружие, они несли караульную службу, занимались обустройством баз боевиков, проходили обучение основам тактики ведения войны против федеральных сил, изучали минно-подрывное дело, устройство различных видов вооружения. Кроме того, Бекботов приобрел на территории Республики Ингушетия (РИ) огнестрельное оружие, боеприпасы и самодельное взрывное устройство в целях их использования против федеральных сил. В апреле 2009 г. сотрудники правоохранительных органов в ходе оперативно-разыскных мероприятий задержали Байсагурова на территории ЧР. Задержание Бекботова было проведено в июне 2009 г. на территории РИ. Расследование данного уголовного дела осуществляло Следственное управление Федеральной службы безопасности РФ. Байсагурову и Бекботову предъявлены обвинения в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 208 (участие в незаконном вооруженном формировании), ч. 3 ст. 222 (незаконный оборот оружия, его ос-

новных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, совершенный организованной группой) и ч. 1 ст. 205.1 (содействие террористической деятельности) УК РФ. После утверждения обвинительного заключения материалы уголовного дела направлены в Верховный суд ЧР для рассмотрения по существу.

Анализ обстоятельств совершения террористических актов свидетельствует о тщательно и профессионально планируемом, координируемом и групповом характере этих преступлений, обеспечении причинения максимально тяжких последствий в виде многочисленных жертв и разрушений. Совершению терактов предшествует определенная подготовительная деятельность: выбор места и времени, разработка путей подхода и отхода с места совершения преступления. Террористические группы отличаются внутренней сплоченностью, вооруженностью, распределением ролей и жесткой дисциплиной. Недооценка характера и степени общественной опасности деятельности лидеров и активных участников террористической организации «Имарат Кавказ», организовавших ее по типу свободного объединения полуавтономных бандформирований, чревата самыми неблагоприятными последствиями для организации всей борьбы с терроризмом на СК и за его пределами. Свободные объединения представляют самую большую проблему для правоохранительной системы по той причине, что их трудно (а подчас почти невозможно) идентифицировать, собрать о них информацию и противостоять им. То, что кажется единственной ОПГ, действующей в отдельно взятом районе, городе или местности, часто является только маленькой ячейкой преступных структур, которые могут охватить весь Северо-Кавказский федеральный округ и даже РФ и в которые может входить большое число свободно объединенных участников и группировок. Даже если такая ячейка ликвидируется, это ни в коем случае не затрагивает всю структуру, которая существует благодаря совместным действиям ее многочисленных легко заменяемых частей. Особенно если деятельность ведется на всей территории РФ, эти структуры могут стать чрезвычайно сложными и комплексными преступными системами, которым можно противостоять только совместными усилиями различных правоохранительных органов. Главным следственным управлением Следственного комитета РФ по Северо-Кавказскому и Южному федеральным округам во взаимодействии с МВД и ФСБ России был проведен комплекс следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, в результате чего установлены пять лиц, непосредствен-

но причастных к организации и исполнению террористического акта у входа в Центральный рынок г. Владикавказа 9 сентября 2010 г., в результате которого погибли 19 человек, 1 террорист-смертник, около 200 человек получили ранения различной степени тяжести, повреждено не менее 46 автомобилей, имущество физических и юридических лиц. Все подозреваемые являются членами банды, входящей в состав «вилайата» (сектора) «Имарата Кавказ» по РИ, который находится под контролем лидера всего «Имарата Кавказ», находящегося в международном розыске Доку Умарова. В ходе следственно-оперативных мероприятий в лесном массиве, расположенному на территории Назрановского района РИ, обнаружены и изъяты три полимерные бочки. В них находилось более 160 кг смеси аммиачной селитры и алюминиевой пудры, которая использовалась при изготовлении взрывного устройства для совершения 9 сентября 2010 г. террористического акта в г. Владикавказе. Также в результате производства следственных действий по данному уголовному делу получены достоверные сведения о совершении установленными членами банды ингушского вилайата «Имарата Кавказ» другого преступления – посягательства на жизнь сотрудников Мобильного отряда МВД России и сотрудников ДПС ГИБДД МВД России по Республике Северная Осетия-Алания, произошедшего 17 августа 2010 г. на контрольном посту милиции № 105, расположенному на границе Республики Северная Осетия-Алания и Республики Ингушетия, повлекшего смерть одного сотрудника.

В настоящее время по уголовному делу продолжается комплекс следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, направленных на задержание всех лиц, причастных к совершению террористического акта в г. Владикавказе и других тяжких и особо тяжких преступлений.

Во-первых, необходимо учитывать результаты анализа борьбы с организованной преступностью в Северо-Кавказском регионе, которые свидетельствуют о том, что незаконные вооруженные формирования, терроризм и экстремизм – вторичные явления по отношению к высокоорганизованной экономической и политической преступности в республиках.

Во-вторых, чаще всего террористические преступления и преступления экономической направленности тесно связаны между собой и с коррупцией, которая на СК переросла в практику прямого пособничества сепаратистам и международным террористам.

В-третьих, в сфере борьбы с коррупцией важно организовать эффективную оперативно-разыскную работу. Это должны быть инициативные оперативно-разыскные меры, связанные с внедрением и разоблачением организованных групп, совершающих коррупционные преступления.

В-четвертых, надо создавать прочные оперативные позиции в сферах, наиболее пораженных взяточничеством. Необходимо квалифицированно документировать преступную деятельность, используя современные оперативно-технические средства контроля за действиями разрабатываемых лиц. Эта работа должна проводиться постоянно на высоком профессиональном уровне, с безусловным соблюдением конституционных прав граждан.

*«Терроризм и экстремизм в России и странах АТР:
Правовое регулирование и противодействие»,
М., 2010 г., с. 48–60.*

Анатолий Кулебин,
кандидат социологических наук (г. Тюмень)
**РЕСТАВРАЦИЯ МОНАРХИЙ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ?**

Из 193 государств мира более 60 являются президентскими республиками. С 1990-х годов президентскими стали большинство республик бывшего СССР, в том числе и Российская Федерация. Поэтому исследование правовых, политico-экономических и иных последствий функционирования данного государственного строя стало весьма актуальным. Самым большим злоупотреблением полномочиями президента является попытка превратить временную выборную должность в постоянную, а республику – в монархию. Многие главы президентских республик желают обладать властью непрерывно из-за выгод, связанных с нахождением у власти, и бесконтрольности. Юридической основой таких злоупотреблений является обилие полномочий президента, совмещение в одном лице функций главы государства, главнокомандующего и многих других. Президенты используют обилие полномочий и злоупотребляют властью в личных целях. Как пишет В.Е. Чиркин, «в президентской республике появились формы всевластия президента, превращения его в единственный институт государственной власти».

Зло властолюбия – злейшее из зол человечества, писал Чингиз Айтматов в своем гениальном произведении «Плаха». Перефразируя слова К. Маркса в предисловии к «Капиталу», можно сказать, что нет такого преступления, которого не мог бы совершить человек, стремящийся к пожизненной и бесконтрольной власти. И примеров тому в истории президентских республик более чем достаточно. В XX в. единоличные диктаторы были повсеместным явлением в Латинской Америке: достаточно вспомнить, что династия Ф. Дювале издавалась над народом Гаити 29 лет, режим Р. Трухильо в Доминиканской Республике – 31 год, режим А. Стреснера в Парагвае – 34 года, династия Сомоса в Никарагуа – 43 года, династия Кастро на Кубе – более 50 лет. И чем дольше у власти находится один и тот же человек, тем ниже уровень жизни народа. Это прекрасно знают жители так называемой Корейской Народно-Демократической Республики, где династия Ким правит уже более 70 лет.

В тех республиках бывшего СССР, где руководители избрали государственное устройство в форме президентской республики, процесс установления монархий (единоличной бесконтрольной власти, передаваемой по наследству или по назначению) пошел полным ходом. Академик О.Т. Богомолов отмечает: «Уже есть примеры передачи верховной власти прямым или назначенным наследникам, что превращает демократические режимы в “выборную” монархию».

При этом объем полномочий президента сопоставим с полномочиями монарха при восточном деспотизме. Но способ легитимации власти и конституционный статус главы государства формально другие: он считается всенародно избранным и ответственным перед гражданами президентом.

Система выборного самодержавия имеет для власти ряд несомненных плюсов для первого лица: легче поддерживать спокойствие и стабильность, полный простор для культа, монополизма, правового волюнтаризма и коррупции. Для этой системы характерны игнорирование норм демократии, чисто формальное разделение ветвей власти, полное отсутствие каких-либо сдержек и противовесов и как следствие – ничем не ограниченная власть президента и его команды. Главный ее минус состоит в том, что эта система не работает на всех граждан, она неизбежно ведет страну к застою; падение доверия к президенту неизбежно обостряется деградацией государственной власти, а полнота власти в такой системе – это и полнота персональной безответственности.

Обратим внимание на примеры «выборного» самодержавия на постсоветском пространстве.

Азербайджан уже 20 лет является президентской республикой. За это время у руля государства побывали четыре президента. По одному году были у власти Аяз Муталибов и Абульфаз Эльчибей. В отличие от них Гейдар Алиев – единственный из президентов стран СНГ, сумевший проработать два полных срока и обеспечить переход власти в руки сына. Именно при нем эта система выродилась до примитивного «выборного» самодержавия. Один из видных политологов Закавказья Левон Мелик-Шахназарян комментирует создавшееся в государстве положение: «Следующим президентом после Ильхама будет его супруга Мехрибан, после которой на престол взойдет Гейдар Алиев-младший. В Азербайджане сегодня для этого делается все».

Казахстан. Первая Конституция независимого Казахстана была принята 28 января 1993 г. Конституция утвердила народный суверенитет, независимость государства, принцип разделения властей, признание казахского языка государственным, признание президента главой государства, органов суда – Верховного, Конституционного и Высшего арбитражного судов и др. Президент и большинство членов парламента думали о благе народа, о будущем страны, поэтому в основу Конституции 1993 г. легла модель парламентской республики, по которой основные политические полномочия принадлежали коллективным органам: парламенту, правительству, партиям. Но уже осенью 1993 г. в России была принята Конституция, согласно которой все основные полномочия исполнительной, законодательной и судебной властей стали принадлежать президенту. Он назначает правительство, все военное руководство, начиная с командира отдельной воинской части, всех дипломатов, предлагает кандидатуры судей, Генерального прокурора. В результате политическое разделение властей подменялось функциональным. Окружение стало предлагать президенту Н.А. Назарбаеву переписать Конституцию Казахстана, взяв за пример Конституцию России. И президент от такого предложения не смог отказаться.

30 августа 1995 г. на всенародном референдуме была принята действующая Конституция, по которой Казахстан стал президентской республикой. В основу Конституции 1995 года легла модель российской Конституции. По этому Основному закону президент избирался всенародным голосованием на пять лет. Президент должен был быть гражданином Казахстана по рождению,

не моложе 35 и не старше 65 лет, свободно владеть государственным (казахским) языком и проживать в Казахстане не менее 15 лет. Один человек не мог занимать пост президента более двух сроков подряд. Выборы президента признавались состоявшимися, если в них приняли участие более 50% избирателей.

7 октября 1998 г. в Конституцию Казахстана были внесены существенные изменения: срок полномочий президента увеличен с 5 до 7 лет, отменено ограничение на срок пребывания в должности одного и того же человека, минимальный возраст президента был увеличен до 40 лет, отменена необходимость обязательного участия в президентских выборах 50% избирателей, отменены ограничения по максимальному возрасту президента (т.е. интересы первого лица ставятся выше интересов страны) одновременно с отменой аналогичного ограничения для всех государственных служащих Казахстана. В 2007 г. в Конституцию внесены значительные изменения, перераспределяющие полномочия парламента в пользу президента. Изменениями 2011 г. президенту было предоставлено право проведения досрочных президентских выборов.

В результате произошел государственный переворот: Казахстан перешел от парламентской республики к сверхпрезидентской. И хотя дело пока не дошло до передачи власти по наследству, но культ первого президента Н.А. Назарбаева, который руководит Казахстаном с 22 июня 1989 г., уже создан. Его статус и полномочия определяются не только Конституцией, но и отдельным конституционным законом. Согласно этому закону Назарбаев обладает полной, безусловной и бессрочной неприкосновенностью за все действия, совершенные им во время нахождения в должности. Он также до конца жизни сохраняет: статус государственного деятеля, право обращения к народу Казахстана; охрану, связь, транспорт; государственное обеспечение деятельности, а также в его собственность переходят служебная квартира и дача с государственным обеспечением их обслуживания. Отдельно оговаривается медицинское, санаторное, пенсионное обеспечение и страхование. В честь первого президента учреждаются государственный орден и государственная премия, создаются фонд, личная библиотека и архив.

Тем не менее вариант выборного самодержавия еще возможен. Советник Назарбаева по политическим вопросам Ермухамет Ертысбаев 25 июля 2011 г. заявил, что возможным преемником 71-летнего президента может стать его зять Тимур Кулибаев. «В случае возникновения чрезвычайной ситуации, связанной с

внезапным уходом главы государства, именно Кулибаев сможет продолжить стратегический курс президента», — отметил Ермухамет Ертысбаев. Разговоры о преемнике президента Казахстана стали звучать особенно часто после того, как в июле прошлого года стало известно об операции, которую перенес Назарбаев.

Если в течение ближайших лет Н.А. Назарбаев не оставит свой пост по состоянию здоровья или другим уважительным причинам, Казахстану грозят полный застой государственной службы, отсутствие сменяемости, дальнейший расцвет коррупции, вакуум в подготовке молодых, перспективных кадров руководителей всех уровней, вакуум новых идей, технологическая отсталость и «смутное время», грозящее чехардой временных лидеров и политической нестабильностью.

Киргизия. 15 лет (1990–2005) Киргизию возглавлял академик Аскар Акаев. За это время страна стала вотчиной президента и его семьи. Его жена Майрам Акаева продавала административные должности. Старший сын Айдар стал советником министра финансов, его жена Сайкал — ведущей телеканала. А муж Бермет, старшей дочери президента, — Адиль Тойгонбаев, гражданин Казахстана, контролировал все доходные отрасли республиканской экономики: алкогольный сектор (АО «Киргизалко» и Карабалтинский спиртзавод), Кантский цементно-шиферный завод, кабельное телевидение, многотиражную газету «Вечерний Бишкек».

После «тюльпановой» революции новый руководитель республики К. Бакиев выступал страстным обвинителем акаевской семьи, списывая на «семейный подряд» Акаевых обнищание народа Киргизии и все другие беды. Он заверял, что подобного развития «новая Киргизия» не потерпит. Однако на деле «произошел всего лишь верхушечный клановый переворот. Это захват семейного бизнеса Акаевых семьей Бакиевых», — пишет в интернет-издании «Gazeta KG» аналитик Акыл Стамов. «Сын Бакиева — Марат Бакиев, — продолжает А. Стамов, — занял должность Майрам Акаевой и Айдара Акаева — ему принадлежит монополия на продажу административных должностей. Брат президента — Адыл Бакиев назначен торговым представителем Киргизии в Китае. Самый скромный брат президента — Жаныбек Бакиев возглавляет Управление транспортной милиции при МВД». Один из братьев стал руководителем службы Государственной охраны, которая подмяла под себя все спецслужбы страны.

Новый президент делал все, чтобы навсегда оставаться у власти. В 2007 г. была создана его личная, пропрезидентская партия «Ак Жол», которая получила подавляющее большинство мест в парламенте. В итоге парламент стал послушным придатком администрации президента. Осенью 2007 г. принята новая Конституция (аналогичная российской). Основная цель новой Конституции, по мнению Европейской конституционной комиссии, – установление бесспорного превосходства президента над всеми другими ветвями власти. Президент по этому закону – главный игрок и арбитр политической системы. При отсутствии законных ограничений на полномочия президента у оппозиции мало возможностей быть услышанной. Последствием может стать насилиственная, а не мирная смена власти. По мнению политолога Э. Байсалова, «прикрываясь лозунгами об оптимизации системы государственного управления, К. Бакиев сконцентрировал власть в своих руках. Уже нет смысла говорить о суперпрезидентской республике – налицо квазимонархическая система управления. Речь идет о строительстве за ширмой демократии ханско-монархической системы. Возникла перспектива передачи власти от отца к сыну по наследству».

7 апреля 2010 г. произошла действительно насилиственная смена власти: К. Бакиев был свергнут во время очередной революции. 27 июня того же года в Киргизии прошел референдум, на котором была принята новая Конституция, утверждающая в стране парламентско-президентскую форму правления – аналогичную той, что установлена во Франции.

Таджикистан. Здесь уже с 1992 г. бессменно правит Эмомали Раҳмонов. С 1998 г. Эмомали Раҳмонов начал избавляться от бывших соратников и влиятельных оппозиционеров. В 2003 г. бывший глава МВД Таджикистана Якуб Салимов был задержан в Москве, экстрадирован в Таджикистан и приговорен к 15 годам тюрьмы строгого режима. В декабре 2004 г. в Москве был арестован глава Демократической партии Таджикистана Махмадрузи Искандаров. В мае 2005 г. он оказался в СИЗО Министерства безопасности Таджикистана, а впоследствии был приговорен к 23 годам тюрьмы.

В 2003 г. Раҳмонов провел референдум по внесению изменений в Конституцию страны, по которым, начиная с 2006 г., может занимать президентский пост еще два семилетних срока. Кроме того, из Конституции удалены ограничения на возраст кандидата в президенты, т.е. созданы все предпосылки для того, чтобы Э. Раҳмонов правил Таджикистаном пожизненно. Политолог А. Куртов

уверен: к следующим выборам в 2013 г. зачищенное политическое поле Таджикистана искусственно подготовлено к сокрушительной победе только одного лица – нынешнего президента.

Туркмения. Сапармурат Ниязов после обретения страной независимости привел с собой свое окружение – бывший ЦК компартии республики, и прочно закрепился во власти. Во второй половине 1990-х годов он начал избавляться от своего прежнего окружения, назначать на административные должности людей, не имевших должной квалификации, но совершенно послушных. В результате, возникла высочайшая степень централизации власти с Ниязовым во главе.

В стране создан мощный культ личности президента. О его мании величия говорят беспрецедентные факты: за 16 лет пребывания у власти он наградил себя 22 медалями, в том числе семь раз Золотой медалью «Герой Туркменистана» (Л.И. Брежнев отдохает!), и 16 орденами. Очень любил принимать многочисленные международные премии за что угодно и от кого угодно: от Международной академии информатизации ООН; Золотая медаль «Автору научного открытия» от Академии имени Петра Капицы; юбилейная Золотая медаль Фонда 200-летия А.С. Пушкина; медаль Петра Первого Российской академии естественных наук; Золотая медаль Международного эпизоотического бюро; Золотая медаль Всемирной организации интеллектуальной собственности; Золотая медаль «За особый вклад в развитие авиации» Межгосударственного авиационного комитета; Золотая медаль имени Льва Толстого.

В декабре 1999 г. на заседании Совета старейшин Халк Маслахаты и Общенационального движения «Галкыныш» своим историческим решением всетуркменский форум предоставил первому президенту республики исключительное право осуществлять полномочия главы государства без ограничения срока. Эксцентричный президент Туркменистана, «отец всех туркмен» Ниязов скончался в возрасте 66 лет.

Узбекистан. Бессменный президент Узбекистана Ислам Каримов руководит страной уже 22 года, сменив 23 июня 1989 г. на посту первого секретаря ЦК республиканской компартии Рафика Нишанова. Многие узбекские оппозиционеры и иностранные эксперты ставят под вопрос легитимность пребывания Ислама Каримова во главе Узбекистана: президентские полномочия Каримов продлевал дважды путем всенародных выборов и дважды с помощью проведения общенационального референдума. Отдельно надо отметить, что действующая Конституция Узбекистана не

предусматривает продления президентских полномочий посредством референдума. Согласно логике оппонентов Каримова, его президентские полномочия истекли еще в 2005 г.

Не будет большим преувеличением сказать, что Узбекистан 2010 г. чем-то похож на Румынию Николае Чаушеску образца 1989 г. Все, что может дать валютную выручку, идет на экспорт, интересы местного населения практически не учитываются. Распущее недовольство предполагается гасить силовыми мерами и усилением государственной пропаганды. Узбекистан – крайне закрытая страна, где нет оппозиции, свободы прессы, независимого суда и практически невозможна нормальная работа журналистов по оценке политических перспектив режима.

* * *

Итак, в большинстве из 15 президентских республик, образовавшихся на постсоветском пространстве формально демократические режимы превратились в «выборную монархию», но, как правило, без реальных выборов. К сравнению: в Латинской Америке из 20 президентских республик две – Венесуэла и Куба – имеют «выборную монархию». Только Африка обладает примерно такой же долей «выборных монархий». Однако восстания против «выборных» монархов в Египте, Йемене, Ливии, Тунисе показывают, что и там их доля резко снизится. Чтобы как-то оправдать свое антидемократическое, бессрочное пребывание у власти, президенты придумывают примерно одни и те же объяснения:

1. «Я заслужил это, потому что до кризиса 2008 г. наша страна развивалась уверенно». Во-первых, да, некоторые из президентских республик (Азербайджан, Казахстан, Туркмения и Узбекистан) с 2000 по 2008 г. имели темпы развития выше среднемировых. Но у всех у них развитие шло за счет роста мировых цен на нефть и газ. Тем не менее по темпам развития им далеко до «азиатских тигров» – Сингапура, Тайваня, Южной Кореи, дополнительным стимулом развития которых был переход к выборной, сменяемой власти. Во-вторых, а другие – не заслужили?

2. «Мне надо довести начатые реформы до логического конца». Но, во-первых, любой руководитель государства просто обязан проводить реформы, и вполне возможно, что другие лица провели бы более эффективные реформы, например переход к реальной демократии; во-вторых, логический конец длительного руководства одного и того же лица хорошо виден на примере Ку-

бы, Северной Кореи, Египта, Йемена, Сирии, Туниса и большинства стран Африки, все более отстающих в экономическом развитии от демократических стран.

В тех республиках бывшего СССР, где правящая элита избрала государственное устройство в форме парламентской республики, не было ни одного случая пожизненного правления. В Эстонии за 20 лет (начиная с 1990) сменилось три президента, при этом Леонарт Мери избирался дважды (в 1992 и 1997). В Латвии с 1991 по 2011 г. сменилось четыре президента, при этом Вайра Вике-Фрейберга избиралась дважды (в 1999 и 2003). В Литве с 1991 по 2009 г. сменилось четыре президента, при этом дважды (в 1993 и 2004) переизбирался Валдае Адамкус, но никому из них и в голову не могла прийти мысль о пожизненном пребывании в должности. Поэтому республики Балтии, не имеющие нефти, газа и других важных сырьевых ресурсов, развиваются быстрее, чем президентские республики с огромными ресурсами полезных ископаемых.

Подводя итоги, отметим, что чем больше полномочий у главы государства, чем зависимей от главы государства правоохранительные органы, чем слабее в стране оппозиция, тем легче президенту поменять выборную и сменяемую власть на пожизненную. Этим воспользовались главы государств большинства президентских республик на постсоветском пространстве: Азербайджана, Казахстана, Киргизии (до 2010), Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана. Используя огромные президентские полномочия, они превратили сменяемую и выборную власть в бессменную, самоназначаемую. При этом в Азербайджане республика превратилась в классическую монархию: сын унаследовал полномочия от отца.

Пересмотр конституций, ограничение полномочий главы государства и передача их коллегиальным органам с большим интеллектуальным потенциалом (парламенту, правительству), как это сделали в Киргизии, – главный путь предупреждения появления «выборных монархий», обрекающих экономики на неконкурентность, государство – на нестабильность и «смутное время», а их народы – на бедность и нищету.

«Свободная мысль», М., 2011 г., № 10, с. 35–45.

А. Салиев,

политолог

(Киргизская Республика)

СОВРЕМЕННАЯ РОЛЬ ИСЛАМА В ОБЩЕСТВЕННОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Возрождение ислама и его активизацию в наши дни можно считать естественной реакцией на глубокий кризис в политической, социальной, духовно-нравственной и экономической сферах, переживаемый сегодня странами Центральной Азии. Это также определяется и внешними факторами – глобализацией, изменением геополитического баланса, модернизацией и т.д. Реисламизация идет параллельно (или сопрягается) с этнической мобилизацией, а значит, прямо или косвенно имеется попытка его стимулирования на официальном уровне с целью формирования и укрепления национальной государственности и идентичности.

Однако при этом остается открытым вопрос: как это все можно реализовать на практике, поскольку даже в историческом прошлом ислам не был основным консолидирующим фактором внутри Ферганской долины: национальная, племенная, родовая, политическая и экономическая составляющие определили процесс консолидации в первую очередь.

Наличие различных уровней идентификации мусульман, связанных с региональной и национальной принадлежностью, означает также и то, что в идеологическом плане разрозненные группы, составляющие мусульманскую общину Киргизстана, представляют собой довольно пеструю картину. В данном разделе мы рассмотрим основные идеологические направления развития тех или иных групп или сообществ (джамаатов) Ферганской долины Киргизстана, взгляды которых относительно имплементации исламской доктрины в обществе страны различаются.

Характерная черта идеологической картины Киргизстана – резкий рост религиозного самосознания населения республики, что наглядно показали результаты социологического исследования, проведенного автором этих строк летом 2005 г. в двух южных областях страны (Ошской и Джалал-Абадской), двух северных (Чуйской и Иссык-Кульской), а также в городе Бишкеке. Подавляющее большинство (81,7%) респондентов ответили, что верят в Аллаха (причем 81,6% имеют высшее образование). Значительная часть (25,75%) полностью следуют религиозным законам и посто-

янно исполняют мусульманские обряды. Свыше половины опрошенных (51,7%) заявили, что соблюдают религиозные обряды, хотя и не всегда, и имеют дома Коран (64,45%).

Применительно к Киргизстану, под идеологическими аспектами развития мусульманской общины мы подразумеваем совокупность исламских ценностей, т.е. общеисламскую мораль, право, религиозно-культурную специфику, куда входят также национальные традиции и обычаи киргизов, узбеков и других национальностей, проживающих в стране, исторически находящихся в тесном и постоянном взаимодействии друг с другом.

Поэтому, когда мы даем идеологическую характеристику мусульманской общины Киргизстана, то представляется важным определить, какие из представленных в Центральной Азии идей развития ислама и реализаций исламской доктрины в целом наиболее распространены в мусульманской среде страны. Возникает также вопрос: существует ли взаимосвязь между этнической принадлежностью мусульман и их восприимчивостью к той или иной идеологии, построенной на исламе?

В настоящее время мусульманская община Киргизстана с каждым годом все больше становится объектом политического процесса. На волне дальнейших демократических преобразований, которые привели к принятию новой Конституции страны в 2007 г. и к формированию парламента по партийным спискам, различные партии весьма активно втягивают несекулярных мусульман в политическую жизнь республики.

В действительности, мусульманский ресурс Киргизстана представляет собой потенциально влиятельную силу, правда, пока еще не задействованную в полной мере в своих интересах ни государством, ни различными политическими партиями, ни неправительственными организациями. Иными словами, Киргизстан стоит на пороге реальной борьбы различных политических сил за привлечение мусульманского ресурса на свою сторону. Особый интерес представляет вопрос практического характера – можно ли использовать в политических целях мусульманскую общину как единую политическую силу в условиях ее многонационального состава, родоплеменных и клановых различий. Согласно данным на 2001 г., национальный состав Киргизстана, принимая в расчет различные народы, исповедующие ислам, включает:

киргизы – 3225 тыс. человек;

узбеки – 683 тыс. человек;

татары – 45 тыс. человек;

дунгане – 51 тыс. человек;
уйгуры – 46 тыс. человек;
казахи – 42 тыс. человек;
таджики – 43 тыс. человек;
турки – 33 тыс. человек;
азербайджанцы – 14 тыс. человек.

Соответственно, из приведенных выше данных мы видим, что особое значение, с точки зрения объекта политики, представляют собой две группы внутри мусульманской общины – киргизы и узбеки, в то время как представители других национальностей, в силу их малочисленности, не могут являться весомым фактором в назревающей политической борьбе за «мусульманский ресурс». По крайней мере, значение других национальностей намного меньше, по сравнению с двумя главными этническими группами.

Также не исключено и то, что с ростом в последнее время киргизского национализма может возникнуть «исламский альянс» между представителями нетитульной нации, например узбеками, уйгурами, дунганами, таджиками и т.д. Численность последних, ввиду миграции и естественного прироста, может превышать более 1 млн. человек.

На протяжении длительного периода в экспертных кругах господствовало мнение, что киргизы, ввиду кочевого уклада их жизни в прошлом и в условиях атеистического советского правления, не восприимчивы к исламу. Действительно, «традиционный» («бытовой») ислам, распространенный среди киргизского населения страны, всегда имел довольно причудливые и странные формы в виде смешения шаманистских представлений и концепции исламского единобожия. Это, безусловно, вело к укоренению мнения о том, что киргизы в своей основной массе менее религиозны, чем, скажем, другие народы Центральной Азии, которые имели преимущественно оседлый уклад жизни.

Ранее уже отмечались особенности ислама в эпоху бурного развития информационных технологий, а также общие тенденции развития ислама в постсоветский период. Одним из значимых результатов открытия Центральной Азии внешнему влиянию и процесса «возрождения» ислама стало то, что за 17 лет независимого развития Киргизстана ислам значительно упрочил свои позиции среди киргизов. Он постепенно расширял горизонты своего влияния на систему общественных отношений. Теперь ислам все больше становится нормой «обычного права».

Однако следует отметить, что ислам все еще не может выполнять одну из важных своих функций в обществе Киргизстана – интегративную. Потенциал ислама как инструмента интеграции общества до сих пор не реализован ни на общенациональном, ни на внутринациональном уровнях, и в частности, когда мы говорим о титульной нации Киргизстана. И этому во многом препятствует родоплеменное устройство киргизского общества и, как следствие, особенности внутринациональной идентификации киргизов. В данном контексте эксперты и ученые в Киргизстане теоретически ищут модель отношения государства и ислама, границ светскости. Основная проблема заключается в механизмах таких взаимоотношений: либо это огосударствление ислама с включением в него киргизских национальных элементов, либо это деидеологизация власти, где власть занимает нейтральную позицию. Особую остроту родоплеменное деление приобретает при распределении властных полномочий и представительства в органах государственного управления.

Более высокий уровень идентификации киргизов проходит по линии географического разделения страны на Север и Юг. И в настоящее время он представляет куда более важный фактор в политике страны по сравнению с мелким родоплеменным делением как внутри северных, так и южных кланов. По сути, многолетние попытки изжить родоплеменную структуру киргизского общества привели к сдвигу в сторону регионального принципа деления и представительства во властных структурах. Это всегда отражалось на смене группировок во властных структурах, которая осуществлялась в соответствии с негласной очередью на управление страной. Следует также отметить, что вопрос самоидентификации напрямую зависит от возраста, социального статуса и образования респондентов. При этом теологическое образование или средняя специальная подготовка в этой области не являются ключевыми факторами для определения природы данных взглядов.

Проведенный в 2008 г. опрос среди студентов – выходцев из регионов в возрасте от 18 до 25 лет, обучавшихся в светских вузах Бишкека и Оша, показал, что большинство респондентов не исполняли религиозных обрядов. Между тем существует тенденция роста религиозности среди молодежи, а это примерно от 25 до 30% студентов светских вузов, которые нерегулярно, но посещают в мечети пятничные молитвы. Сравнивая полученные данные такого же опроса среди молодежи, который был проведен в 2003 г., из которого следует, что от 8 до 10% студентов светских вузов посе-

щали пятничную молитву, можно видеть геометрический рост посещения молодежью пятничных намазов. Притом, что более чем 52,76% молодежи «нерелигиозны», вместе с тем 62,8% идентифицируют себя, в первую очередь, как мусульмане, и только во вторую – киргизами по национальности. Это показывает, что молодежь помимо культурной идентификации ищет политическую и идейную основу в исламе (хотя 55,53% респондентов ответили, что ислам – только религия, в то время как для 32,66% опрошенных – ислам есть религия и одновременно идеология и политика).

Таким образом, постепенно ломается утвердившийся стереотип о поверхностной «религиозности» киргизов в отличие, например, от узбеков. Духовный вакуум, коррупция и падение авторитета светских институтов власти приводят к тому, что молодежь сегодня видит в исламе ценностный ориентир, некую политико-идеологическую систему, а не просто традицию. Обращает на себя внимание и тот факт, что современная молодежь находится на начальных этапах процесса идейной трансформации: от чисто традиционного национального понимания ислама (киргиз – значит, мусульманин) к приверженности общеисламским ценностям, религиозному ориентиру в идентификации, что означает повышение возможности появления в перспективе протестной идейно-политической позиции.

Большинство (68%) опрошенных студентов, в основном, сельской молодежи (представителей регионов) от 20 до 23 лет, позитивно оценивают участие высших государственных чиновников в религиозных ритуалах верующих. Можно считать, что в целом около 66,9% респондентов допускают, что верующие имеют право на создание политических партий. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что идеологическому «единообразию» светских политических партий КР молодежь может в будущем усмотреть некую альтернативу в виде новой политической силы, а именно: «светской партии, но с происламской риторикой». Сегодня большинство респондентов из регионов (64,6%) считают, что ислам и демократия являются совместимыми при определенных условиях. Это дает возможность говорить как о позитивном восприятии демократии, так и о традиционном восприятии ислама. В то же время 51,1% респондентов видят будущее Киргизстана в смешанной форме светской системы, где определяющую роль играют исламские ценности, как, например, в Малайзии и Турции. Также 14,32% видят Киргизстан чисто исламским государством, таким, например, как Иран. Заставляет задуматься и тот факт, что

1,26% опрошенных из сельских местностей видят Киргизстан демократической страной с западной моделью развития, как, например, США.

По сути, мы можем наблюдать формирование сугубо исламского уровня идентификации и выхода мышления за национальные рамки. Однако стоит признать, что эти тенденции только начинают расти в среде мусульман, и данная категория людей представляет пусть и постепенно растущее, но все же меньшинство в киргизской части мусульманской общины республики.

В противоположность этому мы видим, что основная масса населения страны в возрасте от 30 до 64 лет настроена на идентификацию себя в рамках национально-ориентированного ислама. Это, безусловно, ведет к обособлению мусульманской общины республики от других национальностей, исповедующих ислам в Киргизстане.

В настоящее время актуальной проблемой киргизов-мусульман остается укоренившееся в сознании региональное и родоплеменное деление. Проявление региональных трений, недоверие или отчуждение внутри киргизской части мусульманской общины не имеют открытого и явного проявления. Тем более это не придается огласке в прессе. Однако неофициально региональное деление при распределении полномочий внутри организации и учреждений в религиозной сфере является прямым следствием, отчасти отражением, ситуации, сложившейся за все годы независимости в обществе.

Монополия южной региональной группы в религиозной сфере является сложившейся традицией еще со времен советской власти. Это, в свою очередь, привело к тому, что практически во всех областях страны, за исключением Таласской, главы мусульманских общин были выходцами из южного региона, в частности из Ошской и Баткентской областей.

Это обстоятельство во многом раскрывает суть основных региональных противоречий Юг – Север внутри киргизской части мусульманской общины. Они всегда имели не столько теологическое, сколько традиционное измерение.

Первый пласт противоречий заключается в различном понимании традиционного ислама, который в основном затрагивает обрядовую и культурную стороны жизни рядового киргиза. Имамы мечетей, назначаемые в северные области страны, привносили с собой культурную специфику Юга, стереотипы и психологию

религиозного мышления, которые не находили понимания в мусульманской среде Севера.

Например, на Юге под влиянием оседлого образа жизни других народов укоренились воззрения, не имеющие ничего общего с исламом. В качестве примера можно привести следующее: женщины не должны ходить в мечеть; имам имеет особый статус «святого человека» в обществе и др., что, безусловно, на севере страны, с учетом периода советской власти и сохранения многих традиций, присущих кочевым обществам, не находило поддержки.

Другой чертой так называемого «южного ислама» является открытая коммерциализация обрядовых услуг. Одним из наиболее ярких примеров может служить такое явление, как давран, имеющее большое распространение на юге республики. Давран, скорее всего, имеет происхождение от таджикского языка и является термином позднего суфийского ислама. В его основе лежит арабский корень дау'р, т.е. обход, круг, очередь. В традиционном «южном» исламе давран означает подсчитывание пропущенных намазов. Со временем совершеннолетия и вплоть до погребальной молитвы это переводится на материальную основу в виде единовременной выплаты продуктами (зерном), которая потом переводится в деньги.

Имамы на Юге имеют собственную теологическую трактовку этого сомнительного, с точки зрения ислама, явления, но не подкрепляют это никакими религиозными источниками. Следует особо подчеркнуть, что такого термина как «давран», равно как и подобной практики оплаты пропущенных молитв, в исламе не существует. Это, по сути, местное, довольно извращенное и опасное, с точки зрения теологии, искажение принципов религии, так как оно отражается на материальном благосостоянии семьи умершего. Между тем на Юге это явление уже давно приобрело большие и угрожающие масштабы. Некоторые семьи вынуждены продавать скот или недвижимость для того, чтобы таким образом «откупиться» за усопшего. Попытки применять давран на Севере вызвали недовольство, и имамы мечетей вынуждены были отказаться от этого. Но это в любом случае накладывало негативный отпечаток на отношения между общиной и ее главой. Однако ряд оплачиваемых услуг все же вошел в практику имамов, правда, не в таких размерах, как это принято на Юге.

Другой, не менее важной проблемой в этой области остается образование и подготовка кадров. Предметом недовольства в среде киргизов-мусульман Севера в настоящее время является то, что результатом многолетней «монополии Юга» в духовной сфере

стал перекос в распределении квот на образование в ведущих университетах мусульманского мира в сторону выходцев с Юга. Выходцы с Севера практически не имеют возможности быть отправленными на учебу от Духовного управления мусульман Киргизстана.

Таким образом, фактор региональной принадлежности оказывает сильнейшее влияние на киргизскую часть мусульманской общины, и это разделение, будучи сугубо внутренним и не афишируемым явлением, все же представляет серьезную проблему как для общества, так и для государства, особенно с точки зрения социально-общественной стабильности.

Другим важным фактором, повлиявшим на отсутствие конфликтов на почве регионального деления, являлось то, что на протяжении длительного времени на Севере религиозное самосознание населения было значительно ниже, чем на Юге. Можно даже выдвинуть тезис о том, что «возрождение» ислама на Юге привело к тому, что мусульмане смогли более открыто выполнять обрядовые стороны ислама, возможно, даже с большим рвением, чем раньше. Иными словами, то, что раньше всегда исполнялось не так открыто, впоследствии стало обыденной практикой большинства населения. Но в дальнейшем это нисколько не приблизило модернизацию религиозного мышления, а только усилило традиционную (бытовую) форму ислама.

Ситуация на севере страны несколько отличалась от ситуации в южных областях Киргизстана. Традиционно сложилось так, что на Севере уровень светской образованности киргизов всегда был выше. Еще с советских времен, в процессе слома традиционного образа жизни кочевого населения, киргизы активно привлекались к получению специального и высшего образования. Но, безусловно, большинство населения, остававшегося в сельской местности, так же как и на Юге, придерживалось приоритетов, обусловленных традиционными видами хозяйственной и частно-предпринимательской деятельности. Как и на Юге, «возрождение» ислама привело к усилению его традиционно-обрядовой роли в общественных отношениях. Но в дальнейшем, по мере роста религиозного самосознания населения, его отношение к исламу стало постепенно приобретать черты осмысленного изучения и попыток применения в повседневной жизни не только в качестве религиозной традиции.

Не последнюю роль в этом сыграло внешнее влияние со стороны стран мусульманского мира, открытие различных институ-

тов, образовательных и просветительских центров исламского характера. Главным итогом этой деятельности за последние 16 лет стало то, что образовательный уровень обычного мусульманина значительно вырос, способствуя более осознанному подходу к исламу. С каждым годом понимание ислама постепенно выходит за рамки его привычной традиционно-обрядовой стороны.

Процесс исламизации северных областей республики продолжается, и это постепенно оказывает влияние на представительство выходцев с Севера в местных казиятах, мечетях и администрации муфтията. По всей видимости, «монополия» в духовной сфере представителей Юга будет постепенно уменьшаться, хотя пост главы муфтията будет по-прежнему сохранен за южанином. Это обусловлено и тем, что за годы традиционного контроля в этой сфере духовные лидеры общин и образовательных учреждений в значительной степени «застряли» в плане дальнейшего развития исламской мысли, ограничиваясь лишь обрядовой и бытовой сторонами толкования шариата. Длительная концентрация власти в рамках одной региональной группы привела уже к внутрирегиональному соперничеству за пост главы муфтията. Это отчетливо осознается некоторыми духовными деятелями на Севере. И то, что в областях назначаются имамы из числа местного населения, является первым сигналом к тому, что в духовной сфере Киргизстана начинают происходить серьезные изменения.

По признанию одного из имамов в Чуйской области, контроль южан в этой сфере привел к тому, что были нарушены основные принципы выбора главы общины мусульман. «В муфтияте и правительстве идет ожесточенная борьба за право быть муфтием, и главное здесь не знания, не личные качества человека, а деньги». Регионализация духовной сферы, безусловно, является негативным явлением в киргизской части мусульманской общины. Но это естественный процесс, вызванный ростом религиозности среди населения и обусловленный остающейся проблемой регионального деления на Север – Юг. Однако именно ислам остается главным механизмом консолидации в условиях многонационального характера мусульманской общины Киргизстана.

Многочисленной национальной группой, входящей в мусульманскую общину страны, являются представители узбекского народа. Традиционно сложилось так, что узбеки были более религиозны, чем киргизы, сохраняя в большей степени религиозно-обрядовую часть ислама в качестве важнейшего элемента повседневной жизни и идентичности даже в период советской власти.

Впоследствии религиозность узбекского населения легла в основу стереотипов в обществе – «узбеки более религиозны, чем киргизы».

В действительности же, когда мы говорим о степени религиозности узбеков, то в советское время это относилось больше к традиционно-обрядовой части ислама, которая, впрочем, органично вписывалась в их культуру. В период «возрождения» ислама это привело к более открытому проявлению обрядовой части ислама в повседневной жизни и росту числа мечетей.

Другой особенностью, проявившейся в большей мере во время «возрождения» ислама, стало развитие «национального» ислама внутри страны, под которым мы подразумеваем неофициальную закрытость национальных мусульманских общин. С объективной точки зрения, это естественное явление, ввиду того, что в местах компактного проживания других мусульманских народностей всегда имелись мечети, которым обычно присваивалось название по национальности прихожан, их посещающих, – узбекская, уйгурская или дунганская.

Это деление по национальному признаку всегда было особенностью религиозной сферы Киргизстана, которая сохраняется и до сих пор. Это также является большой проблемой для государства в долгосрочной перспективе, поскольку неизбежно поднимается вопрос интеграции общества Киргизстана для решения внутриполитических задач, иными словами – создания отвечающего интересам государства интегрированного общества.

Учитывая общее число узбекского населения в Киргизстане, места его компактного проживания в непосредственной близости от исторической родины, задача большей интеграции узбекского населения в общую структуру общества Киргизстана представляется весьма актуальной. Возможное решение этой проблемы не должно, однако, строиться на принципах подавления либо на жестких ограничениях. Здесь должен работать принцип вовлечения в общественную и политическую жизнь страны, одна из ступеней к которому, с учетом религиозности узбеков, может проходить на внутриобщинном уровне.

В действительности идентичность узбеков складывается из двух главных составляющих: во-первых, национальность, а во-вторых, религиозная принадлежность. Причем этничность занимает первое место, поскольку в сознании она тождественна религиозной принадлежности.

По сути, мы говорим о реализации принципа исламского единства не на государственном уровне, учитывая его светский

характер, а на уровне мусульманской общины Киргизстана. Необходимость устранения национальных барьеров в мусульманской среде очевидна, но она требует больших усилий, которые должны подкрепляться практическими шагами как со стороны муфтията, так и со стороны других официальных органов государства. И это относится не только к узбекскому этносу, но и к другим национальностям – уйгурам, дунганам и т.д.

Мы осознаем, что выработка принципа представительства во власти по национальным квотам, как это было в СССР, задача в настоящее время практически невыполнимая, прежде всего в силу особенностей киргизского менталитета. Однако первым шагом в этом направлении может стать привлечение узбеков и представителей других национальностей к работе муфтията и его органов. Это будет способствовать внутриобщинной интеграции, повышению статуса мусульманской общины как отдельного, влиятельного фактора в общественных отношениях и, соответственно, укреплению авторитета муфтията как органа, способствующего гармонизации межнациональных отношений. Здесь мы приходим также к выводу, что в условиях светского характера власти в Киргизстане государство не может открыто вмешиваться в религиозную сферу и брать на себя функции регулятора отношений внутри одной конфессиональной общности. При этом объективным фактором является то, что государство не располагает в настоящее время необходимыми возможностями выработки и осуществления национальной политики по причине отсутствия средств, а также ввиду отсутствия какой-либо общенациональной идеологии, способствующей интеграции общества.

Дело в том, что в отношении киргизов, часть которых придерживается атеистических взглядов, а также других немусульманских народов, могла бы подойти идеология, построенная на общечеловеческих принципах, но при этом лишенная религии. Для мусульманской части населения, т.е. киргизов, узбеков, уйгур, дунган и др., невозможно найти альтернативу мусульманскому пути развития и системе ценностей ислама. Любая идеология, не учитывающая эту особенность, обречена на отторжение, особенно у народов с сильной мусульманской традицией, а также исламизированной части киргизов. Принятие же любой идеологии на основе ислама является нарушением норм Конституции.

Полная реализация интегративной функции ислама видится только в рамках мусульманской общины Киргизстана. Более того, ислам уже содержит правовые нормы регулирования отношений

внутри общины, которые не всегда применимы в условиях светского государства. Именно повышение роли мусульманской общины в общественных отношениях будет способствовать решению межнациональных проблем и вносить вклад в стабильное развитие страны.

В современной политической науке, затрагивающей анализ процессов в исламском мире, сейчас распространено условное и, можно сказать, упрощенное деление ислама на традиционный, умеренный либо радикальный виды. Но, безусловно, мы осознаем, что ислам как система общечеловеческих морально-нравственных ценностей и общественно-политических принципов – целостная и неделимая система. Иными словами, не существует различных видов ислама. Ислам один, но его понимание и оценка его роли в том или ином обществе в определенные исторические периоды различны.

В мусульманской общине Киргизстана в результате процесса реисламизации и политизации сегодня происходят столкновения между различными группами улама (учеными). Если говорить проще, конфликт имеет место между двумя типами религиозного мышления – традиционным для Центральной Азии принятием ханафитского мазхаба и матуридитской ақиды и салафитским, часто политическим, привнесенным из других стран мусульманского мира, но впоследствии принявшим устойчивые формы и содержание не без активного вмешательства извне. Появление двух «видов» ислама в рамках одного государства явление не новое. Впервые это было отмечено в странах Ближнего и Среднего Востока. Причины появления параллельного ислама в этом регионе кроются в несогласии с официальной властью в политической плоскости, когда политика государства отходит от существующих принципов религии. При этом, если традиционный тип религиозного мышления зачастую означает консервативный подход в понятии традиции определенного мазхаба и ақиды, то взгляды, привнесенные извне, представляют собой весьма пеструю картину – от фундаментально-консервативного до модернистского и радикального типов религиозного мышления.

На данный момент Киргизстан является самым активным государством по части проповеди и количеству «дааватистов» среди стран Центральной Азии. Этому факту способствовал обмен опытом и знаниями между джамаатами Киргизстана и иностранными мусульманскими государствами. Но зачастую, приняв участие в непродолжительном даавате и получив неполные или

недостоверные знания об исламе, мусульманин становится легкой добычей для радикальных исламских течений. В настоящий момент, численный состав дааватистов, по некоторым подсчетам, постоянно колеблется от 20 до 35 тыс. человек, участвующих в даавате, и в основном это киргизская сельская молодежь. Основная задача Таблиги Даават состоит в проповеднической деятельности.

Движение Таблиги Даават в Киргизстане имеет четкую организационную структуру и программу действий. В стране созданы «машвары» – советы республиканского, областного и районного уровней, куда входят обычные граждане, независимо от возраста, религиозного образования, должностей в светском обществе и наличия финансовых средств. Главными критериями являются наличие опыта проповеднической работы и постоянство в этом богоугодном деле. Республиканский совет с участием делегатов из областей собирается ежемесячно в мечетях Бишкека или Кара-Балты.

Цель «машвары» – обсуждение проблем эффективного распространения ислама среди населения. На каждом совещании его участники открытым голосованием избирают амир-сапа, ответственного за проведение данного мероприятия. В работе совета может принять участие любой священнослужитель или рядовой мусульманин и высказать свое мнение. На такие заседания зачастую приглашаются представители местного самоуправления или правоохранительных органов.

В настоящее время в Киргизстане практикуется трехдневный, сорокадневный и четырехмесячный даават, планируется введение проповедничества сроком в семь месяцев. Следует отметить, что выход на даават рекомендуется проводить в четкой последовательности от малого срока к большему.

На сегодня в нашей республике существует около 80 джамаатов, т.е. групп мусульман, которые осуществляют проповеди по распространению и укреплению мусульманской веры в Киргизстане. Проповедники условно делят даават на три группы: для мусульман, для немусульман и для атеистов. В отличие от проповедников других религий мусульманским проповедникам запрещается навязывание своих взглядов кому бы то ни было. Они никогда не будут призывать к исламу, если к ним не станут обращаться с вопросами или если не будет проявлена хоть какая-то заинтересованность.

В ходе посещения сел, районных и областных центров проповедники учат людей правильно молиться, вести здоровый, праведный образ жизни, говорят о необходимости получения светских и религиозных знаний. Проповедуется полный отказ от курения, употребления алкогольных напитков, наркотиков и других одурманивающих сознание веществ. Ведутся разъяснительные беседы по вопросам веры и шариата. При проведении призыва «дааватистам» предписано жестко соблюдать ряд правил, которые касаются их поведения при общении с собеседниками. В частности, при ведении дискуссий важно не оскорбить и не унизить оппонента.

Приверженцам этого движения строго предписано в любой, даже самой затруднительной ситуации, говорить только правду, не нарушая слов Аллаха. Участникам призыва категорически запрещается обсуждать темы, связанные с политикой.

Стоит особо подчеркнуть, что в процессе становления деятельности движения Таблиги Даават выяснилось: его сторонники эффективно и доходчиво разъясняют верующим смысл и сущность заблуждений исламских деструктивных течений. Представителями этого движения уже наработан большой опыт профилактики среди лиц, попавших под негативное влияние радикальных религиозных течений. Проповедуя ненасилие, терпимость и невмешательство в политику, так называемые «дааватчики» фактическинейтрализуют усилия представителей радикальных исламских течений, которые убеждены, что действовать необходимо немедленно, не давая неверным править собой.

Проблема модернизации общества и вовлечения в этот процесс религии была всегда актуальной. На рубеже ХХ–ХХI вв. эта проблема для мусульманской общины – «уммы» стран ЦА, и в частности Киргизстана, приобрела еще большую значимость. Модернизация общества, в том числе и религиозного, подразумевающая, в первую очередь, внедрение материальных атрибутов современной жизни, проникновение новых нетрадиционных идей, новой системы экономического устройства и системы образования, влечет за собой появление таких понятий, как «отношение» к новым переменам.

Переход от традиционного общества к современному является, на наш взгляд, тесно связанным с процессами глобализации, но в то же время традиция продолжает оказывать активное влияние на модернизационные процессы и, соответственно, сама модернизация может со временем принять форму культурных традиций. С учетом того, что общество разделяется на традиционали-

стов и модернистов как в светской (мирской) жизни, так и в религиозной, они по-разному относятся к модернизации исламского образования, а также вкладываемому в него смыслу. Все это обостряет настороженность и недоверие между светскими и религиозными представителями.

Необходимо также отметить, что ввиду того, что сама модернизация в западном понятии возвела «сомнение» в норму, свобода выбора и право на сомнение невозможны без рациональной дискуссии и полемики. То есть концептуальные основы решения этой проблемы были заложены еще во времена Реформации. Именно реформаторы выдвинули на первый план индивидуальную веру, положили начало исследованию и новому истолкованию Священного Писания и церковной истории, узаконили плюрализм религиозных позиций и т.д.

Но в исламском мире этого не произошло по различным причинам. Среди таковых можно назвать «закрытия» теоретических интеллектуально-правовых разработок «иджтихада», начиная примерно с XII в., а также саму специфику ислама в плане неизменности характера его основных принципов и т.д. В данном случае, мы не проводим аналогию ислама с реформаторским движением христианства, так как они имеют разные природу и характер. Мы имеем в виду модернизацию в исламе не базисных принципов, а некоторых инструментов, т.е. подходов в видении и новом решении современных проблем. Можно констатировать тот факт, что современному мусульманину приходится жить в некотором разрыве с религиозным мировоззрением, полученным в традиционном медресе, и реальностью современной жизни. Они иногда вступают в противоречие друг с другом, заставляя по-новому искать ответы в исламе.

Вопросы модернизации в сфере религиозного образования в Киргизстане являются на сегодняшний день наиболее актуальными ввиду того, что опасность для стабильности Киргизстана, в первую очередь, могут представлять радикализация верующих и условия, толкающие их на это. Остроту данной проблематике придает и то, что между религиозными организациями и светской государственной властью существует так называемый «фактор недоверия». Трудность, главным образом, заключается не столько в политико-правовой базе, сколько в излишней идеологизированности подходов. Это имеет место как со стороны духовенства, так и со стороны светской части населения. Можно увидеть проявление этой тенденции в проведении реформирования исламского образо-

вания, в отсутствии непрерывного и постоянного взаимодействия между религиозными организациями и светской государственной властью, притом что главным стратегическим ресурсом Киргизстана должен быть интеллектуальный, человеческий потенциал, основанный на высоком уровне образования граждан.

Однако в 1990-е годы система светского образования стала все меньше отвечать современным потребностям развития страны, запросам общества и государства. Падало качество светского школьного образования, особенно на селе. Впервые за многие годы появился значительный процент выпускников школ, не умеющих грамотно читать и писать. Многие дети, родители которых не имеют высоких доходов, вынуждены получать бесплатное религиозное образование в медресе. Количественный рост исламских образовательных учреждений заставляет обращать внимание на качественный уровень получаемого религиозного образования.

Традиционная для стран Центральной Азии методика преподавания в исламских учреждениях «хужра», дающая только узко-религиозное образование, на сегодняшний день является основной причиной консервативного религиозного мышления и, по сути, «тормозом» на пути развития современного исламского образования. Традиционный институт религиозного образования, к сожалению, оказался неспособным соединить новые вызовы современности, и ислам фактически не может «интеллектуально» противостоять радикальным идеологиям на своем поле. Не находя нужных ответов на свои вопросы, молодежь ищет их за пределами официальных мечетей, пополняя ряды радикальных течений. Причиной часто становится низкий уровень образования, полученного в медресе, а также искаженное представление о светских науках, слабая материальная база медресе, дефицит кадров и компетентных преподавателей, проблема признания дипломов и проблема последующего трудоустройства.

Однобокое религиозное образование влияет на стереотипное понимание сущности ислама и целей шариата, которое выражается в искажении некоторых доктрин ислама. Это приводит к формированию стереотипов религиозного мышления, его консервативности, к низкому уровню толерантности, неспособности реагировать на современные вызовы времени, к представлению о светской власти как об угрозе.

Существует также и проблема цивилизационного разрыва между светской и религиозной интеллигенцией республики, и в будущем она может повлиять на зарождение в одном националь-

ном государстве двух идейно-политических сообществ – верующих и светских.

Необходимо отметить и то, что также существует ярко выраженная тенденция к появлению «светского» радикализма, обусловленная в основном «религиозной» неграмотностью и крайне низким уровнем информированности светского населения об исламских образовательных учреждениях столицы.

Нужно задаться вопросами: какая модернизация исламского образования необходима самим мусульманам и как они понимают это? С чем связаны призывы ряда исламских интеллектуалов «реформировать» методологию исламского преподавания, «вернуться к истинному пониманию ислама»? Можно сказать, что в прошлом веке в Киргизстане уже имелся такой прецедент, а именно появление новометодных (джадитских) школ – медресе, которые дали Киргизстану первую национальную религиозно-светскую интелигенцию.

Для понимания психологии верующих важно учитывать и тот факт, что для мусульман любая реформа и новое понимание проблем в исламском праве по четырем мазхабам должны исходить изнутри ислама, от самих авторитетных исламских ученых. Навязывать мусульманам какие-то внешние методологии, не говоря уже об идеях, бесполезно, особенно в такой стратегической области для верующих, как исламское образование. Необходимо подчеркнуть, что при проведении углубленного опроса среди религиозных экспертов возникла проблема в толковании терминов «нововведение» и «модернизация». Поэтому мы условно разделяем религиозных лидеров Киргизстана на три основные группы: традиционалисты, умеренные реформаторы и модернисты.

Две последние группы представлены молодым поколением верующих мусульман Киргизстана. В первую группу (традиционистов) входят сторонники старой системы преподавания, т.е. традиционного метода преподавания «хужра». Традиционалисты отрицают любое нововведение в медресе, и, как правило, их можно называть консерваторами ввиду того, что они являются строгими последователями определенной юридико-правовой школы (в данном случае ханафитской) и придерживаются «матуридитской акиды» (вероубеждения).

Вторую группу умеренных реформаторов представляют, как правило, те, кто получил теологическое образование за рубежом, в Турции или Египте. Те студенты, которые получили образование за рубежом, в основном в арабских странах, являются привержен-

цами различных нетрадиционных идеиных течений, в том числе и радикальных. Представители данной группы выступают за изменение программы преподавания, но по примеру арабских стран. На наш взгляд, именно выпускники учебных заведений стран Ближнего Востока имеют идеино-политический потенциал, способный повлиять на активизацию политической протестной формы ислама. В то же время именно выпускники исламских образовательных учреждений дальнего зарубежья переносят идеологию с национальной спецификой той или иной страны (Египта, Турции или Пакистана) на Киргизстан, стараясь привить ее к условиям традиционного понимания ислама, что и вызывает конфликт внутри мусульманской общины.

Третья группа модернистов состоит, как правило, из тех, кто получил религиозное и одновременно высшее светское образование за рубежом (в основном, в Турции, Малайзии, Египте, Иордании) и продолжил его в светских вузах. США, Великобритании, Франции и других стран. Модернисты не только поддерживают введение некоторых светских предметов в медресе, но и активно способствуют модернизации всей системы и нового прочтения в преподавании религиозных предметов. Это дает нам право говорить и о реформаторской роли выпускников исламских образовательных учреждений дальнего зарубежья. Многими представителями исламского преподавательского состава и теологами из числа традиционалистов и некоторых представителей умеренного реформаторства данные термины толкуются как вмешательство «извне» для искажения истинных основ ислама, а потому и вызывают определенную настороженность и недоверие.

На примере интервью с мударисом медресе «Альзакар» (г. Джелалабад) можно видеть, что негативная реакция богослова-«консерватора» на идею реформирования религиозного образования носит также и идеино-политический мотив: «Ислам не надо модернизировать, это приведет к искажению. Наша система образования (хужра) прошла века и выдержала давление атеистов во времена СССР. Кому нужна эта модернизация? США и евреям? Почему они так о нас беспокоятся? Что они тогда делают в Ираке? Трудности в том, что государство не хочет признавать роль ислама, а вмешиваться хочет, так пусть сначала решит проблему коррупции и реально помогает нам, а не критикует и не вмешивается в наши внутренние дела, если религия по Конституции полностью отделена от государства. Почему об Исламе вспоминают только на похоронах? Вот пусть они (демократы) читают не Коран, а свою

Конституцию, но ведь когда им плохо, вспоминают все же об Аллахе».

В Киргизстане на сегодняшний день действуют семь высших исламских учебных заведений (Университет им. Хазрети Умар и шесть исламских университетов), а также свыше 50 медресе. В данных учебных заведениях не существует единой учебной программы, т. е. каждое медресе или институт составляет свою учебную программу и методологию преподавания. В большинстве медресе преподаются только 4–5 предметов – Коран, хадисы, шариат, арабский язык и вероубеждение (акида). Только в некоторых институтах преподаются английский язык и компьютерная грамотность. В отличие от светских в исламских образовательных учреждениях дают только узкоспециализированное образование, что является основной преградой для признания дипломов, дальнейшего трудоустройства выпускников и, возможно, создает стереотипное восприятие светской жизни, а также консервативность религиозного мышления.

Согласно проведенному интервью по вопросу о качестве религиозных учебных заведений в республике, традиционалисты (консерваторы) считают, что лучшими по качеству считаются Арашанский теологический факультет и теологический факультет в ОшГУ. Теологические факультеты являются государственными, потому что они функционируют по государственному стандарту. По сравнению с медресе теологические факультеты отвечают современным требованиям. Система преподавания там является современной; кроме специальных предметов по теологии и арабскому языку присутствуют и светские предметы, как и в других светских университетах КР, такие как философия, исламская философия, педагогика, история и т.д. Конечно же, это определяет качество получаемого образования и широкий кругозор студентов, их отличие от учащихся Исламского университета или медресе, где преподаются узкоспециализированные предметы.

Многие эксперты отмечают, что на сегодняшний день только в Исламском университете Бишкека есть какая-то материальная база и какие-то кадры, что отличает его от медресе. Например, в Исламском университете им. Хазрети Умара преподают в основном авторитетные ученые-«алымы», получившие образование в Бухаре; есть там также ученики авторитетных ученых, получившие образование путем обучения методом «хужра»; есть и выпускники египетских университетов, таких как «Аль-Азхар» и Каир-

ский, выпускники Арашанского теологического факультета при ОшГУ.

Но отсутствие светских предметов, старая методика и устаревшие учебные пособия определяют качество получаемого образования, а также узкий кругозор студентов. Таким образом, из поступающих каждый год 30 студентов вуз заканчивают всего 10. Например, на теологию на 1 курс принимают 60 студентов, а в конце остается 25–30. Высокий процент оттока может также складываться и по другим причинам. Например, поступают обычно те абитуриенты, которые не поступили в другие светские вузы или по желанию родителей выбрали религиозное образование. По словам же экспертов, многие оставляют учебу уже после 1, 2 или 3-го курсов, потому что не видят свое будущее в религиозной сфере.

Опять же, по мнению экспертов, довольно-таки трудно назвать университетом Исламский университет. Можно сказать, что он является одним из лучших медресе в Киргизстане. То есть по качеству образования Исламский университет и институты ничем не отличаются от медресе, их уровень довольно слабый.

Следующими по качеству предоставляемого образования являются исламские институты, хотя материальная база и преподавательский состав здесь очень слабы. Многие эксперты выразили мнение, что они не отвечают современным требованиям, и им даже не понятно, на каком основании муфтият предоставил им статус института.

Третьими по качеству предоставляемого образования являются медресе. В Киргизстане их насчитывается свыше 50. Следует отметить, что медресе могут сильно отличаться друг от друга. Поскольку существуют разного рода медресе – общественные, зарегистрированные в муфтияте и медресе (хужра), построенные на средства частных лиц, которые являются их собственниками. Относительно качества образования частных медресе можно сказать, что они не подчиняются муфтияту; хозяин сам решает, кто там будет преподавать и по какому плану они будут готовить своих альимов.

Если смотреть территориально, то в Ферганской части Киргизстана лучшими считаются медресе им. Абдыжапара и Мирзакинское медресе. В Чуйской области хорошим по качеству преподавания и обеспечения считается Даргинское медресе близ Бишкека, а также в селе Арашан, где преподают в основном арабы (ваххабиты). По словам экспертов, все медресе сегодня существуют на средства, полученные от простых людей и от спонсоров, в том числе и от зарубежных. Если сравнивать медресе и институты,

то в некоторых медресе условия лучше, чем в исламских институтах. Но несмотря на то что в медресе религиозные курсы преподаются хорошо, в них используются старые методы преподавания, основанные на зазубривании текстов.

В данном направлении необходимо разрабатывать концепцию по «ступенчатой» модернизации начального среднего религиозного образования, где должна меняться не только форма, но и содержание исламского образования. Умеренный ислам с современным видением проблем должен стать конкурентоспособным на рынке идей. Основой для этого должны послужить исламские авторитетные источники и самые последние интеллектуальные достижения философско-правовой исламской мысли.

Проведение модернизации в области образования должно вывести исламское образование в целом на научный и интеллектуальный уровень. Такой подход в решении кадровых проблем повлияет на образование светско-мусульманской и мусульманской интеллигенции с ее последующей интеграцией в общественно-социальную жизнь страны. Появление же интеллектуальных исламских кадров нового формата со светской составляющей может являться залогом построения гармоничного общества в Киргизстане и уменьшить разрыв между светской и религиозной частью общества, который наблюдается в соседних странах Центральной Азии. А главное, это позволит снизить степень радикализации в мусульманской среде.

Анализ составляющих этой проблемы показал, что только модернизация религиозного образования может изменить религиозное мышление среди верующих, повысить уровень толерантности, осовременить исламское видение в решении социальных и духовно-нравственных проблем в обществе в условиях светского государства с большинством мусульманского населения.

В этой связи обращение современных мусульманских интеллектуалов к проблеме модернизации мусульманского общества и реформирования исламского образования является вполне объяснимым. Одной из форм интеллектуальных поисков в этой сфере является идея «реформирования» не только системы традиционного образования, но и содержания религиозных предметов. Путем глубокого анализа и осмысливания священных текстов можно будет выработать понимание ислама, совместимое с большинством современных социальных и политических ценностей через призму самих же исламских ценностей, что является осовремениванием исламских подходов.

Политический ислам можно контролировать при условии, что государство признает за религией важную роль регулятора общественных отношений и само будет принимать участие в диалоге между исламом и государством. Причастность государства к развитию религиозной сферы, учет мнения религиозного большинства в принятии политических решений и широкое привлечение религиозной общины к вопросам государственного строительства и к проведению дальнейших реформ и преобразований является, по нашему мнению, единственным приемлемым выходом из сложившейся ситуации. Именно он способен предотвратить рост конфликтного потенциала исламского политического движения в регионе.

Все это, несомненно, оказывает сильное влияние на мусульманскую общину Киргизстана и подталкивает многих религиозных и общественных деятелей к изменению своего видения роли ислама в политике страны.

При этом было бы в корне неверным полностью проецировать ситуацию в странах Ближнего и Среднего Востока, а также остальных государств Центральной Азии на религиозную среду Киргизской Республики. Ситуация в сфере религии в Киргизстане отличается по многим параметрам. В их числе можно назвать многонациональный характер мусульманской общины Киргизстана и существование региональных, а также родоплеменных различий в наиболее многочисленной ее части, к которой принадлежит титульный этнос страны.

«Социальная специфика развития политической культуры в Центральной Азии», М., 2009 г., с. 122–152.

Людмила Максакова,
доктор экономических наук
(Институт макроэкономических и социальных
исследований Госкомпрогнозстата
Республики Узбекистан, г. Ташкент)
**ОЦЕНКА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
УЗБЕКИСТАНА С ПОЗИЦИЙ ПЕРСПЕКТИВ
МИГРАЦИИ**

Узбекистан является активным участником международных рынков труда. По данным исследований, большинство мигрантов республики осуществляют свою трудовую деятельность в преде-

лах СНГ. Этому способствуют постоянный и растущий спрос на рабочую силу в принимающих странах, главным образом, в России, относительное отсутствие языковых барьеров, безвизовый режим въезда и т.д. В настоящее время увеличиваются миграционные потоки в Казахстан, в основном на строительные и сельскохозяйственные работы.

В последние годы масштабы трудовой миграции растут. Глобализация общемировых процессов усиливает открытость стран и интеграцию их в мировое сообщество. Она вызывает не только движение сырья, капитала, финансовых и материальных ресурсов, но и рабочей силы. Активизируется формирование мировых рынков труда, которое происходит главным образом посредством трудовой миграции населения. В современных условиях международная трудовая миграция становится неотъемлемой составной частью мирового рынка труда и мировой экономики. По сути дела, трудовая миграция населения, с учетом ее масштабов, в настоящее время становится одним из важных сегментов рынка труда и в принимающих, и в посылающих странах, создавая специфический сегмент внешней занятости населения.

Мировой финансовый кризис оказал немалое воздействие и на процессы трудовой миграции населения Узбекистана. В частности, несколько снизилась миграция в Россию, которая длительное время остается основным миграционным партнером республики. Об этом свидетельствуют, во-первых, имевший место в 2008 г. некоторый возврат трудовых мигрантов в обычный сезон наиболее активной работы, в 2009 г. – некоторое снижение общей численности трудовых мигрантов, а во-вторых, снижение объемов денежных переводов (за первый квартал 2009 г., например, на 37%). Однако, по мнению экспертов, сокращение трудовой миграции является времененным явлением. По данным российских источников и оценкам местных экспертов, даже в условиях мирового финансового кризиса трудовая миграция из Узбекистана в целом сохраняет свои обычные размеры.

В республике длительное время сохранялся режим расширенного воспроизводства населения и соответственно этому – быстрый рост трудовых ресурсов. По советской методологии, Узбекистан всегда относился к трудоизбыточным регионом и являлся одним из основных источников для планового организованного вывоза и перераспределения рабочей силы в стране. И действительно, ежегодный прирост трудового потенциала был достаточно высоким (2–3%), что обеспечивало быстрый рост трудовых ресурс-

сов и в то же время создавало проблемы трудоустройства и обеспечения занятости населения. Такая ситуация в определенной мере сохраняется и до настоящего времени, так как основная масса трудовых ресурсов сформировалась в период расширенного воспроизводства и быстрого роста населения. По сути дела, прирост численности трудовых резервов вплоть до 2008 г. происходил на базе высокой рождаемости советского периода.

На рубеже веков численность трудовых ресурсов республики возрастила в год на 360–390 тыс. человек (на 3,0–3,1%). В эти годы ощущалось особенно большое демографическое давление на рынок труда, что в условиях свободы спроса-предложения рабочей силы создавало целый ряд проблем обеспечения занятости населения. Несмотря на достаточно высокий ежегодный прирост рабочих мест, напряженность рынка труда сохраняется. Расширение сферы занятости происходит главным образом в сфере малого бизнеса и индивидуального предпринимательства, которая, как и в других странах, характеризуется недостаточной стабильностью рабочих мест, что может создавать неустойчивую занятость и потенциальный риск безработицы.

В мировой практике предельно-критическим уровнем безработицы принято считать 10% от экономически активного населения (Экономическая безопасность, 1998). По расчетам (по методологии МОТ), реальный уровень безработицы в Узбекистане – 5,3–5,0% (Министерство труда и социальной защиты населения Узбекистана, 2007). Это значительно ниже, чем в большинстве государств на территории СНГ. Однако с учетом быстрого роста трудовых ресурсов и огромной массы молодежи, ежегодно пополняющей рынок труда, такой уровень безработицы для Узбекистана можно считать также достаточно высоким. Проблемы трудоустройства, особенно в малых городах и сельских районах, создают предпосылки для поиска работы за пределами постоянного места жительства.

Кроме того, на формирование потоков трудовой миграции большое влияние оказывает относительно низкий уровень оплаты труда в ряде отраслей республики. Таким образом, высокий уровень трудообеспеченности и потенциальные угрозы безработицы обуславливают намерения людей искать работу и заработки за пределами республики.

Трудовая миграция имеет большое значение для Узбекистана. Она уменьшает демографическое давление на локальные рынки труда, особенно в густонаселенных регионах, и по сути дела

является альтернативой безработицы. Тысячи людей, выехавших на работу в другие страны, в определенной мере сняли напряженность на рынке труда Узбекистана. Трудовая миграция является также важнейшим источником поступления в республику валютных средств. По данным Национального банка Узбекистана, объемы денежных переводов непрерывно возрастают: с 225 млн. долл. в 2002 г. до 3 млрд. долл. США в 2008 г. Значительную долю в общем объеме переводов занимают денежные поступления от трудовых мигрантов. По данным Всемирного банка, ежегодные денежные переводы трудовых мигрантов Узбекистана уже в 2006 г. приблизились к 1 млрд. долл. США (Word Economic., 2006), в 2009 г., по оценкам экспертов, превысили 2 млрд. Фактически валютных средств от трудовых мигрантов поступает значительно больше, чем зафиксировано в официальных источниках, так как параллельно с международными и национальными финансовыми системами и банковскими структурами используются неформальные каналы. В совокупности денежные переводы трудовых мигрантов обеспечивают около 10% современного ВВП республики.

В то же время чрезмерный рост трудовых миграций имеет и отрицательные последствия. Рынок труда Узбекистана в результате внешней трудовой миграции утрачивает наиболее мобильное и дееспособное население. Несмотря на предпринятые государством меры по расширению организованного экспорта рабочей силы, значительная часть выходцев из Узбекистана в странах приема трудятся на неорганизованной основе и не имеют необходимой социальной защиты ни со стороны своего государства, ни со стороны государства приема.

В этих потоках трудовые мигранты используются в основном не по своим профессиям и специальностям, утрачивая профессиональные знания и квалификацию, и зачастую безвозвратно. Следует учитывать, что трудовая миграция происходит на фоне общего миграционного оттока из республики. В совокупности это уже сейчас создает проблемы с квалифицированной рабочей силой, которые потенциально могут усилиться в перспективе. Выезд из республики большого количества мобильных, квалифицированных работников создает определенные проблемы для национального рынка труда: дефицит специалистов, обеспечение квалифицированными кадрами предприятий реального сектора и сферы услуг. Не менее сильны негативные социально-демографические последствия трудовой миграции – ухудшение здоровья ее участников, осложнение семейных отношений, недостаточное внимание

воспитанию детей. Внешняя трудовая миграция населения ослабляет национальный рынок труда и в определенной мере способствует ухудшению демографической ситуации в Узбекистане.

На формирование численности и структуры трудовых ресурсов на современном этапе большое влияние оказывает существенное снижение рождаемости, которое происходило в течение 1990-х годов и начале нового века. В результате за 1991–2004 гг. общий и суммарный коэффициенты рождаемости сократились в 1,7–1,8 раза. При этом снижение рождаемости в сельской местности, где размещено более половины трудовых ресурсов, происходило более интенсивно, чем в городах.

Снижение рождаемости имеет для республики немалые позитивные социально-демографические последствия. Оно способствует улучшению здоровья матери и ребенка. Уменьшается демографическая нагрузка на трудоспособное население. По расчетам, за период независимого развития республики общая демографическая нагрузка снизилась с 1038 до 652 человек в расчете на 1000 трудоспособных, т.е. на 384 человека нетрудоспособных возрастов. Значительно изменилась возрастная структура населения: удельный вес трудоспособных контингентов возрос с 49,1% в 1991 г. до 60,1% в 2009 г. Одновременно с этим доля детей и подростков в возрасте до 16 лет значительно сократилась: с 43,1% в 1991 г. до современных 33,0%.

Демографическое эхо от снижения рождаемости в ближайшие годы будет ощущаться в формировании рынка труда в Узбекистане. Уже через 7–8 лет в республике значительно замедлится рост трудовых ресурсов и изменятся параметры смены поколений. По расчетам, если сейчас соотношение входящих в трудоспособный возраст и выходящих из него составляет 3,6 : 1, то к 2020 г. оно может сократиться до 1,7 : 1, что наглядно свидетельствует о замедлении роста трудового потенциала. Это не может не отразиться и на масштабах трудовой миграции. Республика в недалеком будущем не будет располагать большими возможностями для экспорта рабочей силы.

Одновременно с этим на процессы внешней трудовой миграции будет воздействовать значительное улучшение социально-экономической ситуации в республике. По мере ускорения экономического роста будет возрастать потребность экономики в привлечении новых масс трудоспособного населения. Как показывает мировой опыт, аналогичные с Узбекистаном сдвиги в возрастной структуре населения открывают своеобразное «демографическое

окно» экономических возможностей. При наличии меньшего числа иждивенцев на население трудоспособного возраста страны получают возможность вкладывать дополнительные инвестиции, которые могут способствовать ускорению экономического роста и повышению уровня жизни населения. В Узбекистане основными предпосылками для этого являются ускорение экономического роста, структурные преобразования в экономике, улучшение инвестиционного климата, что при значительном снижении темпов роста населения может дать эффект. В последние годы экономическое развитие республики опережает рост населения, ускоренными темпами растут ВВП, объемы и душевые показатели производства продукции промышленности, сельского хозяйства. Происходящие позитивные процессы развития экономики будут сопровождаться ростом доходов населения, что объективно должно ослаблять факторы трудовой миграции.

Таким образом, под воздействием экономических и социально-демографических факторов, многие из которых имеют долговременное значение, трудовая миграция населения из Узбекистана может заметно сократиться. Современный всплеск трудовой миграции населения Узбекистана представляется относительно недолговременным явлением, обусловленным спецификой трансформационного периода. Примером этого является опыт Италии, Турции, Казахстана и других стран, которые еще недавно были активными экспортерами рабочей силы на международные рынки труда, а затем сами стали принимающими странами. Таким примером изменения ситуации на рынке труда может стать и Узбекистан, для этого имеются достаточно значимые предпосылки.

В последнее время в научной литературе активно используется понятие «народосбережение». Видимо, целесообразно ввести в научный оборот и термин «трудосбережение», что может быть актуальным не только для трудонедостаточных стран, но и для тех, которые характеризуются быстрым ростом трудовых ресурсов. Важно в условиях нарастания объемов трудовой миграции количественно и качественно сберечь свой трудовой потенциал. Этим целям может способствовать достижение более эффективного международного сотрудничества. Необходимо расширять организационно-правовое сотрудничество Узбекистана с Россией и другими странами. На современном этапе и посылающим, и принимающим странам целесообразно разрабатывать стратегии перевода трудоустройства граждан за рубежом в цивилизованный процесс. Они могут быть основаны на совершенствовании

законодательно-правовой базы и предусматривать выработку новых подходов к организованной трудовой миграции.

*«Миграционный мост между Центральной Азией и Россией: Роль мигрантов в модернизации, инновационном развитии экономики стран, посылающих и принимающих мигрантов»,
М., 2011 г., с. 337–341.*

**А. Умнов,
востоковед**

АФГАНИСТАН–ПАКИСТАН: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Смерть Усамы бен Ладена, безусловно, открывает новые перспективы для вывода западного (в основе американского) воинского контингента из Афганистана. Ведь этот контингент появился в Афганистане как прямой результат отказа талибов выдать «отца современного террора» – Усаму бен Ладена международному правосудию. Исчезновение первопричины ввода войск естественно создает благоприятные условия для их вывода из Афганистана. Правда, остается еще судьба правительства Хамида Карзая, перспективы пребывания у власти которого тесно связаны с прямой военной поддержкой США.

После свержения в 2001 г. правления исламского движения «Талибан», объединявшего 90% территории страны, Афганистан вновь фактически распался на несколько полусамостоятельных образований. Причины такого положения, казалось, были очевидны. Ведь Афганистан – одно из самых полигэтнических государств мира. Этнические амбиции в значительной мере и обусловливают его дезинтеграцию. Игравшие прежде ведущую роль пуштуны хотели бы ее возвратить, а таджики, узбеки и хазарейцы, на которых преимущественно базируется правительство пуштуна Х. Карзая, этого не хотят.

Встает вопрос: как удалось опиравшимся главным образом на пуштунов талибам в свое время объединить почти всю страну? Конечно, «Талибан» сначала поддерживали Пакистан и США. Но это обстоятельство мало что объясняет. Тогдашняя помощь не идет ни в какое сравнение с задействованной ныне военной и экономической мощью. Единственное логичное объяснение – включение талибами глубинных механизмов государственного строительства, которое в Средней Азии и на Среднем Востоке

традиционно базировалось не на разложении и слиянии общин и кланов разной этнической принадлежности (как в Европе), а на их объединении и существовании.

Впоследствии под влиянием европейской цивилизации в Средней Азии утвердилась государственность на базе отдельных этнических групп. Но в Афганистане (как, впрочем, и в Иране) осталась прежняя форма власти, когда санкционированные исламом межобщинные и межклановые связи на региональном уровне превалировали над межэтническими. В то же время в общенациональных рамках общины и кланы разной этнической принадлежности на протяжении истории играли в государственном строительстве, как правило, разную роль: пуштунские и узбекские – ведущую, таджикские и хазарейские – ведомую. Дело в том, что таджики и хазарейцы сформировались как оседлые народы, пуштуны и узбеки – как оседло-кочевые. Отсюда локальная ориентация одних и гораздо более дисперсная – других. Хазарейцы, сконцентрированные в слабо связанном с другими частями страны районе, принимали пассивное участие в государственном строительстве. Пуштуны, узбеки и таджики, напротив, были очень активны.

С XVI в. самой сильной формой местной межэтнической государственности выступала узбекско-таджикская. Однако, превращаясь в оседлый народ быстрее, чем пуштуны, узбеки потеряли прежнюю мобильность. И в XVIII столетии место лидера перешло к пуштуно-таджикской государственности. Завоевание Россией в XIX в. Средней Азии (где уже в советское время возникли Узбекистан и Таджикистан), «отрезав» афганских узбеков от среднеазиатских, укрепило ведущую роль пуштунов. Одновременно, правда, происходило утверждение Великобритании на территории будущего Пакистана, что разделило и пуштунов. Но в Афганистане, именно тогда обретшем нынешние границы, пуштунов осталось все же гораздо больше, чем узбеков. В результате пуштунотаджикская государственность полностью выдавила узбекско-таджикскую.

В XX столетии практика подтвердила жизненную необходимость для страны ведущей роли пуштунов. Когда дважды (1929, 1992–1996) верховная власть оказывалась в руках таджиков, Афганистан фактически распадался. В результате созданный не желающими подчиняться талибам непуштунскими силами Северный альянс изначально был крайне непрочен.

Сегодня во главе Афганистана стоит пуштун Хамид Карзай. Опираясь на прямое иностранное военное присутствие, он пытается воссоздать альтернативную талибам государственность, которая, противостоя экстремизму, опиралась бы на собственные силы и объединяла страну. В то же время, видимо, понимая, что афганская проблема не имеет военного решения, Карзай постоянно предлагает талибам сесть за стол переговоров. Хотя до сих пор подобные призывы успеха не имели, в ближайшем будущем для них открываются более благоприятные, чем прежде, перспективы. Ведь объявленные сроки вывода иностранных войск, как кажется, снимают со стороны талибов главное препятствие для таких переговоров. Другое дело, вывод войск не связан с ликвидацией американских военных баз, которые США предполагают оставить в Афганистане на долговременной основе.

Пытаясь навести мосты с талибами, Карзай весьма ревниво относится к аналогичным попыткам со стороны США. И это неудивительно. Ведь требуя от талибов размежеваться с международными террористами, Вашингтон может, как представляется, пожертвовать интересами правительства самого Карзая. И здесь Карзай может опереться на Пакистан, который имеет немалые ставки во внутриафганской борьбе.

Возникший в свое время из населенных мусульманами районов Британской Индии, Пакистан до сих пор остается одним из самых хрупких государств мира. Не случайно в начале 1970-х годов Пакистан уже разваливался. Тогда на месте его бывшей Восточной провинции возникло новое государство – Бангладеш. Отношения между оставшимися в составе Пакистана численно и политически преобладающими пакистанцами, с одной стороны, и сикхами, пуштунами и белуджами – с другой, всегда были далекими от идиллии. Особенно остро при этом стоял пуштунский вопрос. Расселенные в районах, граничащих с Афганистаном, пакистанские пуштуны постоянно требовали предоставления себе широкой автономии. Причем отказ властей пойти им навстречу неоднократно приводил к вспышкам борьбы за независимый Пуштунистан.

В своем противоборстве с Исламабадом пакистанские пуштуны всегда опирались на Кабул, который никогда не признавал законность афгано-пакистанской границы, возникшей как преемница рубежа между Афганистаном и Британской Индией, некогда разделившего всех пуштунов на две примерно равные части. После ухода англичан с субконтинента Кабул заявил, что Паки-

стан не является преемником Британской Индии, а новое государство как таковое должно предоставить оказавшимся в его составе пуштунам право на самоопределение. Пока же такое право (путем референдума) предоставлено не будет, Афганистан отказался признавать границу с Пакистаном.

Обусловленная стремлением продемонстрировать свой «подлинно пуштунский» характер – прежде всего собственным пуштунам, такая позиция Кабула создавала немало проблем для Исламабада. Причем для него было опасно как сильное правительство в Афганистане с пуштунским стержнем, так и слабое правительство, не способное обеспечить единство страны. Именно таким было опиравшееся главным образом на непуштунов правительство моджахедов, образовавшееся после свержения в 1992 г. Наджибуллы. И именно таким является нынешнее правительство Карзая: он сам, будучи пуштуном, опирается преимущественно на таджиков и узбеков. Из них в основном формируются регулярная армия и полиция.

Дезинтеграция Афганистана чревата стихийным воссоединением пуштунов через афгано-пакистанскую границу, что может серьезно нарушить этнический баланс внутри Пакистана. Именно это и стало происходить во времена правления моджахедов, когда оказавшиеся после коммунистического переворота в Кабуле и особенно ввода советских войск в Афганистан на пакистанской территории миллионы пуштунских беженцев не пожелали возвратиться к себе на родину.

Отсюда понятна первоначальная заинтересованность Исламабада в «Талибане». Стимулировав возникновение этого религиозно-политического движения, Пакистан рассчитывал восстановить твердую пуштунскую власть на юге Афганистана, где численно доминируют пуштуны. Тем самым были бы созданы условия для возвращения беженцев. В то же время контроль непуштунов над Кабулом предотвращал бы обострение пуштунского вопроса на межгосударственном уровне. Поэтому после утверждения талибов на юге Афганистана Исламабад стал подталкивать их к компромиссу с властями в Кабуле. Однако «Талибан» поломал планы Пакистана, распространив свою власть не только на юг, но также и на север Афганистана. В конце концов под их контролем оказалось и сердце страны – Кабул. Единственной частью страны, продолжавшей сопротивление талибам, оставался примыкающий к границе с Таджикистаном горный район Панджшера.

Перед Пакистаном вновь замаячил призрак сильной пуштунской власти в Афганистане, чреватый обострением пуштунского вопроса уже и на межгосударственном уровне. Свержение режима талибов отбросило эту угрозу, но не ликвидировало корни пуштунской проблемы. По существу Пакистан стоит перед ситуацией и угрозами, напоминающими раздел Афганистана между талибами и моджахедами. Поэтому он очень заинтересован в примирении между нынешним правительством в Кабуле и «Талибаном», и на эту заинтересованность Пакистана может опереться Карзай.

«Север–Юг–Россия, 2011»,
М., 2012 г., с. 61–64.

**Максим Брательский,
востоковед (ГУ ВШЭ)**

ИРАНСКИЙ КРИЗИС РАЗРЕШИТСЯ В СИРИИ?

Новости из Ирана и связанные с Ираном переговоры, объявления о санкциях, внешнеполитические заявления, рассуждения экспертов – уже многие годы занимают первые полосы газет и интернет-изданий. Двигается ли Иран к созданию ядерной бомбы? Откажется ли он от своих ядерных амбиций под давлением санкций? Будет ли нанесен удар против его ядерных объектов и чем кончится противостояние между Ираном и добной половиной мира – вот вопросы, которыми все чаще задаются политики, эксперты и общественность многих стран.

Иран в нынешнем его виде, с проводимой им внешней политикой и внушающей обоснованные опасения программой обогащения урана, представляется многим не только неудобным, но и опасным. В чем именно состоит неудобство и опасность иранской политики, вызывающей столь широкое осуждение и противодействие, – только ли в реальной или воображаемой перспективе получения Ираном ядерного оружия? Или, другими словами, какой Иран не будет вызывать отторжения, подозрительности и опасений? Как ни странно, формальный ответ «безъядерный» к этому вопросу не подходит. Более того, для разных стран ответ на этот вопрос будет тоже разным.

Анализируя иранскую внешнюю и внутреннюю политику с точки зрения интересов Запада, стоит обратить внимание на тот факт, что само по себе наличие ядерного оружия у той или иной страны не обязательно становится непреодолимым препятствием к

налаживанию конструктивных отношений между этой страной и западным миром. Ядерное оружие есть у Израиля – и это не мешает западным странам чувствовать себя вполне комфортно во взаимоотношениях с этой страной. Ядерное оружие есть у Индии – и после короткого периода охлаждения связи Запада с этой страной были быстро восстановлены в полном объеме. Ядерное оружие есть у Пакистана – и хотя отношения между западными странами и Пакистаном в данный момент безоблачными не назовешь, в основе разногласий между ними лежат не пакистанские ядерные бомбы, а другие вещи. Можно предположить, что и в случае Ирана корни противостояния лежат не только в его ядерной программе, но и в чем-то другом.

Вспомним Иран, каким он был до революции 1979 г. Во главе государства стоял просвещенный монарх, который планомерно занимался экономической и социальной модернизацией (вестернизацией) страны. Иран не отказывался от своего суверенитета, но в своей внешней политике следовал некоторым сформулированным Соединенными Штатами и Западом правилам игры. Во времена «холодной войны» эти правила игры были довольно простыми, но, кроме противостояния Советскому Союзу, они также включали такие элементы, как поддержание региональной стабильности, невмешательство во внутренние дела своих соседей по региону, увеличение своей значимости и международного влияния эволюционным способом: развитием национальной экономики, участием в мировой торговле, постепенным строительством вооруженных сил. Тот Иран тоже имел свои внешнеполитические цели и амбиции, но они не выходили за приемлемые в то время рамки и не принимали такие формы, как войны с соседями, поддержка иностранных боевиков и усилия по срыву мирного процесса в регионе.

Самое главное, суверенитет (можно спорить о том, обладал ли им Иран в полной мере или нет) не интерпретировался Ираном как императив к изменению порядка вещей, устоявшегося в регионе. Иран спокойно сосуществовал с Израилем и активно с ним сотрудничал. Иран не вмешивался в арабо-израильский конфликт, по крайней мере, не пытался всеми способами ставить палки в колеса так называемому «ближневосточному мирному процессу». Наконец, Иран в основном занимался своими внутренними делами и открыто не вмешивался в дела соседей путем поддержки военизованных группировок или шиитских общин. Иран понимал и принимал установленные правила игры и не пытался их нарушить. Именно в те годы Иран начал свою национальную ядерную

программу, что произошло при прямой поддержке американцев – и Соединенные Штаты отнюдь не пугались возможной перспективы (хотя тогда она почти не просматривалась) ядерной эволюции рационального, соблюдающего правила игры Ирана.

Сегодняшнее отторжение Западом Ирана вызвано не столько его ядерной программой, сколько связкой этой программы с агрессивной неконструктивной внешней политикой этой страны, которая, в свою очередь, генерируется специфическим политическим режимом.

Иранский режим – это режим-революционер, режим, не признающий существующие правила, режим, вынужденный искать себе внешнего врага – поэтому новым врагом был назначен Израиль, но и старые враги – арабы – тоже никуда не исчезли. Это режим, который, с точки зрения западного человека, часто действует иррационально, который не разделяет европейские гуманитарные и политические ценности и ищет самоутверждения не на приемлемом для Запада поле, а в попытках силой расширить свое влияние. В такой оценке политики иранского режима, конечно, видно определенное лицемерие – но поскольку правила игры мировой политики пока еще пишутся Западом, то Иран, очевидно, в них не вписывается.

Если представить себе Иран, разделяющий западные ценности и не стремящийся изменить сложившуюся политическую картину региона – то можно предположить, что и его ядерная программа воспринималась бы Соединенными Штатами и Европой с меньшими опасениями. Что стало бы индикатором подобной перестройки внешней политики Ирана? В первую очередь – отказ от конфронтации с Израилем, включая отказ от поддержки «Хезболлы» и ХАМАС, во вторую – отказ от вмешательства во внутренние дела Ливана и Ирака, и только в третью – отказ от ядерной программы. Коренная проблема, с этой точки зрения, состоит в невозможности отказа Ирана от подобной политики без изменения характера своего политического режима. Запад устроил бы любой режим в Иране, от демократического до авторитарного, при условии, что этот режим не будет основан на идеях противостояния сложившемуся статус-кво. И наоборот, пока у власти в стране стоит мусульманское духовенство, президент-ультранационалист и спецслужбы, перспектива попадания ядерного оружия к ним в руки будет абсолютно неприемлема для гарантов стабильности современной международной системы.

С точки зрения Запада, Иран раскачивает лодку мировой и региональной политической системы. Если бы тот отказался от этого главного стержня своей политики, то на его местные региональные амбиции, за исключением вопроса с Израилем, конечно, можно было бы смотреть сквозь пальцы, а то и использовать для игры на противоречиях между странами региона.

Какой Иран устроил бы стран – соседей по региону?

Короткий ответ на этот вопрос: лучше никакой, – но поскольку это невозможно – слабый и замкнутый в своих границах. Конечно, такое обобщение будет большим упрощением: соседей у Ирана много, и у каждого из них интересы в отношении Ирана в чем-то различаются. Суннитским государствам хотелось бы, чтобы Иран не имел возможностей и намерений воздействовать на их внутреннюю жизнь через шиитские общинны. Саудовской Аравии хотелось бы, чтобы Иран отказался от борьбы за звание исламского лидера региона и региональной державы Персидского залива. Ираку хотелось бы получить спорные нефтеносные территории в устье реки Шатт-Эль Араб и, кроме того, вернуть себе место духовного центра мирового шиизма. Объединенным Арабским Эмиратаам хотелось бы получить спорные острова в Персидском заливе, оккупируемые, по их мнению, Ираном. Исламистским режимам, стремительно приходящим к власти во многих странах Арабского Востока, хотелось бы, чтобы главными радетелями за дело ислама считались они, а не Иран. Израилю хотелось бы, чтобы Иран прекратил свои нападки на эту страну и отозвал свою поддержку «арабским террористам», атакующим Израиль. Непосредственным соседям Ирана на юге хотелось бы окончательно переименовать Персидский залив в Арабский и не видеть персидский флаг как можно дольше. Турции хотелось бы стать новым идеологом развития исламского мира, сочетающего исламские и светские ценности. Иран и этому мешает, так как для многих на «арабской улице» является скорее ярким и привлекательным примером того, как исламскому миру следует выходить из состояния охватившего его застоя.

Общий знаменатель политики стран – соседей Ирана, за исключением асадовской алавитской Сирии, – ослабить Иран. Для крупных региональных держав сдерживание Ирана – это вопрос борьбы за лидерство в регионе, в арабском мире, в исламском ми-

ре. Для мелких стран региона сдерживание Ирана – это вопрос самосохранения и самообороны. Для Израиля сдерживание и разоружение нынешнего Ирана – это вопрос выживания.

До недавней поры, в условиях некоторого оцепенения, охватившего арабский мир в последние 30 лет, мечты ослабить Иран в основном оставались мечтами. Тысячелетний конфликт между персами и арабами находился в патовой ситуации, глобальные игроки, прежде всего Соединенные Штаты, напрямую в конфликт не вмешивались. Они не очень хотят вмешиваться и сейчас, но ситуация в регионе стала стремительно меняться. Во-первых, иранский режим сохранился неизменным и при этом стал энергично двигаться к ситуации технической готовности к производству ядерного оружия. Никто не знает, планирует ли Иран непосредственное создание бомбы, но, во-первых, это не исключено, а во-вторых, – в тот момент, когда Иран окажется «без пяти минут от бомбы», он станет практически неуязвимым для силового давления. США в такой ситуации все яснее понимают, что время для принятия решения уходит и если что-то в отношении Ирана и делать, то сейчас – иначе будет поздно. Израиль находится в другой ситуации – он вообще не может позволить себе риска превращения Ирана в ядерную державу, так как на кону стоит само существование Израиля.

Другим фактором, обострившим иранский узел, стала цепь революций в арабском мире, которая докатилась до единственного союзника Ирана – Сирии.

Битва за Иран идет в Сирии

Вмешательство региональных и внешних игроков во внутренний конфликт в Сирии можно рассматривать с разных точек зрения, но ясно одно: атака идет не только на правящий режим одной из основных арабских держав, но и на Иран. Задачи внешнего вмешательства в этот конфликт не ограничиваются изменением роли Сирии в регионе. Падение режима Асада будет также означать резкое снижение возможностей иранской внешней политики по всем направлениям: Иран лишится инфраструктуры, необходимой для поддержки ХАМАС и «Хезболлы», а его флот и вооруженные силы останутся один на один с потенциальными противниками.

Сирия сама является важнейшим игроком в регионе, многонаселенной и мощной в военном отношении региональной держа-

вой, претендующей на лидерство и защищающей свое право на него, прежде всего, достаточно жесткой позицией в отношении арабо-израильского мирного процесса и неприятием американского вмешательства в дела региона.

Нынешняя Сирия на протяжении десятилетий мешала многим: мешала Израилю, мешала Соединенным Штатам, мешала Саудовской Аравии. В прошлом году волна переворотов и революций в арабском мире добралась и до Сирии. Неудивительно, что в начавшемся в Сирии внутреннем противостоянии многие игроки в регионе увидели исторический шанс решить наболевшие проблемы своих взаимоотношений с этой «неудобной» страной.

В сирийском кризисе переплелись интересы многих держав, как местных, так и внешних. Исход борьбы за Сирию способен кардинально изменить политический расклад на Ближнем Востоке, но очевидно, что итог этой борьбы во многом определит и ситуацию с Ираном. Либо Сирия останется единственным идеологическим и военным союзником Ирана, дающим ему географический выход к арабо-израильскому конфликту, либо Сирия станет другой, а Иран останется в изоляции. Нынешняя поддержка Сирией политики и амбиций Ирана носит во многом политико-идеологический характер и не основывается на серьезной культурной, экономической или религиозной общности (лидер иранской революции в свое время признал правящих сегодня в Сирии алавитов шиитами, но такое определение далеко не бесспорно).

При смене в Сирии правящего режима изменятся и внешне-политические приоритеты страны, а с приходом к власти суннитского большинства с большей степенью вероятности исчезнет и религиозная основа сирийско-иранской дружбы. Конечно, страны – участницы сирийского противостояния фокусируют свое внимание, прежде всего, на собственно сирийской ситуации, однако очевидно, что иранская перспектива развития событий также никем не упускается из виду. В сирийском конфликте наиболее активное участие принимают США и их союзники Франция и Великобритания, а также Турция, Саудовская Аравия и Катар. Существенные интересы в этой стране имеют также Россия, КНР и Индия.

Интересы США и союзников в отношении будущего Сирии отличаются от их интересов в Ливии, где важным фактором при принятии решений была ливийская нефть. Непосредственных экономических интересов у западных держав в Сирии нет, их интерес состоит в устраниении деструктивного, с их точки зрения, сирийского режима, который мешает арабо-израильскому урегулированию.

нию, поддерживает Иран и противостоит любым начинаниям США и Запада в целом в регионе. Интерес Запада состоит в устраниении несистемных «бунтарей» из региональной политической системы и замене их на акторов, которые будут играть «по правилам». Интерес этот силен, но трезвомыслящие западные политики также понимают и опасность возможной радикализации будущей Сирии за счет прихода к власти исламистских сил, поэтому непосредственную роль в попытках формирования будущего страны они «уступили» местным игрокам: Турции и Саудовской Аравии.

Турция, возглавляемая умеренно исламским правительством Эрдогана, в последние годы всерьез заявила о своих региональных амбициях. Турция демонстративно порвала с Израилем, заняла независимую от Запада и НАТО позицию по многим вопросам (например, отказалась присоединиться к нефтяным санкциям против Ирана, отказалась предоставлять свои аэродромы для израильских самолетов в случае нанесения удара по Ирану) и активно включилась в попытки урегулирования многих конфликтов в Средиземноморье и на Кавказе. Турции есть, что предъявить арабским народам: современная экономика, растущее богатство и военная сила, уникальная для исламской цивилизации модель динамичного социального и экономического развития. Асадовская Сирия оставалась для Турции главным политическим конкурентом (да и территориальные претензии к этой стране есть), и сегодня Турция энергично работает на дело изменения сирийского режима и прихода к власти суннитов. Любопытно отметить, что антииранской кампании при этом Турция не ведет, пытаясь, видимо, получить в партнеры ослабленный, но дружественный Иран. Видимо, в Стамбуле думают о воссоздании на новой основе некоей Великой Порты, но ограничивают свои интересы Средиземноморьем, не пытаясь вмешиваться в дела Персидского залива.

Невиданную прежде внешнеполитическую активность, начиная с событий в Ливии, проявляют Саудовская Аравия и Катар. Они финансируют и вооружают оппозицию, а Саудовская Аравия перед этим провела, по сути, вооруженную интервенцию в Бахрейн и предотвратила падение султанского режима в этой стране. Саудовская Аравия пытается воспользоваться случаем и избавиться от сирийского светского режима, препятствующего расширению саудовского влияния в арабском мире. Решая первую задачу, она также продвигает к власти в Сирии исламские фундаменталистские силы, которые должны будут с большим вниманием прислушиваться к интересам Эр-Рияда.

И, наконец, картина участников сирийского конфликта будет неполной без упоминания роли России, КНР и Индии. Все три страны не заинтересованы в смене режима в Сирии и в ее переходе под влияние Турции, или Саудовской Аравии, или США. Данные государства заинтересованы в сохранении самостоятельной Сирии и пытаются ограничить иностранное вмешательство в этот конфликт.

Резоны такой политики у трех стран БРИКС и схожие, и немного разные. Для России падение режима Асада, возможно, будет означать начало ее окончательного ухода с Ближнего Востока и завершение процесса сжатия статуса России с глобального до уровня региональной державы. КНР видит в Сирии некие перспективные возможности для проведения своей будущей политики, а также противодействует ослаблению Ирана – одного из основных объектов китайских инвестиций в энергетику и важного поставщика энергии для КНР. Индия не приветствует возможную перспективу укрепления единства в исламском мире, будь это при ведущей роли Саудовской Аравии или Турции, так как косвенно такое развитие событий может отразиться на ее сложных взаимоотношениях с Пакистаном. Кроме того, в меру своих сил она поддерживает самостоятельность Ирана – важного нынешнего и будущего источника импорта нефти и газа.

Наиболее явным образом свою линию проводят Россия и КНР, которые неоднократно блокировали резолюции Совбеза ООН, односторонне направленные против нынешнего сирийского режима, и поддержали более сбалансированную повестку спецпредставителя ООН К. Аннана. Вместе с тем серьезных ресурсов на этот конфликт ни Россия, ни КНР не выделяют: Россия к этому уже не готова, а КНР еще не готова. В итоге, Россия и КНР смогли на какое-то время предотвратить перспективу прямого иностранного вмешательства по образцу Ливии и сформировать шанс для поиска компромисса между правящим режимом и оппозицией, но итоговое разрешение сирийского конфликта они не предопределили. Турция и Саудовская Аравия бросают на разрешение конфликта в Сирии нужным для себя образом гораздо больше сил и средств, а Соединенные Штаты со своими союзниками по НАТО достаточно эффективно действуют как дипломатически, так и в сфере формирования международного общественного мнения, чего у России и КНР не получается. Шанс на то, что самостоятельный политический режим Сирии трансформируется, но в какой-то форме сохранится, тоже пока остается: государственная конструк-

ция Сирии оказалась намного крепче, чем хотелось бы сирийским революционерам и «друзьям Сирии».

Наряду с развитием событий в Сирии, на расширенном Ближнем Востоке развертываются и другие процессы, связанные с Ираном. Прессы достаточно подробно освещает разнообразные утечки информации из израильских и американских источников, связанные с планированием ударов израильских ВВС по иранским ядерным объектам, поиском Израилем пунктов дозаправки для своих самолетов на Кавказе, проигрыванием на компьютерах сценариев военных действий против Ирана. Стоит обратить внимание еще на один момент: американская стратегия выхода из Афганистана, объявленная президентом Обамой, предусматривает сохранение за Соединенными Штатами в Афганистане нескольких крупных военных баз и значительного военного персонала. Понятно, что эти базы могут быть задействованы в разных проектах, но иранский среди них выглядит наиболее очевидным.

Видно, что давление на Иран нарастает со всех направлений. Ни Израиль, ни Соединенные Штаты, судя по всему, пока не приняли окончательного решения по поводу своих дальнейших шагов в отношении Ирана. На сегодняшний день против Ирана задействован практически весь невоенный арсенал внешней политики США: действуют нефтяные и финансовые санкции, а на единственного союзника Ирана идет скоординированная атака. Позиции президента Ахмадинежада внутри страны также выглядят менее уверенными, чем раньше.

Существует высокая вероятность того, что иранский кризис разрешится уже сейчас, без прямого вмешательства израильтян и американцев. Итог сирийских событий, вероятно, даст нам понять, как события будут развиваться дальше.

«Вестник аналитики», М., 2012 г., № 2, с. 66–72.

Дина Малышева,

доктор политических наук (ИМЭМО РАН)

НОВАЯ БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ ТУРЦИИ

На протяжении нескольких последних лет и вплоть до наступления «арабской весны» внешняя политика Турции базировалась на концепции «стратегической глубины», разработанной профессором политологии крупнейшего учебного заведения Турции – университета Мармары Ахметом Давутоглу, ставшим в

2009 г. министром иностранных дел республики. Базовым в концепции Давутоглу был принцип «ноль проблем с соседями», позволивший за короткое время создать вокруг Турции зону стабильности и безопасности. Воплощенный в жизнь руководством правящей Партии справедливости и развития (ПСР), этот принцип облегчил Турции разрешение или же сведение к минимуму многих проблем, десятилетиями омрачавших отношения Турции с Сирией, Ираном, Ираком, позволил разработать на новой основе экономические и политические связи Турции с другими странами Ближнего Востока.

В 2011 г. этот регион начали сотрясать политические бури, и руководство ПСР взяло на вооружение иную стратегию, которая, как это казалось премьер-министру Турции и лидеру ПСР Реджепу Тайипу Эрдогану, больше соответствовала новым ближневосточным реалиям и изменившимся политическим приоритетам республики. Их Эрдоган сформулировал после победы ПСР на парламентских выборах 12 июня 2011 г., когда он заговорил о планах превращения Турции в президентскую республику и интегрировании в ее политическую систему с включением в нее – пока еще не ясно, в какой степени, – исламских социальных и политических институтов и норм.

Значительный сдвиг произошел и во внешней политике. Турецкое руководство солидаризировалось с евро-атлантическими странами касательно порожденных «арабской весной» перемен на Ближнем Востоке и в Северной Африке. ПСР установила тесные контакты с «умеренными исламистами» (в частности, с египетскими «Братьями-мусульманами») еще до событий начала 2011 г. Участвовало турецкое правительство и в спонсировании ливийских и сирийских оппозиционеров. Это означало, что Турция отмежевалась от своих прежних партнеров в лице правящих элит региона. Делалось все это, насколько можно понять, главным образом во имя повышения статуса Турции на мировой арене и удовлетворения возросших амбиций ее лидеров.

Симптоматично, что Эрдоган раньше Обамы призвал Мубарака покинуть пост президента и предоставил территорию Турции для формирования египетских, а позднее ливийских и сирийских оппозиционных группировок. При этом, что примечательно, Турция никак не отреагировала на жестокое подавление антиправительственных выступлений в Бахрейне весной 2011 г., что укладывалось в ее новую политическую стратегию: теперь Турция вместе с Саудовской Аравией и Катаром принимала участие в экспери-

менте с приводом к власти в арабских странах партий «умеренных исламистов», которых в прошлом старательно выдавливали на обочину политической жизни авторитарные, но прозападные режимы в Тунисе и Египте.

Что касается позиции Турции в ливийских событиях, то первоначально она отличалась сдержанностью. Это объяснялось участием турецких компаний в инвестиционных проектах в Ливии, а также и тем, что эта североафриканская страна, где на разных объектах трудилось свыше 30 тыс. турок, загружала Турцию огромным объемом строительных работ. Потому-то Турция не спешила признавать ливийских повстанцев в их противостоянии с режимом Каддафи, которому даже предлагала свое посредничество, а в марте 2011 г. Анкара выступила с критикой НАТО за ее вмешательство в ливийский конфликт.

Но по мере того, как все большее число стран (рассчитывавших, в числе прочего, и на заключение в Ливии «после Каддафи» новых бизнес-контрактов) признавало антиправительственных повстанцев, а союзники по НАТО множили здесь свои воздушные операции, Турция резко сменила курс. Уже 24 марта 2011 г. парламент республики одобрил участие ее армии в военной операции НАТО в Ливии. В июле 2011 г. Анкара признала законность Переходного национального совета (ПНС) Ливийской республики и выделила ему помощь в размере 300 млн. долл. После взятия противниками Каддафи 22 августа 2011 г. Триполи делегация Турции во главе с ее министром иностранных дел первой прилетела в «свобожденный» город. А 16 сентября в Триполи для переговоров с новыми ливийскими властями прибыл Эрдоган. Это произошло на следующий день после визита в ливийскую столицу лидеров Франции и Великобритании и в то время, когда еще продолжалась осада отрядами ПНС родного города Каддафи – Сирта.

Помимо Ливии Эрдоган посетил тогда же Тунис и Египет. В этой поездке по арабским странам турецкого премьера сопровождала внушительная делегация из 200 бизнесменов, что указывало на главную цель визита – расширение экономических связей и подписание контрактов в таких областях, как добыча и поставки нефти, телекоммуникации, транспорт, услуги, образование и т.д.

На поездку Эрдогана положительно отреагировали турецкая и арабская «улицы», а сам председатель правительства удостоился похвалы американского президента. «Премьер-министр Эрдоган продемонстрировал свое лидерство в решении целого ряда вопросов и по продвижению демократии», – подчеркнул Б. Обама. Не

удивительно, что 14 сентября 2011 г. Турция подписала с США меморандум о размещении на территории Турции ПРО НАТО, что объективно было направлено против Ирана, нефть которого почти на 40% обеспечивала экономику Турции. Не встретили в Турции особых возражений и решения наложить экономические санкции на Иран.

А ведь еще в 2010 г. Турция выступала в роли посредника в процессе налаживания диалога Ирана с Западом. В мае 2010 г. было достигнуто соглашение между Турцией, Ираном и Бразилией, которое предполагало обмен на турецкой территории иранского низкообогащенного урана на высокообогащенный уран, произведенный в других странах. Хотя это соглашение так и не было реализовано, сам факт посреднических усилий Турции заметно поднял международный престиж ее дипломатии.

Развивалось ирано-турецкое сотрудничество и в экономической сфере. В ходе исторического визита в Иран 13–16 февраля 2011 г. президента Турции Абдуллы Гюля – первого за истекшие 20 лет официального визита в Иран турецкого руководителя такого уровня – были подписаны важные торгово-экономические соглашения и договоры в сфере экологии, туризма, транспорта, культуры. Были достигнуты договоренности относительно путей урегулирования ситуации вокруг иранской ядерной программы.

Вступив на путь создания напряженности во взаимоотношениях с Тегераном, Анкара пожертвовала и своей посреднической миссией, и многими экономическими интересами, которые едва ли будут компенсированы после разрыва отношений с Ираном новыми турецкими партнерами, являющимися стратегическими соперниками Ирана, – Саудовской Аравией и Катаром. С ними турецкое руководство завязало тесные контакты в ходе совместных операций в Ливии и Сирии, причем в отношениях с последней во внешней политике Турции также произошли серьезные метаморфозы.

Начиная с 1998 г. Турция нормализует отношения с Сирией, и сам Эрдоган делает немало для выхода Сирии из международной изоляции. С того времени обе страны запустили несколько интеграционных проектов, нацеленных на стимулирование двусторонней торговли и технико-экономического сотрудничества, сняли визовые ограничения, проводили совместные военные учения. Турецко-сирийским контактам благоприятствовало и то, что в мае 2010 г. Турция окончательно испортила отношения с Израилем из-за инцидента с «Флотилией свободы», попытавшейся прорвать израильскую блокаду сектора Газа.

Но все изменилось после того, как в Сирии возникло антиправительственное движение. Первая массовая демонстрация прошла там 26 января 2011 г.; с 15 марта начались акции протеста, переросшие затем в полномасштабный конфликт. Основной целью протестных выступлений и вооруженной борьбы оппозиции стала отставка президента Башара Асада и свержение его правительства.

Если при развитии ливийского кризиса инициатива действий в отношении оппозиции больше принадлежала Франции, то в случае с сирийским кризисом эту роль попыталась взять на себя Турция, занявшая сторону оппозиции и выступившая с призывами к Башару Асаду уйти в отставку. Подобный поворот в политике Турции можно было бы объяснить курдской проблемой, традиционно бывшей камнем преткновения в сирийско-турецких отношениях, либо территориальными и водными спорами с Сирией, которые Турция намеревалась решить в свою пользу. Однако эти противоречия с Сирией существовали всегда, а вот использовать сирийские события для повышения международного престижа Турции, превращения ее в новый центр ближневосточной политики – это стало для Эрдогана и его соратников новой задачей, определившей в конечном итоге роль Турции в сирийском кризисе.

В Турции стал базироваться созданный 23 августа 2011 г. аналог ливийского ПНС – Сирийский национальный совет, в состав которого вошли как оппозиционные политики, так и сирийские «Братья-мусульмане». Турция предоставила также свою территорию для размещения марионеточной, курировавшейся турецкой секретной службой «Свободной армии Сирии» во главе с полковником Риядом эль-Асадом. О создании этой «армии» из числа дезертиров сирийских Вооруженных сил было объявлено 29 июля 2011 г.

После переговоров с президентом Обамой в сентябре 2011 г. глава турецкого правительства пообещал, что Анкара последует примеру США и Евросоюза и применит санкции в отношении Дамаска. Но Турция пошла на такой шаг только после того, как Лига арабских государств (ЛАГ) объявила о введении против Сирии беспрецедентно жестких экономических мер. 30 ноября власти Турции также объявили о решении прекратить стратегическое сотрудничество с Сирией и с ее Центробанком, заморозить финансовые активы Башара Асада и его правительства. Некоторым лицам, приближенным к режиму Асада, был запрещен въезд в Турцию. Турция, кроме того, перекрыла каналы поступления вооружения для сирийской армии со стороны Ирана, способство-

вала поставкам оружия вооруженным антиправительственным формированиям, действующим в Сирии.

Лидеры ПСР стали даже заявлять о возможности военного вмешательства, если ситуация в Сирии окажется угрожающей безопасности Турции. Они, однако, понимали, что единоличное военное вторжение с целью поддержки только одной стороны внутреннего сирийского конфликта может серьезно повредить имиджу Турции в арабском мире и ее статусу региональной державы. Поэтому Турция могла бы пойти на такой рискованный шаг, непредсказуемый по своим последствиям, только в составе коалиции из стран НАТО или ООН. Этим объясняется та настойчивость, с которой Запад и страны ЛАГ во главе с Саудовской Аравией и Катаром добивались в Совете Безопасности ООН принятия резолюции с требованием к официальным властям Сирии прекратить военные операции против повстанцев. Если бы такое решение было принято, его можно было бы при желании использовать в качестве оправдания, как это и произошло в свое время в Ливии, для навязывания Сирии силовым путем и извне формы политического урегулирования.

Озабоченность Турции в связи с дилеммой – принять или не принять участие в гипотетическом военном вторжении в Сирию – связана также и с курдской проблемой. До нормализации в 1998 г. отношений с Турцией Сирия была главным спонсором Курдской рабочей партии (КРП), боровшейся за политические права курдов в Турции и создание в ее составе курдской автономии. На территории Сирии долгое время находился и лидер КРП Абдулла Оджалан. Его арест в 1998 г. позволил Турции на время снизить напряженность в районах, которые контролировала КРП. Одновременно турецким Генштабом вынашивался план создания на границе с Сирией «буферной зоны», наподобие той, что была создана в 2003 г. на севере Ирака, чтобы воспрепятствовать проникновению на турецкую территорию боевиков КРП.

В условиях незатихающего сирийского конфликта в Турции растут опасения относительно того, что Дамаск в отместку за поддержку Турцией противников Асада может нести ответный удар – спровоцировать среди курдов антитурецкие волнения, притом что сами сирийские курды занимают пока нейтральную позицию в отношении вооруженного конфликта в их стране. В Турции тем не менее возлагают большие надежды на приход к власти в Сирии нового правительства, которое, как надеются в Турции, поможет ей сдерживать курдский сепаратизм путем создания «коридора

возможностей» для взаимодействия между курдами Сирии, Турции, Ирана и Ирака.

В целом политика Турции во время «арабской весны» имела своим следствием стремительное ухудшение отношений Турции со всеми своими соседями, включая Сирию, Ирак и Иран, руководители которого предупредили Турцию, что в случае ее вооруженного вмешательства в Сирию Иран не останется в стороне и предпримет ответные действия. Одновременно возникли проблемы и на европейском направлении турецкой политики. Их проявлением стало одобрение в конце декабря 2011 г. Национальной ассамблеей Франции законопроекта, предусматривающего тюремный срок и штраф за отрицание геноцида армян в Турции в 1915 г. Турции, таким образом, послали ясный сигнал о том, что ее не ждут в Евросоюзе.

Есть немало сомнений в том, что значительно активизировавшаяся в период «арабской весны» Турция достигнет в Ближневосточном регионе тех результатов, на которые она нацелилась. Да, свержение Мубарака, Бен Али и Каддафи открыло дорогу для экспансии Турции в арабском мире, избавило амбициозного Эрдогана от влиятельных конкурентов, обладавших собственным видением региональных проблем и претендовавших на ключевую роль в решении многих из них. Эрдоган стал на какое-то время за свои антиизраильские демарши кумиром «арабской улицы», получив одновременно, судя по всему, благословение Запада на распространение на весь регион «турецкого демократического опыта». Однако в итоге ближневосточного маневра Турции произошел отход от заявленной в ее официальной внешнеполитической доктрине цели – «ноль проблем с соседями», с большинством из которых Турция отношения испортила, что не повышает ее ставок на лидерство. Не случайно новую турецкую внешнеполитическую стратегию не без иронии стали называть «ноль соседей без проблем». К тому же в арабском и исламском мире, который Турция так настойчиво пытается возглавить, не забывают, что она является членом НАТО, а потому Турция воспринимается там настороженно, во-первых, как часть Запада и, во-вторых, как наследница Османской империи. Эту страницу своей истории современная Турция, судя по всему, закрывать не спешит: не случайно в турецком политическом лексиконе последних лет фигурирует понятие «неоосманализм».

В целом же новая внешнеполитическая стратегия Анкары объективно не способствует стабилизации Ближнего Востока и

созданию там климата доверия. Такая стратегия является весьма рискованной и в конечном итоге может бумерангом ударить по самой Турции, превратив ее в следующий объект ближневосточных коллизий.

«Север–Юг–Россия, 2011»,
М., 2012 г., с. 51–56.

Борис Долгов,
кандидат исторических наук (ИВ РАН)
ИСЛАМИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ТУНИСЕ И МАРОККО

Тунисский исламистский опыт во многом идентичен алжирскому. Здесь проходили аналогичные процессы, т.е. подъем исламистского движения на фоне социально-экономического и политического кризиса. Однако Тунис, в отличие от Алжира, не испытал столь масштабного вооруженного противостояния радикальных исламистов с властями. В середине 1980-х годов тунисское исламистское движение структурировалось в политическую партию «Возрождение» («Нахда»), переименованную позже в Движение исламской направленности (ДИН). Ее председателем являлся известный (в том числе за пределами Туниса) идеолог исламизма Рашид Ганнуши. В 1986–1987 гг. сторонники исламистов проводили многочисленные антиправительственные манифестации.

В то же время, согласно опубликованным позднее тунисскими властями материалам, руководство ДИН создавало вооруженные группы и готовилось к вооруженному захвату власти. Сложная социально-политическая обстановка в стране усугублялась интригами внутри семейного клана и окружения Х. Бургибы, который в силу преклонного возраста (1903–2000) уже не мог контролировать ситуацию. В такой напряженной политической обстановке 7 ноября 1987 г. занимавший в то время пост премьер-министра Зин аль Абидин Бен Али с помощью своих сторонников отстранил Х. Бургибу от власти и возложил на себя обязанности президента. Он мотивировал это тем, что таким образом были предотвращены возможные вооруженные выступления исламистов. Тем не менее представителю ДИН была предоставлена возможность войти в состав Национального комитета, который вырабатывал текст «Национального пакта». Принятие «Национального пакта» в 1988 г., который подписали представители основных ту-

нисских политических сил, включая исламистов, должно было означать прекращение противостояния в обществе и достижение политического консенсуса.

Однако в начале 1990-х годов тунисские власти объявили о раскрытии заговора с целью захвата власти, в котором обвинялись партия ДИН и ее сторонники. В результате сотни исламистов были арестованы, и легальное исламистское движение в Тунисе практически перестало существовать. В то же время радикальные исламисты пытались создать свои структуры в Тунисе. В январе 2007 г. спецслужбы Туниса в ходе успешной операции ликвидировали в пограничном с Алжиром районе группу боевиков, насчитывавшую 27 человек (граждан Туниса). Боевики имели на вооружении автоматы, гранатометы, большое количество взрывчатых веществ. Они планировали осуществить террористические акции в столице Туниса и ряде крупных городов. В ходе следствия выяснилось, что боевики проникли на территорию Туниса из сопредельного района Алжира. Здесь они проходили боевую подготовку в течение 45 дней на нелегальных тренировочных базах алжирской ОКИГМ. В то же время тунисские исламисты, как заявляют алжирские правоохранительные органы, фигурируют в числе задержанных и уничтоженных боевиков ОКИГМ на территории Алжира. Десятки тунисских муджахидов участвовали в вооруженном противостоянии с оккупационными силами США и их союзников в Ираке.

Что касается социально-экономической ситуации, то, несмотря на наличие серьезных проблем, особенно прогрессирующей безработицы, в Тунисе она отличалась в лучшую сторону по сравнению с другими арабскими странами. Так, в среднем за период 2000–2005 гг. ВВП в расчете на душу населения в Тунисе составил 2321 долл. (94-е место в мире). Для сравнения, на тот же период в Алжире этот показатель равнялся 1978 долл. (103-е место), в Марокко – 1390 долл. (135-е место). Однако продолжающийся мировой финансовый кризис негативно сказался на экономике Туниса. Наблюдалось снижение производства, прежде всего ориентированного на экспорт. Примерно 75% тунисского экспорта (швейные изделия, химикаты, продукты питания и др.) направлялись в страны ЕС, где в результате того же кризиса снижалось потребление.

Наряду с этим обострение социально-экономических проблем, коррумпированность режима Бен Али, отсутствие реальных демократических свобод вызывали массовые протестные выступления. Жесткие меры, использовавшиеся Бен Али против манифестантов

(в столкновениях с полицией в Тунисе погибло около 200 манифестантов), не привели к подавлению протестного движения. В результате трехнедельных манифестаций и столкновений противников режима с полицией Бен Али был вынужден уйти в отставку и 14 января 2011 г. покинул Тунис. За два дня до этого начальник Генерального штаба Тунисской армии Рашид Аммар отказался выполнить приказ Бен Али применить оружие против манифестантов. Лишенный поддержки армии режим Бен Али был обречен.

В Тунисе при руководстве Бен Али легального исламистского движения не существовало, исламисты подвергались жесткому преследованию. Тем не менее подпольно действовали небольшие группы сторонников Движения исламской направленности (ДИН). После свержения Бен Али, отмены запрета ДИН и возвращения в Тунис ее лидера Рашида Ганнуши (род. 1942), умеренные исламисты снова входят в тунисскую общественно-политическую жизнь. Однако на настоящий момент они не пользуются значительным влиянием в тунисском обществе. Это подтверждает тот факт, что в день возвращения Ганнуши в Тунис его встречали как сторонники с плакатами «Правда с исламом», так и противники с плакатами «Мой Тунис – светский». Причем и тех и других было примерно равное количество. Сам Ганнуши по приезде заявил, что он «не собирается становиться тунисским Хомейни».

Вместе с тем в Тунисе постоянно проводятся мусульманские конкурсы (на лучшего чтеца Корана и т.д.), действуют мусульманские общественно-просветительские и благотворительные организации. Однако они не ставят перед собой политических целей, а считают своей задачей улучшение общественной морали путем пропаганды и распространения коранических знаний, мусульманских морально-этических норм и благотворительной деятельности.

Марокканский опыт является собой пример феномена исламизма в арабской монархии. Причем королевская династия здесь представлена шерифами, т.е. потомками Пророка Мухаммеда, почитаемыми во всем мусульманском мире. Тем не менее данный фактор не помешал возникновению в Марокко исламизма, в том числе его радикального направления. Необходимо отметить, что развитие исламистского движения здесь происходило также на фоне социально-экономического кризиса. В то же время, в отличие от Алжира и Туниса, в Марокко не было политического и идеологического кризисов.

Однако Марокко является аутсайдером по сравнению со странами-соседями в отношении экономического и социального

развития. Коррумпированность государственного аппарата оставалась одной из главных проблем Марокко, о которой в своем докладе упоминали эксперты Мирового банка (МБ). В то же время коррупции и злоупотреблениям власти в той или иной мере подвержены многие режимы арабских и мусульманских стран, и не только они. Данные негативные явления дают беспрогнозный козырь в руки исламистских идеологов. Они предлагают простое и быстрое, по их заявлению, решение проблемы – свержение коррумпированного и «неверного режима» и построение «исламского государства» на основах «справедливых законов Корана и шариата». В то же время в 2000-е годы в Марокко оставались нерешенными острые социально-экономические проблемы – безработица, жилищный кризис, низкий образовательный уровень части населения, неразвитость жилищно-коммунальной структуры в бедных городских кварталах. Так, в соответствии с докладом экспертов МБ о положении дел в сфере образования в странах Ближнего Востока и Северной Африки за 2008 г., Марокко занимает одно из последних мест – 11-е. Худшая ситуация только в Джибути, Йемене и Ираке. В Марокко 52,3% детей моложе 15 лет умеют читать и писать, этот показатель в Алжире равен 69,9 и в Тунисе – 74,3%. Среднюю школу в Марокко посещают 35% детей школьного возраста, соответственно, в Алжире – 66, в Тунисе – 65%. Необходимо подчеркнуть, что низкий уровень грамотности наряду с низким жизненным уровнем достаточно значительных слоев населения являются в мусульманских странах одними из главных факторов возникновения радикального исламистского движения.

Король Мухаммед VI, пытаясь осуществить модернизацию экономики, демократизацию и обновление госаппарата, продолжал политику реформ Хасана II. В известной степени это была «революция сверху». Она затрагивала все ветви государственного аппарата, включая армию и правоохранительные органы. Среди высших функционеров «поколения Мухаммеда VI» можно отметить министра внутренних дел Шакиба Бенмусса (назначен на этот пост в 2006 г.) и Амину Белькадра, министра энергетики, шахт, водных ресурсов и окружающей среды. Первый получил высшее техническое и юридическое образование во Франции и США. Вторая закончила Высшую национальную техническую школу в Нанси во Франции. Амина Белькадра, которую в Марокко называют «мадам Энергетика», заняла этот пост в 2007 г.

Умеренный исламизм в Марокко. В 2000-х годах марокканские умеренные исламисты были представлены в основном двумя

наиболее значительными организациями – Партией справедливости и развития (ПСР) во главе с ее генеральным секретарем Саадом Дин Османи и движением «Справедливость и благоустройство», которым руководит шейх Ясин. Наряду с ними функционируют также другие общественно-религиозные организации, среди которых выделяются Ассоциация исламской молодежи (АИМ), Группа Мухаммеда, Священное братство Зейтуни. Наиболее влиятельной и представленной на политической сцене Марокко является ПСР, завоевавшая на последних парламентских выборах в сентябре 2007 г. 46 депутатских мест (из общего числа депутатов 325 в нижней палате парламента – Палате представителей). На предыдущих парламентских выборах в ноябре 2002 г., ПСР получила 42 места. Причем руководство ПСР заявляло, что успех партии и число завоеванных депутатских мест могло бы быть еще большим, если бы не использование властями «административного ресурса».

Радикальный исламизм в Марокко. Одной из наиболее известных и многочисленных радикальных группировок является «Салафитский джихад». Его боевики осуществили громкие террористические акты 16 мая 2003 г. в Касабланке, в результате которых погибли несколько десятков человек. Полицией было арестовано около 4 тыс. исламистов, подозреваемых в причастности к терактам (из них почти 3500 впоследствии были освобождены). 390 из них были приговорены судом к различным срокам заключения, причем 53 – к пожизненному заключению и 16 – к смертной казни.

В начале 2000-х годов в Марокко действовали такие группировки, как «Правильный путь», «Обвинение в неверности и хиджра». Боевики «Салафитского джихада» оперировали на севере страны, в районе городов Феса, Касабланки и Танжера. Их число приблизительно оценивается в 1 тыс. человек, которые были разбиты на подпольно действовавшие ячейки по 10–12 человек.

Наряду с террористическими группами на территории Марокко известные идеологи исламизма марокканец Мухаммед Гербузи, вышеупоминавшийся Абу Катада (проживавшие в эмиграции в Лондоне) и близкий к Бен Ладену иорданский исламист Абу Мусаб Аз-Заркави создали в начале 1990-х годов организацию «Вооруженная исламская группа в Марокко» (ВИГ-М). В нее рекрутировались как марокканские граждане, так и эмигранты-марокканцы, в основном проживавшие в странах Западной Европы. Именно ВИГ-М стала одним из главных организаторов

отправки в Ирак для борьбы с оккупационными силами США марокканских муджахидов. Вместе с боевиками из Алжира они являются наиболее многочисленным контингентом в формированиях «Аль-Каиды» в Ираке (по данным египетской прессы, более 200 боевиков из Марокко и Алжира участвовали в вооруженных акциях в 2007 г.).

Попытки продолжить террористический «джихад» в Марокко исламистские экстремисты предприняли в 2006–2008 гг. В июле-августе 2006 г. марокканские спецслужбы обезвредили группировку «Воины Махди», действовавшую в пригородах Рабата и в Марракеше. В ее планы входило физическое уничтожение политических деятелей леводемократических взглядов, иностранцев-христиан и «плохих мусульман», а также террористические акты в ресторанах и гостиницах, где проживали иностранные туристы, и на авиабазе в Сале.

В ходе следствия выяснилось несколько новых моментов, ранее не присущих марокканским экстремистским группировкам. Первое – участие в группировке военнослужащих (рядового и сержантского состава) и даже одного офицера полиции, и второе – участие в ячейках группы женщин, большинство из которых были вдовами погибших исламистских боевиков. В феврале 2008 г. была ликвидирована террористическая организация, оперировавшая в районе городов Касабланка, Рабат и Надор. Она располагала подпольным арсеналом оружия и крупными денежными суммами (более 2,5 млн. евро). В связях с террористами были замешаны руководители легально действовавших с 2005 г. исламистской политической партии «Цивилизационная альтернатива» и ассоциации «Движение за Умму». Марокканская полиция арестовала около 40 членов группировки, которых обвиняли в организации заговора и планировании террористических актов. Большинство арестованных являлись жителями бидонвилей и беднейших – кварталов.

В то же время необходимо отметить, что руководство Марокко предпринимает меры по ликвидации глубинных причин возникновения экстремизма, лежащих в сфере решения социально-экономических проблем. Предполагается создание социальной инфраструктуры, открытие учебных заведений, новых рабочих мест и постепенная ликвидация бидонвилей. С этой целью разработана программа по борьбе с бедностью «Национальная инициатива гуманитарного развития», организован специальный координирующий государственный орган «Умран» (араб. «Урбанизация»), способный строить в год до 70 тыс. «социальных жи-

лищ». Принят проект ликвидации Сиди Мумена, одного из самых крупных бидонвилей в окрестностях Касабланки. Этот район, в котором проживают около 300 тыс. беднейших жителей, известен как рассадник исламистского экстремизма. На его месте будут созданы объекты социальной инфраструктуры, в том числе стадион на 70 тыс. мест. Стратегические планы марокканских руководителей направлены на всеобъемлющую модернизацию экономики и страны в целом, в частности создание «свободных экономических зон». В одной из таких зон, расположенной в районе городов Риф и Танжер, было открыто 254 предприятия и создано 26 тыс. рабочих мест.

В то же время социально-экономическая ситуация в стране остается достаточно сложной. Негативным образом на нее влияет мировой финансово-экономический кризис, который затронул как Марокко, так и другие страны Магриба.

* * *

Исламизм, в том числе его радикальное направление, продолжает действовать в Магрибе. Причем степень его активности прямо пропорциональна уровню решения социально-экономических проблем в данных странах. Тем не менее нельзя не видеть, что социально-экономический фактор – не единственная причина исламистского экстремизма. Здесь существует комплекс причин, как внутренних, так и внешних. Внутренние причины во многом специфичны для каждой страны. Они связаны с ее историей, национальными и культурными традициями, уровнем грамотности, экономического и политического развития, особенностями национального характера.

Страны Магриба имеют много общего в своем историческом развитии. Наряду с этим у каждой есть свои особенности. Внешний фактор обусловлен общей тенденцией политического и экономического развития в мире. Такой тенденцией, от которой в очень большой степени зависит внутренняя ситуация в арабо-мусульманском мире, является усиление роли в мировой политике и экономике наднациональных структур. А именно: транснациональных корпораций (ТНК) и во многом зависимых от них международных финансово-экономических институтов (МТО, МВФ, МБ-МБРР и др.). Ярким примером такого положения стал мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г. и обостривший социально-экономические проблемы, в частности в араб-

ском мире, которые, наряду с другими внутренними факторами, стали одними из основных причин массового протестного движения в ряде арабских стран в начале 2011 г.

В то же время очевидно, что существующие в арабских странах социально-экономические проблемы невозможно решить за короткий срок. Ясно также, что формирование демократической структуры власти – одно из основных требований протестных движений – само по себе также не решает данных проблем. Для их решения необходим взвешенный политический курс с социальной направленностью.

В арабских революциях начала 2011 г., нацеленных против коррумпированных авторитарных режимов, наряду с политическими силами, носителями общедемократических ценностей, участвовало и исламистское движение, которое на тот момент не являлось главной движущей силой протesta. Однако в случае затягивания решения острых социально-экономических проблем «исламский проект» снова может выйти на политическую авансцену. Причем его проповедниками способны стать как умеренные, так и радикальные исламисты.

«Партнерство цивилизаций: Нет разумной альтернативы», М., 2011 г., с. 24–41.

Ольга Бибикова,
кандидат исторических наук (ИВ РАН)
**АРАБЫ И ФРАНЦУЗЫ: ТРУДНОСТИ
ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ**

Рассматривая проблемы, возникшие в процессе адаптации арабских иммигрантов во Франции, следует проанализировать причины, которые определяют поведение принимающей стороны, а также иммигрантов.

Начнем с последних. На поведение иммигрантов оказывают свое воздействие три фактора: этничность, конфессиональная принадлежность и базовая культура, а также их взаимодействие с принимающим обществом. Все три фактора переплетаются и находятся во взаимозависимости. Следует отметить, что внутри иммигрантского сообщества конфессия не играет ведущей роли. Она отходит на второй план, уступая место происхождению. Подтверждает данное обстоятельство то, что выходцы из одной местности стараются держаться вместе. Для арабов это тем более характерно,

так как эндогамные браки до сих пор сохраняют свое значение и через них по-прежнему осуществляются внутриплеменные и внутриродовые связи. Так, например, во Франции выходцы из одной местности объединяются для того, чтобы построить мечеть или арендовать помещение для молитвы. Многие молодые люди для того, чтобы жениться, едут на родину, где заключают брак с девушками из своего круга. Взаимопомощь между магрибинцами является обычным делом, и новички из группы недавно прибывших иммигрантов традиционно могут рассчитывать на поддержку соплеменников.

В этносах, где доминирует коллективистская культура, иммиграция становится средством выживания групповых сообществ. В диаспоре национальная и родоплеменная солидарность иммигрантов предполагает сохранение внутриобщинных (этнических, конфессиональных и земляческих) связей и механизмов, которые, с одной стороны, облегчают существование на чужбине, но, в свою очередь, тормозят адаптацию иммигрантов.

Механизм торможения заложен в этноцентризме, присущем как иммигрантам, так и принимающему социуму.

Этноцентризм – это взгляд на иную культуру сквозь призму своей. Проявление этноцентризма – явление многоплановое. Это и адаптивный механизм выживания и одновременно оправдание дискриминации в отношении тех национальных групп, которые рассматриваются в качестве враждебных. Таким образом, и иммигранты-арабы, и принимающее общество Франции обладают собственным этноцентризмом.

Древние общества демонстрировали этноцентризм через внутригрупповое сотрудничество и не воспринимали негативно враждебность по отношению к иным обществам, считая возможным убийство их членов. Отсюда толкование понятия «мы – они», где под «мы» подразумевается нечто положительное, а под «они» – иное, непохожее и даже враждебное. З. Фрейд в своей работе «Недовлетворенность культурой» (1930) считал, что этноцентризм суть коллективный нарциссизм. По Фрейду, он имеет психологическую и социальную функции – создание среды для вытеснения агрессивных импульсов. Гарри Триандис из Иллинойсского университета пишет: «Большинство из нас знает только собственную культуру. Поэтому естественно, что ее мы будем рассматривать как стандарт, в сравнении с которым и будем выносить суждения о других людях. Чем больше другая культура похожа на нашу, тем она “лучше”. В этом и состоит суть этноцентризма».

Большинство национальных культур рассматривает себя через призму этноцентризма: Аристотель в свое время считал греков наиболее талантливыми людьми ойкумены, и, следовательно, им следовало властствовать; китайцы назвали свою страну «Поднебесной»; евреи считают себя «богоизбранным народом» и т.д. Этот список можно продолжить и в него обязательно попадут и французы, и арабы, и русские. Согласно теории социальной идентичности, у человека есть потребность воспринимать свои собственные группы исключительно позитивно. Так возникает групповой фаворитизм, обратной стороной которого являются негативизм и даже дискриминация иных групп. Человек склонен проявлять сильное внутригрупповое пристрастие по отношению к собственным группам и давать негативную оценку чужим группам и их членам. Такие межгрупповые пристрастия являются основной причиной возникновения предубеждений относительно чужих групп.

Теперь о принимающей стороне. Вот что пишут о французах Ник Янн (англичанин) и Мишель Сиретт (француз по матери), журналисты «Файнэншл Таймс»: «Французы считают себя единственной по-настоящему цивилизованной нацией в мире и уверены, что их задача – вести остальные народы за собой, освещая им путь ореолом собственной избранности». Подобные высказывания нередко можно услышать и от самих французов. Это предполагает наличие у них этнического предубеждения, негативной установки к людям, принадлежащим к иному этносу. Предубеждение основано на стереотипах восприятия, трактующих иной этнос в негативно окрашенных тонах. Факторами, способствующими формированию негативных стереотипов восприятия, являются иной внешний вид, поведение, не соответствующее нормам морали и этикета принимающего общества.

Однако само становление французского этноса происходило при участии многих этнических вливаний. «В Европе трудно найти этнически менее однородную нацию, чем французы», – отмечает этнолог Е.В. Мельникова. Известный французский социолог Огюстен Барбара пишет о французах: «Население Франции – полотно, сотканное из разных этнических групп, жителей разных регионов, собравшихся вместе, к которым, благодаря различным иммиграциям, происходившим более столетия, присоединились иностранцы из европейских и других, более далеких стран». Его высказывания подтверждают биологические исследования, которые провел Национальный научно-исследовательский институт медицины и здравоохранения (INSERM).

Ф. Бродель в этой связи утверждал, что «всех французов можно назвать потомками иммигрантов». Об этом же пишут учёные Н. Бансель и П. Бланшар: «Французское пространство» исторически пребывало в постоянном движении. Претензии относительно этнической чистоты и этнокультурной целостности французской нации совершенно необоснованы. Страна исторически постоянно находилась на пути переселенческих потоков. От присоединения Лангедока, Бретани, Мозеля и Корсики до аннексии Савойи и отвоевания Эльзаса и Лотарингии французская нация проявляла себя «постоянным завоевателем».

Анализируя историю становления французского этноса, Ф. Бродель писал: «В 1896 г. было только 291 000 итальянцев, они сконцентрировались на юге... Местные жители устраивали жестокие избиения, вели себя как расисты, в Алесе были даже случаи линчевания. Через 30 лет всеобщая враждебность обратилась на поляков, особенно многочисленных на севере Франции, вдвойне изолированных вследствие языкового барьера и обособленной жизни. И в том и другом случае католическая вера не объединяет, а, наоборот, разобщает людей. Французы насмехаются над докерами-неаполитанцами в Марселе, которые крестятся во время работы – поэтому их прозвали “кристо”. Религиозные обычаи поляков, например, обычай целовать руку священнику, вызывают у жителей севера насмешки».

Теодор Зельдин, профессор Оксфордского университета, автор книги «Все о французах», писал: «Иностраник, приехавший во Францию на работу, должен быть толстокожим. Слесарь по ремонту холодильников, он из Испании, убежден, например, что никогда в жизни с ним не обращались так плохо, как в момент, когда он запросил разрешение на работу... Он испытал горькое разочарование, встретив в стране, которой издали восхищался как родиной свободы и антиколониальной борьбы, столько лицемерия и жестокости».

Современная иммиграция из стран Магриба во Франции воспринимается иначе, чем все предыдущие. Это иммиграция из стран, некогда бывших колониями Франции. В 1960–1970-е годы иммигрантов во французском обществе рассматривали как временных рабочих. А в начале 1980-х, после того как Национальный фронт Ле Пена активизировался и выступил за ограничение натурализации иностранцев, оказалось, что колониальный стереотип араба как ленивого, нечестного и непокорного человека довольно популярен во французском обществе. СМИ сменили терминоло-

гию: вместо «иностранные рабочие» стали использовать термин «арабы», вкладывая в него негативный смысл.

Внутри арабского социума во Франции тоже происходили неоднозначные процессы. Так, по мнению С. Гири, редактора журнала «Форин Афферс», первый конфликт по вопросу ношения мусульманскими девочками хиджаба в школах в 1989 г. способствовал интеграции мусульман. А. Бубекер из университета Меча отмечал, что «“история с хиджабом” школьниц стала одним из первых сигналов неприятия ассилияции. Стало очевидно, что интеграционистская политика в системе образования скрывает фактическую дискриминацию».

Дальнейшие события – попытка алжирской «вооруженной группы» летом 1995 г. взорвать бомбы в парижском метро (из-за поддержки французским правительством военного режима в Алжире) – привели к еще большему размежеванию арабов и французов. Последние стали смотреть на арабов-мусульман как на пятую колонну, угрожающую безопасности страны. В то же время Винсент Гейссер из Национального центра научных исследований считает, что исламофобия во Франции, в отличие от других европейских стран, – главным образом интеллектуальное явление, порожденное элитами, и происходит не столько от небезопасности, сколько от расизма.

Исследования, проводимые в ряде европейских стран, отмечают, что иммигрантам чрезвычайно важно осознавать, что процесс интеграции имеет двусторонний характер. Однако анализ ответов опрошенных иммигрантов (с учетом принадлежности к разным поколениям) показал, что среди тех, кто родился в Европе, в 6 раз больше людей, чувствующих себя «иностраницами», чем среди тех, кто принадлежит к первому поколению иммигрантов. Парадокс заключается в том, что первое поколение, некогда приехавшее по контракту, не ставило перед собой задачу адаптироваться и на склоне лет вращается среди соплеменников своего поколения, плохо знающих язык принимающего общества. Эти люди предпочитают жить в своем закрытом и изолированном мире, по-прежнему придерживаясь национальных традиций. А их дети, родившиеся в Европе, получившие хотя бы среднее образование, имеющие паспорта и право на социальный пакет, постоянно натыкаются на проявления дискриминации. «Мой отец – француз, а мать – туниска. Что касается меня, то я – грязная арабка», – сказала моя респондентка – служащая отеля. Именно знание французского языка и знакомство с французскими обычаями и стереоти-

пами поведения заставляют ее сделать подобный вывод. Каждодневная бытовая дискриминация создает у иммигрантов второго поколения чувство отчуждения принимающим обществом.

«Знакомьтесь: мой сын – дважды инвалид: во-первых, он – араб, во-вторых, – выпускник университета». Так представил имама своего сына в популярных комиксах «Дело о платке». В этом высказывании содержится намек на то, что безработица во Франции особенно тяжело проявляется при первом трудоустройстве выпускников вузов, а для арабов-иммигрантов, имеющих диплом, устройство на работу становится неразрешимой задачей.

Выраженной этнической дискриминации во Франции нет, ибо все прекрасно знают, что это не соответствует демократическим лозунгам и политкорректности. Тем не менее есть расслоение по социальному признаку, где иммигранты в основном представлены низшими слоями общества. В этом смысле французское общество довольно закрытое, жестко стратифицированное. И если в детстве все вроде бы равны, то по мере их взросления социальные барьеры растут и начинают совпадать с этническими.

Ситуация обостряется, когда образуются национальные кварталы, где автохтонное население оказывается в меньшинстве, или когда возникает конкуренция на рынке труда. Территориальная сегрегация порождает изоляцию от остального населения и возникновение на этой почве этнической солидарности, которая не всегда конструктивна. Последнее обстоятельство, усугубляющееся в условиях экономического кризиса, создает кризисную ситуацию. Территориальная сегрегация этноса всегда опасна.

Любопытно свидетельство азербайджанца Рея Бабаева, находившегося в начале декабря 2005 г. в Ницце: «По словам азербайджанцев, которые временно или постоянно проживают во Франции, наших соотечественников в этой стране практически всегда принимают за арабов, так как наша кожа смугла, а волосы в основном темные. Лишь знакомым французам удается объяснить, что к арабам мы не имеем никакого отношения. Обыкновенные прохожие же принимают азербайджанцев за арабов. Азербайджанцы, с которыми мне удалось поговорить, рассказывают, что после погромов, которые устроили арабы (речь идет о волнениях, прокатившихся по всей стране после гибели двух арабских мальчишек, сгоревших в трансформаторной будке), страдают и наши соотечественники. Прохожие на улицах кидают им вслед какие-то колкости, называя “вонючими арабами”. Продавцы магазинов, которые ежедневно их с радостью встречали и провожали, перестали с ни-

ми даже здороваться. Страдают и представители многих других национальностей... На самом деле все дело в социальном кризисе, который поразил Францию, в нехватке рабочих мест для мигрантов. Кстати, местные и иностранные СМИ очень сильно приукрашивают все те беспорядки, которые происходят во Франции». Как передает Рей Бабаев, «во Франции безработными считаются около 11% населения. Среди молодых арабов уровень безработицы достигает 55%. После этих цифр выводы напрашиваются сами собой».

Следует отметить, что сам факт беспорядков можно рассматривать как модель поведения, навязываемую обществу с экранов телевидения. Характерно, что гибель болельщика «Спартака» Егора Свиридова в декабре 2010 г. в Москве вызвала серьезные беспорядки в столице. Около 5 тыс. молодых людей, в основном молодежь от 15 до 20 лет, собрались на Манежной площади. Тот факт, что убийцей оказался выходец из Дагестана, вывел на улицу российских националистов, в результате чего акция получила характер межнационального конфликта. Вслед за Москвой беспорядки прошли в Санкт-Петербурге и Ростове. Очевидно, что в эпоху глобализации такого рода действия стали средством выражения своих эмоций и требований, которым пользуются молодые люди, входящие во взрослую жизнь без всяких надежд на достойное трудоустройство и реализацию своих мечтаний. Миф о том, что наличие в стране иностранцев мешает или является источником всех бед, весьма популярен в тех странах, где много гастарбайтеров. На самом деле – это социальный миф, который как бы отвлекает общество от понимания неспособности правительства решить социальные проблемы.

«Повседневное насилие в театре и кино», так назывался коллоквиум, организованный зимой 2010 г. в Университете имени Поля Валери в Монпелье. Действительно, сегодня практически каждый телеканал показывает сюжеты, в которых фигурирует насилие. Другой популярной темой являются мошенничество, разбой, коррупционные скандалы, хищения в крупных размерах и т.д. И тот и другой фактор создают атмосферу стресса. Социологи считают, что в этих условиях молодежь становится циничной, ибо вера в светлое будущее уже даже не зарождается... Ситуация уязвимости, угрозы утраты работы или перманентное ее отсутствие вызывают как реакцию агрессию. Идет невротизация, стресс, происходит разрушение психики, ослабевают социальные связи, ибо в таких условиях не хочется общаться с более удачливыми сверст-

никами. Психологи объясняют появление агрессии как реакцию на раздражители. Это своего рода психологическая защита, которая способствует сохранению чувства собственного достоинства. Выходцы из стран Магриба в европейских государствах находятся в специфических условиях, которые влияют на их психику: старая (родительская) система координат, бывшая на родине, утрачена, а новая – чужда, ибо она построена на других ценностях. Не случайно, что между представителями первого поколения гастарбайтеров и их детьми, родившимися в Европе, возникает отчуждение, ибо опыт старшего поколения, основанный на культурных традициях арабской родины, в новых европейских условиях остается невостребованным.

Надо также отметить то обстоятельство, что родившиеся во Франции арабы испытывают трудности по возвращении на родину. Особенно это касается социальной сферы. Зачастую поездка на родину предков вызывает глубокое разочарование, однако это отнюдь не способствует стремлению магрибинца, имеющего французское гражданство, немедленно изменить свой менталитет и сделаться стопроцентным французом. Более того, оставшиеся на родине родственники стремятся присоединиться к тем «счастливчикам», которым удалось получить французское гражданство. Отметим также особенности французской бюрократической машины, которая после ухода из своих бывших колоний не предусмотрела, что смешанные браки станут источником новых иммигрантов. Журнал «Экспресс» описывает ситуацию, когда алжирская семья, благодаря французскому гражданству своей прабабушки, которое она получила в тот период, когда Алжир был территорией Франции, смогла переехать во Францию. В конце концов, благодаря французскому гражданству прабабушки, из Алжира во Францию выехало 52 человека!!! И это не единичный случай. Автор статьи указывает, что всего, таким образом, из Алжира выехало 80 тыс. человек, а это примерно население небольшого города, например, Кольмара. Суды ряда городов – Нима, Монпелье или Марселя – завалены заявлениями на получение французского гражданства подобными алжирскими семьями. Очевидно, что это пример того, как Франция расплачивается за свое колониальное прошлое...

* * *

В конце XX в. ученые обратили внимание на социально-психологический феномен, который они обозначили как этничес-

ский парадокс современности: несмотря на то что особенности этнической культуры стираются, этническое самосознание растет. Примером этого могут служить армянские диаспоры в Европе. Похожие процессы проходят в сообществе берберов и кабилов, которые, находясь в диаспоре, осознали свою национальную специфику: именно в условиях эмиграции во Франции они создали берберскую письменность.

Формирование единого европейского правового пространства – сложный и порой противоречивый процесс. Одним из последствий экономической глобализации в мире стало дальнейшее спонтанное сближение различных правовых систем через их взаимодействие и взаимопроникновение в ходе международного общения, а также создание единых правовых пространств в рамках глубокой интеграции, осуществляемой рядом международных объединений. Другими не менее важными, чем экономическая глобализация, причинами формирования сходных правовых стандартов являются гуманизация и социализация права, претворение в жизнь универсальной концепции прав человека. Однако в европейской Конституции изначально не было места национальной идентичности. И хотя европейское право всегда развивалось на базе национальных законов, оно не учитывает того факта, что население Евросоюза – это уже не только автохтонные европейцы.

Кроме того, европейская конституционно-правовая культура тесно связана с христианством, формировалась во многом под его прямым воздействием и не учитывает наличия в европейском пространстве иных религиозных систем. Как пишет Джозеф Вейлер, известный публицист и профессор международного права в университете Нью-Йорка и директор программы «Мировая школа права» в Школе права при университете Нью-Йорка, «в своей револютивной части Конституция Европы отражает однородность европейских конституционных традиций. Она полностью отстаивает идеи свободы религий и свободы от религий, как это и должно быть. Преамбула же Конституции ЕС должна отражать европейскую разнородность». «Главной целью Европейского союза, – по мнению Дж. Вейлера, – должны быть конституционная толерантность, терпимость к конституциям других, признание других идентичностей. Вам необязательно быть такими же, как другие, чтобы жить с ними в мире. Это то, особенное благородство, которое всегда было присуще европейской интеграции».

В своей книге «Христианская Европа» Джозеф Вейлер пишет: «Религия может оказывать деструктивное влияние на полити-

ку и на международные отношения. Но на все более секуляризующемся Западе мы часто забываем о том, что такое религиозная страсть. Когда кто-то становится террористом по религиозным соображениям, мы объясняем это дурными материальными условиями его жизни. Это типичная марксистская, т.е. материалистическая, интерпретация: причина не в вере как таковой, а в том, что он несчастен, голоден, угнетен и потому обращается к религии, как к опиуму для народа. Мол, достаточно повысить уровень жизни – и религиозный экстремизм исчезнет. Даже удивительно, какое сильное влияние эта марксистская чушь оказала на политическое мышление Запада. Секуляризация государства лишила Запад способности понимать всю серьезность обязательств в других частях мира».

Вопрос об идентичности не возникает в однонациональном обществе, однако и в таком социуме вопрос о происхождении индивида остается актуальным. Этническая идентичность – это осознание и переживание личностью своей принадлежности к какой-либо этнической общности с одновременным принятием ее норм, критериев, ценностей на морально-этическом уровне. Чувство этнической идентичности формируется в процессе социализации и является динамическим образованием, поскольку в любом возрасте под влиянием внешних обстоятельств возможно его переосмысление и трансформация. Однако европейский социум порой отторгает иммигрантов.

Особенно сложно происходит адаптация выходцев из Алжира. Последствия франко-алжирской войны 1954–1962 гг. тяжело сказались на обоих народах. В результате франко-алжирской войны погибло около 700 тыс. алжирцев, а Четвертая республика перестала существовать. В последние годы алжирские интеллектуалы, в том числе живущие во Франции, предпринимают усилия для того, чтобы рассказать правду об этой войне. В частности, премьера фильма «Вне закона», впервые показанного на Каннском фестивале, вызвала резкую полемику и реакцию протеста со стороны нескольких депутатов французского парламента. По случаю премьеры в Каннах были приняты беспрецедентные меры безопасности: на пресс-показе у журналистов отбирали бутылки с водой (как в аэропорту), а на знаменитой каннской красной ковровой дорожке дежурила Национальная гвардия. Режиссер фильма Рашид Бушареб сказал: «Это – нарыв, который существовал многие десятилетия. Теперь этот нарыв вскрылся, и я надеюсь, что мы, наконец,

сможем спокойно обсудить эту тему, выслушав позиции обеих сторон».

Попытка обратить внимание французской общественности на острые моменты во франко-алжирских отношениях была не случайной. Дело в том, что в последние годы во Франции началась дискуссия по поводу колониальной экспансии Франции. Под вопрос была поставлена национальная мифология, основополагающий для коллективной идентичности образ Франции, в котором соединялись «революционные ценности и мессианский универсализм, республиканский правопорядок и неукоснительная терпимость к Другому, “цивилизаторская миссия” и страх различий». Это началось с выдвижения своих претензий к властям со стороны тех, кто считает себя жертвами колониальной экспансии. Франция оказалась не готова к пересмотру своего колониального прошлого. В 1990-х годах интерпретация колониализма приняла односторонний характер, подтверждением чего стали памятники павшим бойцам ОАС, сооруженные в Тулоне, Перпиньяне и некоторых других городах, а также музеи: Музей истории французской колонизации Алжира (1830–1962) в Монпелье, Музей алжирской войны и деколонизации Марокко и Туниса в департаменте Тарн, Музей французских репатриантов из колоний в пригороде Лилля, Национальный мемориал Заморской Франции в Марселе, наконец, Национальный центр (Cite) истории иммиграции на месте бывшего Музея колоний в Пор Доре (Париж). Таким образом, налицо стремление «позитивно» пересмотреть и интегрировать колониальный период в историю страны.

Переосмыслению колониальной истории на официальном уровне положил начало бывший президент Франции Жак Ширак. Открывая монумент Памяти гражданских лиц и военных, погибших в Северной Африке 11 ноября 1996 г., он подчеркнул «важность и богатство работы, которую проделала там Франция и которой она должна гордиться».

Ж.-П. Шевенман, бывший в период между 1997–2000 гг. министром внутренних дел, в журнале «Нувель обсерватор» выступил с лозунгом «Перестанем стыдиться!». При этом он призывал не только помнить о насилиственном утверждении колониального режима, но и учитывать позитивные моменты колонизации. К ним он относил школьное образование, которое, по его словам, стало «интеллектуальным оружием освобождения».

Но главным документом подобного переосмысления колониального прошлого стал Закон от 23 февраля 2005 г., в котором

была зафиксирована «признательность женщинам и мужчинам, участвовавшим в работе, которую Франция проделала в бывших французских департаментах Алжира, Марокко, в Тунисе, в Индокитае и на всех территориях, где она ранее установила свой суверенитет» (ст. 1). Закон вызвал весьма противоречивую реакцию. Правые встретили его восторженно, как признание колонизации «великой эпопеей» в истории страны, некоторые даже увидели здесь моральную компенсацию за закон, принятый в мае 2001 г., который признал рабство «преступлением против человечества». Одновременно закон вызвал бурю возмущения среди выходцев из французских колоний во Франции и населения стран Магриба. Спустя 11 месяцев президент Ж. Ширак был вынужден вернуть ст. 1 закона от 23 февраля в Национальное собрание для доработки.

Французские исследователи считают, что ситуация, возникшая вокруг «колониального ревизионизма», является проявлением «кризиса национальной идентичности», в котором нашли выражение и структурный кризис экономики, и нарастающие трудности интеграции мигрантского населения, и идеино-теоретические сложности признания культурных различий. Многие указывали на то, что современное настороженное отношение во Франции к мусульманской религии имеет истоки в колониальном прошлом.

Мир глобализуется, и проблемы миграции существуют практически везде. Есть два стратегических подхода к интеграции мигрантов: принцип «мультикультурности» и принцип «плавильного котла». Первый предполагает, что нации должны сохранять своеобразие, жить рядом, сохраняя свою идентичность. И школы в таком случае могут быть разные. Второй, на который сделали ставку США, требует выравнивания всех иммигрантов по некоторым параметрам – язык, культура, образование.

Советская национальная политика, при всех ее перекосах, следовала в этом же направлении. Американский подход к миграционным проблемам работает до определенного предела: если поток мигрантов слишком велик, то нация-реципиент не успевает их ассимилировать. Так, приток испаноязычных соседей из Латинской Америки в США сегодня достиг такого масштаба, что в США начинают опасаться, как бы страна не перестала быть англоязычной. Кроме того, несмотря на пресловутый «плавильный котел», в Америке приезжие из других стран стараются держаться своими общинами, взаимодействовать при необходимости, хотя стычки между ними иногда происходят.

Французские власти допустили немало ошибок в своей национальной политике. Беспорядки в парижских пригородах в ноябре 2005 г. имели причиной не религию, а отчаяние от безысходности. «То, что этот взрыв был воспринят как свидетельство провала интеграции магрибинцев, указывает на менее различимую проблему: общество склонно патологизировать FII (Francais issus de l'immigration – французы иммигрантского происхождения)». Обратившись к имамам, чтобы те повлияли на хулиганов, Н. Саркози, бывший в то время министром внутренних дел, только укрепил ошибочное впечатление, что ситуация на улицах связана с исламом.

Интеллектуалы Франции находятся в плену идеологии. Часть правых и большинство левых демонстрируют себя поборниками равных возможностей, однако они не обращают внимания на бытовую дискриминацию. Н. Саркози на посту министра внутренних дел предложил жесткий законопроект иммиграционной реформы и провел массовую депортацию нелегалов. Но в тот период это было адресовано сторонникам Ле Пена, с которым Саркози конкурировал на президентских выборах. Готовясь к своей президентской кампании, Саркози старался заработать очки в глазах различных этнических групп.

Как отмечает философ Тарик Рамадан, живущий в Швейцарии, французский политический класс применяет сейчас «двойной стандарт»: «В теории обсуждается политическое единство республики, а на практике применяется политическая стратегия мобилизации потенциальных избирателей». Игнорирование дискриминации создает реальную опасность того, что французские мусульмане привыкнут к обращению с ними, как если бы их религиозная и этническая идентичность была решающей, и их политическое поведение действительно станет определяться этим. В худшем случае лишенная права голоса группа может начать воспринимать себя маргинализованным меньшинством, отойдет от республиканских ценностей и выступит за наднациональную мусульманскую общину (умму) как за альтернативное общество. Опросы показывают, что французское население в целом поддерживает программы, направленные на устранение дискриминации иммигрантов, пока те лишь немного отклоняются от республиканского эгалитаризма.

Совершенно очевидно, что французским политикам пора отказаться от чрезмерной республиканской риторики. Кроме того, назрела необходимость рассеять широко распространенное заблуж-

дение, будто ислам по своей сути является радикальной религией и несовместим с французским республиканизмом.

То, что французы называют «контрколонизацией» или «тепловой, демографической колонизацией» (имеется в виду увеличение легальной и нелегальной иммиграции в европейские страны. – *О.Б.*), на самом деле – естественный процесс, связанный с изменением антропологической модели в мире. Численность европейцев сокращается; по некоторым данным, сейчас они составляют 21% от мирового населения, а к концу века ожидается сокращение до 8%. Речь идет о том, что европейцы могут стать этническим меньшинством. Поэтому в этой ситуации настоятельной необходимостью становится атмосфера доброжелательности в обществе, ибо именно она является гарантом уверенности в завтрашнем дне, стимулирует стабильность межнациональных отношений и сохранение гуманитарных ценностей. Надо помнить о том, что к Другому надо относиться так, как мы бы хотели, чтобы относились к нам. В этой связи уместно вспомнить высказывание немецкого философа Иммануила Канта (1724–1804): «Не страшно быть опровергнутым, страшно быть непонятым»...

«Зарубежный Восток и современность:
Тридцать лет спустя», М., 2011 г., с. 133–143.

И. Титаренко,

доктор философских наук,

Южный федеральный университет (г. Таганрог)

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЭПОХУ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ТОЛЕРАНТНОСТЬ ИЛИ БОРЬБА
ЗА КУЛЬТУРНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ?**

Возникновение феномена глобализации, понятого как процесс становления единого взаимосвязанного мира, сегодня мало ком оспаривается и ставится под сомнение. С социокультурной точки зрения глобализация часто трактуется как постепенное эволюционное формирование общечеловеческой культуры, связанное со стиранием существующих национально-культурных особенностей. При этом исследователи в качестве объективных проявлений глобализационных процессов указывают на все возрастающее единообразие предметов потребления, распространение поведенческих стереотипов, стандартизацию навыков и приемов профессиональной деятельности, универсализацию форм общения людей.

Однако нужно осознавать и тот факт, что это еще не означает глобализации глубинных пластов национальных культур и менталитета их представителей. Глобализационные процессы, протекающие достаточно быстро в таких сферах совместной общественной деятельности, как экономическая и информационная, оказываются гораздо более медленными в области религии, правовых обычаях, ценностных представлений, форм бытовой жизнедеятельности, национальных традиций.

Пример ряда восточных стран показывает, что глобализация пока не ведет к однозначной унификации их культур на фундаменте какой-то одной социокультурной парадигмы. Напротив, на экономические достижения восточных стран продолжают оказывать значительное влияние их собственные культурные ценности (религиозные, социально-этические и др.). Одно из ярких тому подтверждений – современный Китай, в социально-экономических достижениях которого велика роль конфуцианства. В этом же ряду следует назвать Индию и Японию. И хотя в настоящее время нередко можно услышать утверждения о формировании единой глобальной культуры, стирающей национальные, религиозные, этические особенности, сложнейшая диалектика межкультурных отношений современности говорит о том, что подобные заключения несколько преждевременны. Примечательна в этой связи идея «глобальной сверхкультуры» А.А. Гусейнова, согласно которой глобальная общность людей, если она возможна, может быть только общностью сверхкультурной, транскультурной. Термин «глобальная культура» рождает иллюзию, что возможен переход от множества различных культур к единой культуре. И эта иллюзия нередко кладется в основу самых разнообразных теорий – в области государственной политики, межгосударственных отношений, образования, которые имеют вполне прикладное значение и не могут не вызвать беспокойство теми последствиями, к которым может привести их реализация.

Упомянем также «теорию метаобразования» О.В. Кашириной и А.Н. Захарина. В статье «Метаобразование: эксперимент и социальная технология цивилизационного выбора молодежи» под метаобразованием понимается некий глобально-цивилизационный подход к образованию, способный обеспечить повышение качества образовательного процесса от школы до вуза, социальную ориентацию молодежи и выбор ею цивилизационного пути развития, соответствующего духу времени. Авторы заявляют: «Метаобразование превращается в методологию, идеологию и мораль

непрерывного образования, в его глобально-цивилизационную направленность, в которой сочетается специфика российской цивилизации с закономерностями глобальных социоестественных и социокультурных процессов». Однако за этими научообразными фразами скрывается несколько очень простых и далеко не безупречных с научной точки зрения идей: в школе следует слить все естественно-научные дисциплины в естествознание, а социально-гуманитарные – в обществоведение. В вузе же необходимо обеспечить преподавание иностранных языков и технических дисциплин на уровне мировых стандартов, а гуманитарным, общественным и философским наукам придать специфические «технологические функции» с тем, чтобы они могли «нести ответственность за экспертизу эффективности и безопасности новых мощных антропогенных технологий и определять устойчивую траекторию развития нашей цивилизации».

Возникает вопрос: почему на уровне мировых стандартов должны преподаваться только технические дисциплины и иностранные языки, а для гуманитарных дисциплин мировой уровень вовсе не обязателен. А как быть, если вуз гуманитарный или медицинский? Или же глобализирующаяся цивилизация вообще исключает политологов, социологов, психологов, лингвистов, врачей и т.д.? Почему ответственность за экспертизу эффективности и безопасности антропогенных технологий должны нести гуманитарные, общественные и философские дисциплины?

Представляется, что задача дисциплин гуманитарного, социального и экономического циклов подготовки как бакалавров, так и магистров технических специальностей состоит, скорее, в том, чтобы научить их оценивать результаты своей профессиональной деятельности с точки зрения базовых гуманистических ценностей, нежели в том, чтобы оценивать плоды научно-технического творчества самостоятельно. Далеко не лишним будет помнить о том, что в действительности «глобальная культура» не более чем желание увидеть единство там, где оно отсутствует в реальности. В частности, пока еще вряд ли уместно говорить о всеобщем культурном единстве человечества как о реальном феномене.

Современная история, бесспорно, знает попытки построения культурной целостности в условиях этнического многообразия. В их числе – реализация так называемой теории «плавильного котла», которая предполагает слияние этнически, национально, религиозно различных культур в единую культуру. Данная концепция длительное время была особенно популярна в США. Однако в

последние годы и в этой стране официальная политика склоняется в сторону учета реального многообразия культурных традиций. Вследствие этого теория «плавильного котла» все более трансформируется в теорию «салатной миски», в соответствии с которой различные культуры (как ингредиенты салата) в одном социальном пространстве могут сосуществовать благодаря некоему объединяющему принципу («соусу»). Тем не менее и эта теория на практике также работает не слишком хорошо. Это доказывает, что глобальное единство людей не отменяет существующих культур, не стирает их различий.

Глобальная культура как сложное единство национальных культур не может быть проектом, созданным и реализуемым для преодоления наций и их культур. Философский анализ свидетельствует о том, что прогресс человечества в целом в общественном и культурном развитии связан в большей степени с разнообразием этнокультурных и цивилизационных традиций, инновационный потенциал которых может быть востребован в любой момент как способный противостоять деструктивным тенденциям глобализирующегося мира. В единстве многообразного проявляется диалектика современного цивилизационного развития.

Глобализационные тенденции, наблюдаемые сегодня в мире и рассмотренные с социокультурной точки зрения, объективно свидетельствуют не столько о полном стирании национально-культурных особенностей в ближайшем будущем, сколько о невозможности для любой цивилизации современного мира существовать замкнуто, в изоляции от других цивилизаций. Глобализация есть отрицание всякого рода локальности и изоляционизма. В связи с этим неизмеримо возрастает необходимость поиска оснований и принципов мирного сосуществования различных культур много-полярного мира. Решение данной проблемы непосредственно влияет на обеспечение безопасности как международной, так и внутригосударственной. Международная безопасность чрезвычайно актуальна в едином взаимосвязанном мире.

Особую значимость поиск оснований внутригосударственной бесконфликтной межкультурной коммуникации приобретает для стран и регионов, в которых полиэтничность имеет глубокие социально-исторические корни. В России один из таких регионов, бесспорно, Северный Кавказ, где встречаются многообразные культурные традиции – этнические партикулярные традиции кавказских народов, восточная культурная традиция, связанная с исламом, западная культурная парадигма, культурная традиция рус-

ского народа. Только в Дагестане проживает более 25% от общего числа народностей России, что предопределяет формирование особого этнокультурного пространства. Вполне естественно, что в условиях исторически сложившейся полиэтничности и взаимодействия различных культурных тенденций поиск оснований бесконфликтности приобретает огромную актуальность.

В качестве одного из таких оснований нередко называется мультикультурализм, реализующийся в практике государственного строительства ряда стран (Индия, Канада, Швеция, Австралия, Малайзия). Мультикультурализм как мирное сосуществование различных культур вполне закономерно связывают с толерантностью. Мультикультурализм и толерантность не исключают проблем. В практическом плане «среди наиболее опасных последствий мультикультурализма отмечается этническая фрагментация общества, сознательный отказ от малейших проявлений ассимиляции основной господствующей культурой (даже в среде вновь прибывших эмигрантов), и как результат – нарастание напряженности в межэтнических и межконфессиональных отношениях». Мультикультурализм, стимулируя разнообразие культур, оказывается малопродуктивным для создания единства (к примеру, культурного единства в полиэтнической стране), без которого так же трудно себе представить современный многополярный мир, как и без цивилизационного многообразия. Нельзя забывать, что всякая культура как самоорганизующаяся целостность стремится к самоохранению, к выживанию, к реализации своих ценностей и смыслов. Следовательно, культура как целостность должна противодействовать всему, что несет в себе угрозу.

Культура с неизбежностью должна защищать свои ценности как основу культурного существования. Это значит, что толерантность, вопреки всем мифам о ней, противна стремлению культуры к выживанию. При внимательном анализе становится ясным, что «толерантность означает, что с чужой популяцией конкуренция слабее, чем внутри своей». В силу этого до настоящего времени ни одной современной культуре не удалось изжить полностью проявления интолерантного отношения к инаким. Вспомним, что не так давно граждане Швейцарской Конфедерации подавляющим большинством приняли решение о запрете возведения минаретов в стране. Такое решение является следствием страха перед культурными ценностями проживающих в стране иностранцев, а также желания сохранить собственную культурную идентичность. Таким образом, продуктивный диалог культур невозможен без веры в

собственные ценности, без понимания того, что становление глобальной системы ценностей и общепризнанных методов решения глобальных проблем не угрожает нашей идентичности.

Толерантность требует от представителей какой-либо культуры быть терпимыми к утверждению чужих культурных ценностей. Значит, толерантное отношение, доведенное до абсолюта, может быстро обернуться безразличием. И в этом – угроза для определенной культуры. Уважительное отношение к иному, спокойное приятие иного, терпимое отношение к продвижению иного – и вскоре с удивлением можно обнаружить, что произошло вполне «мирное завоевание» социального пространства другой культурой, что живешь уже в другой стране и даже в другом мире.

Чтобы не затрагивать чьи-либо этнические или религиозные чувства, уместным будет пример без национально-конфессиональной окраски: как мирно и спокойно завоевывает современный мир «массовая культура». Причем происходит это не в последнюю очередь потому, что многие к ней толерантны. Если вспомнить основные принципы толерантности, то сразу же легко можно ответить на вопрос о том, имеет ли право на существование бульварная литература, желтая пресса, кассовые кинофильмы или «мыльные оперы». Конечно, да, ведь для многих они интересны и важны, представляют ценность. Но стоит только осмыслить процесс распространения «массовой культуры» и связанную с ним «вестернизацию» в терминах глобалистики, становится очевидным, что они являются результатом реализации масштабной технологии декультурации ряда стран или, используя терминологию А.С. Панарина, «культурологической инженерии». Глобальный проект вестернизации мира, навязывания ему готовых западных эталонов, идеалов и моделей культуры направлен на окончательное разрушение национального сознания, нравственных ценностей, самобытных культурно-семантических кодов. Толерантность лишь упрощает реализацию этого проекта.

С толерантностью связаны и другие проблемы. Если мы толерантны к ценностям других культур, например, к инокультурным правовым традициям, даже если понимаем, что они не столь гуманны, как европейские, или к религиозным ценностям, даже если осознаем, что они могут обернуться фанатизмом, то почему мы не должны относиться с уважением к идеям деструктивных религиозных сект, наркомании, национализму? Ответ достаточно очевиден и незамысловат: потому, что толерантность всегда предполагает некую границу: в ее пределах лежат социальные явления,

к которым мы относимся с уважением, за ней – то, что отвергаем и с чем боремся. Но, осознав это, нужно уяснить и те опасности, которые таит в себе само установление границы. Чрезвычайно важно, кто, с каких позиций и насколько правильно определяет такую границу и формирует в общественном сознании представление о ней. Малейший крен, в том числе и политico-идеологический, в ее установлении – и культурный диалог может легко трансформироваться в реализацию имперских амбиций, завоевательную политику, навязывание «демократических» режимов. В этом случае граница толерантности максимально приближена к собственному культурному ареалу: к похожему относимся терпимо, а к похожему не очень сильно – нетерпимо. Подобная культурная политика закономерно вызовет противодействие со стороны тех, кому пытаются навязать инородные ценности. Сколько бы мы ни говорили о толерантности какуважении ценностей иных культур, в самом этом понятии теоретически присутствуют истоки для его понимания именно как терпимости. Так, власть терпимо относится к религиозным верованиям лишь в том случае, если они не посягают на власть. Предписания власти диктуют логику и границу толерантности. Установили общегосударственный выходной день в воскресенье – и тем самым продиктовали логику христианина в ущерб мусульманам или иудеям. Именно поэтому авторитетные исследователи проблем толерантности (например, Б.Г. Капустин) заявляют в настоящее время о том, что режим толерантности – это в определенном смысле режим господства. Следует учитывать и то, что глобализационные процессы и обусловленное ими негативное отношение к распространению (а в ряде случаев и навязыванию) западного образа жизни и массовой культуры создают препятствия для утверждения толерантности, вызывают укрепление отнюдь не толерантного отношения к другим культурам, но традиционалистских ценностей и представлений, с чем столкнулась в настоящее время и Россия. Многомерное существо человека не хочет мириться с утратой индивидуальности и этнокультурной самобытности...

Случайно ли противодействие глобализации, толерантности, идеи мультикультурализма? Полагаем, что оно достаточно закономерно. Вполне определенно можно утверждать, что существует диалектическое взаимодействие противоположностей: с одной стороны, тенденции к глобализации и связанной с ней толерантности, с другой – стремления к сохранению культурной идентичности и распространению собственных культурных ценностей как

основы последующего продуктивного культурного развития. Первая из названных тенденций направлена на стирание культурных особенностей, на быстрое приспособление культур к изменяющимся условиям современного мира. Вторая же стремится к сохранению самобытных культурных традиций, переходящих от поколения к поколению. Закономерно в связи с этим и то, что опыт культурного строительства полиглоссических государств невозможен описать лишь с использованием понятий «мультикультурализм» и «толерантность». Относится это и к российскому опыту соразвития народов в едином социокультурном и государственном пространстве. В его основе лежит как естественный, так и конструируемый синтез и взаимообогащение культур. В результате в российской идентичности органично сочетаются «российскость» как общее ценностное ядро и, наряду с этим, этнокультурное и этноконфессиональное многообразие.

Таким образом, толерантность и мультикультурализм отражают лишь одну сторону культурного развития и, конечно, не могут служить единственной основой построения современного культурного пространства. Хотя теория толерантности и была чрезвычайно продуктивной, поскольку когда-то позволила Европе выйти из эпохи кровопролитных протестантских войн, способствовала сдерживанию межкультурных конфликтов и в своем умеренном варианте продолжает выполнять роль сдерживающего фактора в настоящее время, в условиях глобализации избежать межкультурного обострения невозможно лишь повторением призывов к толерантности и мультикультурализму. Решение этой задачи возможно только на путях поиска рациональных оснований для взаимного диалога культур, которые уже построены и, думается, будут построены в дальнейшем на различных социокультурных парадигмах.

Развитие культур, несмотря на все различия между ними, идет по пути утверждения таких ценностей, как свобода личности, возможность самовыражения, социальная справедливость, соблюдение прав человека. Например, многие исследователи отмечают, что в различных мировых религиях легко обнаружить параллели – идею сопереживания другим людям, уважения прав человека, стремления к общему благу. В этих и аналогичных им идеях, вероятно, и следует искать базис для равноправного диалога различных культур периода глобализации. При этом необходимо, чтобы взаимодействие культур в глобальном мире было подлинным диалогом, а не монологом, выражаясь словами М. Бубера, «замаскиро-

ванным под диалог». Подлинный диалог – тот, в котором «каждый из его участников действительно имеет в виду другого или других в их наличном и своеобразном бытии и обращается к ним, стремясь, чтобы между ним и ими установилось живое взаимоотношение». Взаимодействие культур может быть продуктивным, когда оно подчинено диалогической власти подлинной жизни. Диалог культур способен привести к выработке принципов решения общечеловеческих проблем, но он не может привести к созданию единой глобальной культуры. Диалог предполагает сохранение диалогизирующих сторон, а не их взаимное поглощение или полное слияние. В эпоху глобализации настоящей потребностью становится отказ от стереотипов в отношении этнического фактора, в том числе и от достаточно прочно укоренившегося в общественно-политическом мышлении отношения к этническому лишь как к источнику конфликтности. Такое отношение, в свою очередь, неизбежно «порождает в массовом сознании стереотип слитности этнического с терроризмом, вольно или невольно подпитываая этнофобии и политический экстремизм». Современная ситуация межкультурного общения, бесспорно, требует трансформации теории толерантности, обращения к новым концепциям взаимодействия культур, основанным не на идее господства, а на идее взаимного уважения и солидарности во имя достижения целей выживания.

«Научная мысль Кавказа»,
Ростов н/Д., 2011 г., № 3, с. 14–21.

СУФИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

Обращаясь к вопросу о суфизме и политике, исламовед П.Л. Хек (кафедра теологии Джорджтаунского университета, Вашингтон), отмечает, что еще в XIX в. суфийские сетевые организации (братства-тарикаты) сыграли важную роль в сопротивлении

* Sufism today. Heritage and tradition in the global community / Ed. by C. Raudvere & L. Stenberg. – L.; N.Y.: IB. Tauris, 2009. – 260 p.

From the cont.:

2012.02.021. HECK P.L. The politics of Sufism: Is there one? – P. 13–30.

2012.02.022. HENKEL H. One foot rooted in Islam, the other foot circling the world: Tradition and engagement in a Turkish Sufi cemaat. – P. 103–116.

2012.02.023. PINTO P. Creativity and stability in the making of Sufi tradition: The Tariqa Qadiriyya in Aleppo, Syria. – P. 117–136.

европейским колониальным державам, в частности Франции в Северной Африке и России на Северном Кавказе. Некоторые тарики-тарики выступали против постколониальных государств, которые настойчиво стремились секуляризировать местные общества, например, в первые годы существования республики в Турции и до 1982 г. в Сирии. В то же время суфийские сети поддерживали двусмысленные отношения с исламскими республиканскими режимами, охотно сотрудничая с ними в рамках тех или иных проектов и даже позволяя определять, в соответствии с государственным интересом, что есть «истинный» суфизм. Так было в Судане при Умаре аль-Башире и даже в светском Египте (особенно при Насере 1954–1970), а также в Иране – как при шахе, так и при аятолле.

Трудно говорить об особом подходе к политике даже в рамках отдельной сети. Так, братство накшбандий после 1982 г. кооптировалось с баасистским руководством САР и даже кооптировалось им, в то время как в соседней Турции (где оно называется накшбандийе) согласование им позиций с властями никогда не переходило в прямую кооптацию. В Марокко бывший Сиди Хамзы позиционировала себя как ментора всего общества и советника царственного владыки, в то время как ответвление того же братства – группа «Справедливость и благотворительность» Абд ас-Салама Йасина – вела активную проповедническую деятельность неофициально.

Здесь вряд ли можно говорить об оппортунизме, скорее о дилемме в понимании общественного измерения религиозности, которое не всегда привязано к конкретному политическому проекту. В отличие от других направлений ислама в недрах суфийских сообществ так и не сложилось внятного видения власти, которое бы отразилось в том или ином основополагающем тексте или установке. Взаимодействие с «сильными мира сего» определяется только смутными увещаниями избегать общения с ними, что всегда оставалось лишь далеким от исторической реальности идеалом. Под вопросом до сих пор находится правомерность постановки самого вопроса о политике в суфизме.

«Учение суфииев представляет собой сложную форму религиозности, составляющую, в свою очередь, органическую часть ислама». Его сильно различающиеся между собой формы роднят общая вера в духовную жизнь как конечную меру религиозного достоинства, внутреннее наполнение мусульманской веры. Однако духовность никогда не была безразлична к проблеме власти, и совершенно неверно навешивать на суфизм ярлык квietизма, проти-

вопоставляя его активистскому исламизму. Его приверженцы не обязательно выступают против идеи государства, основанного на шариате (как и исламисты не отрицают духовность как таковую), но и не увязывают исламские ценности с контролем над политической сферой.

По мнению автора, лучше всего говорить о политике суфизма в терминах «вовлеченной удаленности» (*engaged distance*) – вовлеченности в общественную жизнь при принципиальной удаленности от мирского могущества. На деле же все варьирует по обстоятельствам, хотя оба элемента непременно присутствуют в той или иной мере, обеспечивая верность суфизма своим «социальным обязательствам». Суфийское мировоззрение озабочено проблемой не земного верховенства, а формирования нравственности (ахлак), вызревающей благодаря «очищению души» (тазкият ан-нафс). При этом в континууме духовного и материального существования ведущим началом является дух, что вовсе не означает абсолютного осуждения плоти как зла – она лишь должна быть обуздана, а ее веления не могут считаться конечным смыслом бытия. Дабы не удаляться от этических констант, деятельность человека в мире нуждается в духовном руководстве советника, а иногда и увещевателя. Точно так же, как индивидуальная душа осуществляет водительство над телом физическим, харизматическое начало здравствующего или покойного наставника гла-венствует в теле политическом.

Для поддержания этического баланса мусульманский социум нуждается во внутреннем обновлении (таджид). Задача наставника – научить и вразумлять общество, одновременно отвергая бразды правления, дабы не скомпрометировать нематериальную природу своего авторитета. Эта функция «совета-наставления» (нусх) может быть как позитивна (консультант), так и негативна (обличитель). Для иллюстрации этих двух амплуа автор выбирает две фигуры – сирийца Мухаммада аль-Хабаша (род. 1962) и марокканца Абд ас-Салама Йасина (род. 1928).

Аль-Хабаш – бывший ученик многолетнего верховного муфтия Сирии и главы местной ветви братства накшбандий Ахмада Куфтаро, на наследие которого он явно претендует. Ведущий парламентарий, он действует в рамках партийной системы. В отличие от него Йасин, бывший ученик шейха бутшиший, Сиди Аббаса, открыто отвергает претензии марокканской монархии на конституционно санкционированную гегемонию в политической и религиозной жизни.

Хотя сирийский режим секуляризован, а Марокко представляет собой мусульманскую монархию, суфизм в обеих странах по-прежнему признается важной частью религиозного наследия, даже если теперь, пройдя через реформы или хотя бы испытав их влияние, он, в духе модерна, делает акценты на рационализме и социальной активности.

Именно этический аспект суфизма заставляет пристальное внимание обратиться к вопросу: в какой мере царство духовного должно восприниматься как конечная инстанция в том, что касается общественной нравственности, а еще точнее – политической этики? В заданных параметрах всегда есть место тем или иным тактическим предпочтениям. «Мирские соображения никогда не стоит пренебрегать, но с ними должно сосуществовать и религиозное измерение исламского этоса». Легитимность духовного руководства в мусульманском социуме напрямую зависела от стремления доказать, что жизнь каждого верующего исходит из норм и ценностей ислама. Наставник, стремящийся повлиять на общество, пораженное коррупцией и несправедливостью, бедностью и аморальностью, оказывается перед выбором. С одной стороны, тесное взаимодействие с властью предержащими – президентами и королями – может дать основание для обвинений в излишней светскости и «обмирщении». В то же время оно позволяет говорить о волнующих и актуальных вопросах позитивно и рассчитывая на самую широкую аудиторию, а не только на достаточно узкий круг посвященных. С другой стороны, четкое размежевание с властью даст возможность утверждать мирских владык, опираясь исключительно на авторитет ислама и делая упор на непричастности учения Мухаммада искажениям и своекорыстным толкованиям. В то же время оно часто предполагает формирование альтернативной социальной организации, игнорирующей жизнь нации, что может приводить к созданию «духовного гетто с почти мессианской программой» (правда, и это может быть отчасти эффективно как стимул групповой солидарности и протестный рычаг).

Таким образом, духовный авторитет, воплощен ли он в почитаемых лицах и их писаниях или институционально – в сетях, охватывающих те или иные группы верующих, требует определенной дистанции от земного мира, чтобы не дать суетным соображениям возобладать над божественными устремлениями. Однако в то же время внутреннее самосовершенствование не сводится к формированию мировоззрения, ориентированного на все потустороннее, – оно должно приносить и нравственные плоды. Обновле-

ние души, требующее определенной меры отвлеченности от мира, призвано нести с собой и этическое подкрепление материальному началу, т.е. мусульманскому обществу.

Идею обновления оба персонажа толкуют весьма по-разному. Духовность на службе у нации должна внедрить в сознание общества необходимость реформ, одновременно не ограничивая духовной эволюции политическим процессом, по словам Йасина, «не растворяя религиозного призыва и проповеди в государстве». С ним перекликается и принадлежащая аль-Хабашу концепция «демократии ради утверждения ценностей ислама и ислама ради руководства демократией».

Миссия аль-Хабаша, которая привлекает общественное внимание (хотя и не всегда поддержку), задействует суфийское наследие не как сеть последователей, а как набор идей и практик. «В подходе к исламу с позиций современных реалий он идет дальше большей части сирийского религиозного истеблишмента». Отвергая анахронистическую, с его точки зрения, дисциплину покорности ученика-мурида наставнику-шейху, он глубоко заинтересован идеей «национального понимания ислама». Помимо своего политического поприща, он известен как основатель и руководитель Центра исламских исследований в Дамаске, часто пишущий и выступающий для широкой аудитории и подвизающийся на ниве международной культурно-просветительской работы, поддерживая контакты с ЮНЕСКО, ЕС и даже Ватиканом.

По контрасту язык Абд ас-Салама Йасина «отнюдь не свидетельствует о каком-либо примиренчестве, напротив, звучит вызывающие и даже милитаристски». По этой причине Йасина нередко трактуют как исламиста. Однако он часто и открыто ссылается на духовный опыт суфизма, анализируя в своих сочинениях различные его элементы и их соотношение с шариатом, настойчиво ссылаясь на таких светочей мусульманской мистической мысли, как аль-Кушайри и аль-Газали. Себя он определяет как суфия-суннита и даже салафита (т.е., в его интерпретации, не выходящего в своих построениях за рамки Корана и Сунны).

Две эти фигуры разделяют одно важное воззрение – континuum между духом и материей, хотя ставят в нем отчетливо различающиеся акценты. Духовное должно выступать как этическое руководство для материального (т.е. политического) – как совет в случае с аль-Хабашем, как увещание в случае с Йасином. Оба они ищут решения задачи, весьма значимой для сегодняшнего ислама: примирения религии с современностью (в особенности с такой ка-

тегорией, как национальное государство) – для аль-Хабаша, постановления религиозной доминанты в условиях модерна – для Йасина.

Оба призывают к государству, базирующемуся на ценностном комплексе ислама, но если первый описывает его как гражданское, то второй придает ему мессианские очертания. Для сирийского парламентария существующий дамасский режим в целом отвечает необходимым условиям, прислушиваясь к голосам, исходящим как из светской, так и из религиозной среды, хотя ему, конечно, хотелось бы более последовательного воплощения исламских идеалов в обществе. Напротив, марокканский активист убежден, что государственное образование никогда не сможет удовлетворить требованиям ислама, пока не препоручит себя духовному водительству Корана, которое делает почти избыточными властные институты, будучи достаточным гарантом этического наполнения жизни нации. Эту политическую цель Йасин ставит перед собой как символ иного мира, который служит его стратегии духовного отчуждения от мира земного и актуализируется объединением его последователей, принципиально не вписывающимся в национальную политику. Это альтернативное общество внутри нации, которое, заявляя о своем существовании, самим этим фактом бунтует против того, как управляет Королевство Марокко, – «духовный протест обретает материальную реальность. Обновление формулируется не как адаптация, а как духовное господство. Политический порядок, на локальном и глобальном уровнях, должен склониться перед... авторитетом Йасина ради своего собственного этического блага».

Для аль-Хабаша, как и для Йасина, мир пребывает в состоянии кризиса, а ислам – под угрозой и нуждается в реформах, возрождении и возвращении к истинному благочестию. Однако для первого трудность в осуществлении этого проистекает, прежде всего, из отсутствия гармонического единства между народами и религиями Земли, а для второго – из всепроникающей мирской стихии, которая неизбежно порождает самые прискорбные нарушения божественного порядка. Для аль-Хабаша, который не менее чувствителен к вселенской несправедливости, решение следует искать в позитивном взаимодействии с окружающим миром под лозунгом примирения. Для Йасина речь идет о взаимодействии негативном, чреватом восстанием против существующего политического строя, которое призвано в полную силу проявить превосходство духовной силы и поставить ее над сферой материального. «И тот и другой следуют курсу вовлеченной удаленности, хотя и с

разных концов спектра. Они разделяют этическую озабоченность суфизма, даже если осмысляют по-разному его наследие. В обоих случаях сердце должно быть духовно связано с Богом как высшим движителем сущностей – как индивидуальных, так и социальных – в мире вещей».

Х. Хенкель, доцент Института антропологии при Копенгагенском университете, обращаясь к примеру одного из наиболее влиятельных турецких сообществ-джамаатов уже упоминавшегося «материнского» (основного) братства накшбандийя, отталкивается от образа, навеянного изречением Джалал-ад-Дина Руми, который увещевал своих учеников уподобиться компасу: одной ногой твердо стоять в исламе, другой же очерчивать все страны мира. «Аналогия с компасом хорошо передает черту, характерную для многих ответвлений суфизма как ныне, так и в прошлом: стремление исследовать и влиться в то или иное общество, преодолевая культурные и географические границы – а следовательно, социальные барьеры и неоднородность, – одновременно оставаясь укорененными в исламской традиции».

Отправной точкой для Хенкеля служит инцидент, который, на первый взгляд, представляется заурядным. 4 февраля 2001 г., в аварии на хайвэе между австралийскими городами Даббо и Пик-Хилл гибнут, по выражению местной газеты, «известный на международном уровне мусульманский ученый, профессор, д-р Махмуд Эсад Джошан и его зять, д-р Али Уярэль». Обе жертвы на протяжении предшествовавших трех лет проживали в Брисбене, но это происшествие получило совершенно иной резонанс у них на родине. «В течение недели с лишним новость не сходила с заголовков национальной прессы. Здесь, в Турции, профессора Джошана знали очень хорошо, но его слава и внимание, которое привлекла его кончина, были мало связаны с его академическими свершениями. Всеобщее возбуждение в стране объяснялось тем, что Джошан был лидером, или шейхом, одного из самых знаменитых и, возможно, наиболее могущественного суфийского братства – ветви “Искендер-паша” накшбандийского тариката. Джошан перебрался в Австралию после того, как оказался в изгнании в 1997 г., когда во время так называемого постмодернистского переворота турецкие военные – ярые поборники секуляризма – принудили выйти в отставку тогдашнего премьер-министра Неджмеддина Эрбакана и приступили к жесткой зачистке религиозных мусульманских организаций, которые рассматривали как угрозу светскому характеру государства (nation). Через несколько

дней после автокатастрофы десятки тысяч скорбящих... присутствовали на заупокойном богослужении по Джошану и Уярэлю в стамбульской мечети Фатих и сопровождали их в последний путь до кладбища Эйюб».

Такова наглядная иллюстрация той важной функции, которую выполняет в турецком социуме братство халидийя (ответвление «материнской» тарики накшбандийя) спустя 70 лет после того, как суфийские объединения в Турции оказались вне закона. Детальное (и зачастую недоброжелательное) освещение в государственных СМИ и вмешательство президента Сезера, наложившего вето на захоронение Махмуда Эсада Джошана на «закрытом» кладбище мечети Сюлеймание, не дали забыть о двусмысленном отношении секуляристского истеблишмента к братствам. Отдельное внимание в обстоятельствах гибели Джошана привлекал вопрос о силе – «духовной родословной» шейха, которая во многих отношениях определяет пространственную и интеллектуальную подвижность практикующих суфииев. Эта незримая «цепь» тянется от самого Пророка к основателю братства (в случае с накшбандийя-халидийя – сначала к эпониму тариката Баха-ад-Дину Накшбанду (ум. 1389), а затем к Мевляна Халиди (ум. 1836), с которым связывают введение среди последователей практики так называемого «тихого» радения – зикра и проповедь социальной активности). Примечательны и предшественники Махмуда Эсада в сане наставника ветви «Искендер-паша».

Первый из них – Ахмед Гюмюшханеви (ум. 1893) – числился среди советников по духовным делам султана Абдулхамида II. Когда эта ветвь халидийи оправилась после гонений со стороны кемалистского режима, ее новый руководитель Абдулазиз Беккине в 1950-е годы начал вновь собирать вокруг себя честолюбивую молодежь, и в этом его миссию продолжил его преемник Мехмед Захид Котку. На первых порах и тот и другой могли привлечь к себе только личным примером и обаянием: у них не было даже возможности приютить приезжих последователей в суфийской обители. Это не помешало вызреванию чувства прочной сплоченности между братьями по призванию, и именно в таких условиях ответвление братства трансформировалось в джамаат (в собственном смысле слова). Уже в конце 1960-х Захид Котку (ум. 1980), как считается, вдохновил Эрбакана на учреждение первой «исламистской» политической партии в Турецкой Республике. Когда к руководству братства «Искендер-паша» пришел Джошан, он был сороковым в долгой череде шейхов-мюришидов, но первым, кто

сформировался как мыслящая личность за рамками османской образовательной системы, не будучи даже богословом-алимом. Выпускник университета, преподаватель арабской и персидской литературы, новый наставник не только открыто выразил благодарность старшим членам джамаата за помочь в управлении, но и заявил, что даже рядовые собратья должны мыслить критически, в том числе в отношении его самого как мюришида.

Положение последнего как первого среди равных еще более подчеркивает, как представляется, наследник Махмуда Джошана – его сын Нуреддин (род. 1963), менеджер с дипломом одного из колледжей штата Нью-Йорк. «Нуреддин не только был сравнительно молод, когда принял на себя руководство джамаатом, но и намеренно культивировал молодежный имидж: он появился на похоронах отца в “итальянском” дизайнерском костюме и открытой сорочке, в модных черных очках и якобы отказался протянуть руку для ритуального целования (как считается, в знак смирения). Его внешний вид так сильно поразил турецкие СМИ, что передовица “Миллийет” назвала его “Шейх-Миллениум”. Так что, наверное, неудивительно, что, как сообщается, он рассыпает последователям свои благословения (*bereket*) по СМС».

Такой деловой подход к сакральному понятию: ведь Нуреддин Джошан с середины 1980-х годов координировал деловую активность братства. Джошан-отец в 1983 г. принял далеко идущее решение воспользоваться теми возможностями для бизнеса, что предоставляло премьерство (а затем и президентство) Тургута Озала. Это принесло ему лично и братству «Искендер-паша» не только экономическое благосостояние, но и критику из рядов других джамаатов, в том числе бывших последователей его духовного отца, Мехмеда Котку, которые утверждали, что Джошан ведет себя не как суфийский шейх, а как «купец». Однако линия нового наставника лишь отражала неизбежные сдвиги в характере легитимации авторитета в мистическом сообществе.

«Часто приводимой характеристикой суфийских братств является их способность генерировать тесно сплетенные социально-экономические сети широкого охвата и снабжать своих последователей эффективными средствами вертикальной социальной мобильности». Начиная с 1980-х годов целый ряд предприятий, так или иначе связанных с братством «Искендер-паша», обеспечивал его участников рабочими местами, деловыми контактами и возможностями для инвестиций. Так, вакансии в компаниях, руководствующихся принципами исламской экономики, позволяют

клиентам тешить себя иллюзией «этического потребления» (автор приводит аналогию с покупателями «экологически чистой продукции» в специальных супермаркетах). Более того, эти предприятия приносят существенную прибыль, которую джамаат пускает на финансирование своих многочисленных проектов общественного значения. С учетом растущего с того же времени политического влияния постисламистских партий, сначала на муниципальном, а затем и на общенациональном уровне, эти сетевые структуры также облегчали продвижение своих членов на ответственные посты в бюрократии (в частности, на низовом уровне) и в государственные корпорации.

С этими довольно зримыми аспектами активности джамаата сочетается другое значимое поле его притяжения: «воспитание мусульманского религиозного авангарда». В этом плане заслуживает внимания фигура предшественника Джошана, шейха Котку (*hoscaefendi* – «господин учитель», как называли его ученики). Он представлял анатолийской молодежи, стекавшейся в Стамбул 1960–1970-х годов, «некую культурную модель с ее особым пониманием универсума, в сочетании с практическим измерением жизненного пути, корнями уходящего в исламское предание и вместе с тем надежно вписанного в насущные общественные и интеллектуальные нужды».

Фундаментальным элементом этой модели было стремление к «развитию / воспитанию самого себя» (*nefs terbiyesi*) как центральному объекту суфийской дисциплины. В соответствии с накшбандийско-халидийским наследием джамаата этический проект самовоспитания смыкался с моральным, проектом регулирования общественных отношений в соответствии с шариатом. В то же время энергичные и нацеленные на обновление усилия сообщества «Искендер-паша» трудно понять в отрыве от турецкого модерна и даже секуляризма. «Во многом это, по сути свой, “республиканский” ислам», который, однако, еще и «раздвигает рубежи модерна» по двум главным векторам. Во-первых, предлагаемое джамаатом толкование ислама способствовало включению в современность многих из тех, кто длительное время считал ислам великой альтернативой этой самой современности. Во-вторых, многоуровневое вовлечение джамаата в институциональную ткань современного турецкого общества все более лишает основания ставленное секуляристское предубеждение, что накшбандийские братства уже по природе своей противостоят модернизационной программе Республики или просто лежат вне нее.

Этот парадокс не связан с какими-то особенностями накшбандинцев джамаата «Искендер-паша» или суфизма в целом. Джамаат обеспечивает определенную интеллектуально-институциональную парадигму, носителями которой выступают не только лидер вместе со старшими членами, но и каждый отдельный участник группы, и которая направляет, поддерживает и подвергает критической оценке непрерывный процесс обучения и саморазвития, толкуя современную действительность с религиозной точки зрения. Это зачастую выражается в поощрении и помощи, которые оказываются учащимся для прохождения тех или иных ступеней средней и высшей школы (стипендии, студенческие общежития, внепрограммное духовное образование).

В то же самое время джамааты открывают для своих последователей своего рода площадки для обсуждения итогов самосовершенствования в мусульманском духе, проверки и развития своей религиозной подготовки в борьбе за «исламизацию» современного общества. Таковыми могут служить публикации братства «Искендер-паша», которые в 1980–1990-е годы сделали его заметным элементом турецкой исламской печати (популярные журналы «Ислам» и *Kadin ve Aile* – «Женщина и семья»).

Социально-идеологические горизонты сообщества «Искендер-паша» (как и всякого другого джамаата), с одной стороны, будучи беспредельно широкими (как у части вселенского сообщества мусульман), с другой стороны, сужаются самой позицией его внутри ханафитской богословско-правоведческой школы суннизма, что резко противопоставляет его (в турецких реалиях) таким группам верующих, как алевитские общины и неосуфийские кружки. Ныне джамаат «Искендер-паша», как и другие мусульманские организации Турецкой Республики, неукоснительно действует в пространстве, которое определено официальным отделением подконтрольной государству юридической системы (формально не связанной никаким религиозным авторитетом) от области частной морали. По сути, можно сказать, что именно эта автономия (все более высвобождающаяся от унаследованных политических лояльностей, социальных ограничений и устоявшихся интерпретаций ислама) позволяет принимать новые формы самостоятельной динамике суфийской традиции. В условиях интенсивного развития в Турции публичной сферы, которую формируют в равной мере автономные (хотя и мыслящие в категориях морали) индивиды, эта опора на собственные силы особенно плодотворна.

Завет Руми вполне адекватно выражает социально ориентированный курс джамаата «Искендер-паша» при Мехмеде Захиде и Махмуде Эсаде. В самой ли Турции или за ее пределами (по экономическим или политическим причинам) его члены стремятся уравновесить влияние общественной обстановки, индифферентной или враждебной исламу, тем, что вплетают исламскую мотивировку в свое повседневное поведение, следуя положениям фикха, изучая как образец деяния Пророка, запечатленные в собраниях хадисов, ища духовного очищения под водительством своего шейха. «Пример «Искендер-паша» демонстрирует потенциал такого подхода, необыкновенно стимулирующего, поистине инновационного постольку, поскольку он позволяет верующему самолично задействовать исламскую духовность в своей жизни. Внезапный уход Джошана и его предполагаемого преемника и последствия этой катастрофы показывают вместе с тем хрупкость этих рамок. Однако если рассматривать джамаат не изолированно, а как некий узелок в гораздо более широкой сети мусульманских организаций гражданского общества, то даже эта слабость будет свидетельствовать о силе движения за возрождение ислама в Турции, наводя на мысль, что организационная структура суфийского сообщества вполне может сыграть важную роль, связующую религиозных мусульман с исламской традицией».

П. Пинто, доцент антропологии и руководитель Центра ближневосточных исследований при Федеральном университете Флуминензе (Рио-де-Жанейро, Бразилия), отмечает, что понятие «суфийский орден» вплоть до 1990-х годов принималось большинством ученых за основную единицу анализа суфизма как социоисторического феномена в ближневосточных обществах. Однако арабское «тарика» относится к двум, хотя и взаимодополняющим, реалиям:

1) набор доктрин, ритуалов и обрядов инициации, составляющих отдельный мистический путь;

2) институциализированный конструкт отдельной мистической традиции. Эмпирически можно наблюдать, как религиозные дискурсы и практики в суфийских сообществах подвергаются воздействию надлокальных (supra-local) нормативных образцов, которые и формируют мистическую традицию их тарики (догматические и поэтические тексты, устные повествования, память о фигурах, овеянных сверхъестественным ореолом, ритуализованное поведение). Однако на деле рубежи, содержание и использование

такой традиции представляют великое множество локальных вариаций.

Религиозные практики и учения, которые как суфии, так и те, кто к ним не относится, могут приписывать одной отдельно взятой тарике, на поверку оказываются приняты у целого ряда братств. Так, прободение тела осколками стекла приписывается в Сирии одной рифайе, но встречается оно и в обителях-завиях кадирий и накшбандий по всей северной части страны. Точно так же не всегда выдерживает строгую критику устоявшийся образ накшбандий, с ее более трезвыми формами богопочитания – тихим зикром и религиозностью, центрирующейся вокруг священных текстов и умения их толковать. В завии в окрестностях Алеппо представители братства исполняют песнопения в восхваление Пророка под аккомпанемент барабанов, а авторитет местного шейха подкрепляет не столько компетентность в коранической экзегетике, сколько вера окружающих в его способность творить чудеса и распространять бараку.

Социальная организация тарики зиждется на возникновении региональных и транснациональных сетей через создание новых локальных сообществ или консолидацию уже существующих под религиозной властью единого шейха. Степень однородности ритуальных и доктринальных сторон различных сообществ в подобных структурах напрямую связана с уровнем материальной и / или символической зависимости их шейхов от ведущего шейха тарики. Конкретная кодификация мистического пути тем или иным шейхом, скорее всего, послужит предметом более или менее тщательного подражания в новом сообществе, основанном его заместителем (халифа), который воспринял от него как знания, так и бараку. По мере ослабления этих связей скорее всплывают обрядовые и доктринальные вариации. Этот процесс может разворачиваться циклами экспансии и фрагментации, когда шейх и его сообщество могут вырываться из существующих сетей и закладывать основы своей собственной организации, не оставляя претензий на принадлежность к старому объединению.

«В силу всего сказанного, тарику лучше понимать не как стабильный ритуал и вероучительную традицию, или же четко очерченное моральное единство, а как идиому-классификатор, которая используется для установления корреляции между различными складами суфийской религиозности и идеализированными предписаниями мистического пути. Притом что тарика широко задействуется суфийскими шейхами как орудие легитимации

своего религиозного авторитета и мистических конструктов, она, как представляется, слабо влияет на конфигурацию религиозных идентичностей членов суфийских сообществ».

Вместо того чтобы трактовать суфизм с позиции орденов, стоит сосредоточиться на самих процессах, которые допускают производство и применение конкретных конструктов суфийской традиции в каждом из местных сообществ. Становление локальных форм суфизма находится в зависимости от способности шейха воплотить в себе мистический путь и привести его в действие как основополагающий элемент во взаимоотношениях со своими последователями. Таким образом, именно религиозный авторитет шейха и поддерживающие его властные рычаги выступают как центральные силы в процессе производства, циркуляции и воспроизведения любой отдельной конфигурации суфийской традиции.

Поскольку не существует вполне интегрированного или единообразного поля властных отношений, которое бы соединяло различные суфийские сообщества, притязывающие на связь с той или иной тарикой, дискретные формы, которые может принимать мистическая традиция, каждый раз строятся заново по итогам дискуссии относительно источников и способов легитимного осуществления власти. Кроме того, успешное проведение в жизнь того или иного извода суфийской традиции зависит не только от способности его носителей навязать или утвердить свой авторитет, но и от умения их противников оказать этому сопротивление, избежать или переосмыслить данное изменение в свою пользу.

Основным объектом рассмотрения П. Пинто избрал институты «материнского» братства кадирийя (одного из самых распространенных в исламском мире), функционирующие во втором по численности населения центре Сирии – Халебе. Иерархическое устройство братства, унаследованное от османских времен, предполагает главенство среди старинных обителей-завий города аль-Хилалий, получившей название по семейству аль-Хилали, которое передает сан верховного шейха кадирийи в Халебе по наследству. Доныне шейхи аль-Хилали определяют доктринальное и ритуальное содержание всей публичной активности подведомственных им завий. «Такая властная организация обеспечивает высокий уровень стабильности в производстве, разграничении и циркуляции местных конструктов кадирийской традиции».

Сравнительно равномерное распределение того или иного конструкта традиции кадирийя между известными завиями, подчиненными верховному шейху (в частности, халебскими

аль-Хилалийей и аль-Баджинкийей), отнюдь не означает, что через них распространяются сходные формы религиозности или суфийские идентичности. Если сообщество, группирующееся вокруг аль-Хилалийи, определяется через приверженность его членов текстуальной практике и общности в понимании морального поведения, то для сообщества аль-Баджинкийи характерны приоритет благодати-барака и упор на индивидуализацию религиозного опыта.

Различия, существующие между религиозными сообществами, которые разделяют общий конструкт, например кадирийской традиции, показывают, что анализ роли суфизма в оформлении конфигурации таких сообществ и в целом идентичностей в современной Сирии не может сводиться к вопросу распределения власти. Он должен пытаться раскрыть механизм воплощения тех или иных аспектов осуществления власти в соответствующие формы кодификации, передачи и реализации символов, через которые взаимодействуют и реализуются различные суфийские традиции. «Специфическая комбинация религиозных идиом – вероучения, обрядности, образности, – в которой закодирован каждый конструкт суфийской традиции, разграничивает особый ряд коммуникативных, интерпретационных и практических возможностей в разных контекстах. В то время как дискурсивные смыслы, которые педагогически транслируются в текстах, ритуалах и публичных выступлениях, порождают общий набор идей, ценностей, а также когнитивный потенциал членов данного сообщества, образные метафоры, транслируемые через ритуальную манипуляцию конкретными символами, подготавливают имплицитную предрасположенность и религиозный опыт, которые индивидуализируют их в соответствии с уровнем посвящения на мистическом пути».

Еще одна важная проблема заключается в том, каким образом эти религиозные идиомы задействуются в качестве дисциплинарных практик. Специфические аспекты традиции могут выходить на передний план, устраниться или переосмысляться в зависимости от контекста – будь то проповедь (хутба), урок (даре) или молитвенное собрание (хадра) – и от аудитории, которая может варьировать от группы муридов до безликой толпы.

Харизматическая природа авторитета в суфизме подспудно выражается в самом различии между экзотерической (захыри) и экзотерической (батини) истинами, которое и выступает организующим началом в исламском мистицизме. «Такая религиозная эпистемология позволяет вписать индивидуальное творчество в сердцевину институциализированных процессов трансляции су-

фийской традиции. Если общее знание всегда остается привязанным к поверхностным и потенциально иллюзорным реальностям, то существует возможность и даже потребность в их «корректировке» при помощи эзотерических озарений. Так, шейхи аль-Хилалий и аль-Баджинкий легитимируют свое религиозное знание, помещая его в цепи передатчиков (силсила), которая в некоторой степени объединяет всех кадирийских наставников, но в то же время неизменно утверждают уникальность и превосходство своих эзотерических способностей и мистических сил».

Эзотерическое измерение религиозного знания, в свою очередь, транслируется в ритуальном обиходе и дисциплинарных практиках через манипуляцию конкретными символами – любовью как пережитым опытом или Пророком и его семейством как архетипом эмоциональной чувствительности и нравственных ценностей. Тот факт, что данная символика имеет множественные семантические слои, для понимания которых требуется не только интеллектуальное раскодирование их когнитивного содержания, но и соответствующее эмоционально-экзистенциальное переживание, не дает им застыть и превратиться в косную рутину.

*Реферат подготовил Т.К. Кораев
«РЖ: Социальные и гуманитарные науки. Серия 9.
Востоковедение и африканистика», М., 2012 г., № 2.*

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ НА ЮГЕ РОССИИ

В настоящее время в Российской Федерации проживает более 100 национальностей. Специфика ситуации состоит в том, что 81% приходится на долю одного народа – русского, а лишь 19% – на все остальные. В постсоветский период стихийно сформировалась впечатляющая по своим масштабам религиозная инфраструктура. Сегодня можно констатировать наличие достаточно стабильного конфессионального ландшафта. Д.Г. Котеленко* пишет: «Бурный рост религиозных организаций в постсоветской России завершился к 2004–2006 гг. В настоящее время общее число орга-

* Религиозный фактор и проблемы безопасности Юга России / Г.Г. Матишов, Д.Г. Котеленко, В.А. Авксентьев и др. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – 160 с.

низаций (зарегистрированных и незарегистрированных) превысило 5 тыс. Основными вероисповеданиями (по числу верующих и религиозных организаций) на Юге России являются православие, ислам и пять основных неопротестантских конфессий (евангельские христиане, баптисты, пятидесятники, адвентисты и Свидетели Иеговы).

Православный и исламский пояс существенно различаются по консолидированности, наполненности, интенсивности религиозных проявлений. На территориях традиционного распространения ислама отмечаются высокое число и высокая плотность религиозных организаций. Абсолютно и с большим отрывом лидируют Дагестанское нагорье и Карачаево-Черкесия (карачаевские районы). Православный пояс отстает по обоим показателям в разы (Карачаево-Черкесская Республика) и в десятки раз (Дагестан). Сверхрелигиозные центры включают также Чечню и Ингушетию».

По мнению Д.Г. Котеленко, серьезных изменений этноконфессиональных границ на Юге России в ближайшие годы ожидать не стоит, поскольку:

– достаточно четко обозначились границы традиционных конфессий. Ислам за последние 18 лет не продвинулся дальше, хотя условия и возможности для этого были. Кроме того, неизвестно, насколько жесткое сопротивление будет встречать продвижение ислама на православных территориях. Тем не менее границы «исламских» регионов Северо-Восточного Кавказа останутся закрытыми для религиозных интервенций;

– географически дисперсная миграция (в сельские районы) имеет пределы, в отличие от миграции в города (емкость связана с экстенсивным характером сельского производства, обостряющего конфликты за ресурсы). Некоторое «продвижение» ислама было связано, в первую очередь, с «освоением» новых территорий;

– наступил период стабилизации и укрепления государства и общества, а период духовных исканий и экспериментов в целом завершился. Неопротестантские конфессии исчерпали возможности для существенного увеличения численности на Юге.

Религия, будучи социальной подсистемой общества, многообразными связями переплетающейся с другими компонентами общественной системы, в той или иной мере всегда является фактором определенного состояния или изменения этой системы. Превращение ее в реальный фактор конкретных общественных процессов, в том числе в сфере межнациональных отношений,

происходит путем выполнения религией соответствующих социальных функций.

Проявления религии многообразны, что определяется сложностью и неоднозначностью ее внутренней структуры и многообразием ее компонентов и связей. А.М. Буттаева пишет: «На протяжении столетий религия формировала отношение человека к миру, природе и к жизни в целом. Начавшийся в последние десятилетия процесс массового обращения людей к духовным ценностям национальных культур (к христианству у одних, к исламу и буддизму у других народов) неразрывно связан с поиском и формулированием законов морально-этического поведения в обществе. Являясь частью общественного организма, религия также испытывает на себе влияние нарастающих глобальных процессов, поэтому необходимо использовать ее традиционные ценности в определении отношений человека с современной поликультурной средой».

За последние годы в мире, в том числе и в нашей стране, интерес к исламской проблеме значительно возрос. Он обусловлен крупномасштабными процессами, происходящими в современном мусульманском мире. События глобального характера, происходящие в регионе Ближнего Востока, привели к образованию таких противоречий, которые опасны для всего мира. Ислам не только играет активную роль в урегулировании региональных событий, но и оказывает значительное влияние на мировую geopolитическую картину.

Наиболее конфликтогенный характер этноконфессиональные отношения на Юге России носили в 90-е годы прошлого века. Взаимоотношения между народами Российской Федерации имели сложный противоречивый характер. Религиозный фактор, как правило, оказывает на общества и политические системы долговременное влияние, которое не всегда легко оценить сразу, в текущий момент.

В коллективной монографии ученых Южного научного центра РАН, возглавляемого академиком Г.Г. Матишовым, комплексно исследуются роль и значение религиозного фактора на южных рубежах России, его влияние на безопасность нашего государства. В работе выявлены основные тенденции развития религиозных сообществ на Юге России, проанализировано воздействие религиозного фактора на социально-политические процессы, протекающие на Северном Кавказе и в России в целом, сформулированы рекомендации органам власти в отношении ключевых проблем этноконфессионального развития.

Работа выполнена в рамках: программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Пространственное развитие Российской Федерации: междисциплинарный синтез»; подпрограммы № 12 «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона»; проекта «Функционирование и развитие религиозных сообществ на Юге России» (2009–2010). В авторский коллектив монографии вошли известные российские ученые Г.Г. Матишов, Д.Г. Котеленко, В.А. Авксентьев, С.С. Белоусов, И.А. Миронов, М.Ю. Филиппов, М.Б. Марзаева, С.В. Ратнер, С.А. Раздольский, В.Ю. Валявин. Ответственными редакторами книги являются доктор философских наук С.Я. Сущий и доктор исторических наук Т.П. Хлынина.

По мнению авторов монографии, большинство работ, в которых рассматривается современная этноконфессиональная ситуация на Юге России, представлено исследованиями отдельных проблем религиозной жизни, регионов или вероисповеданий. Предлагаемое исследование представляет одну из первых попыток комплексного анализа религиозной ситуации в макрорегионе.

Использованный авторами подход, включающий в себя пространственный, конфликтологический и системный анализ, представлен в четырех томах «Атласа социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России», изданного Южным научным центром РАН. Отметим, что в монографии использованы данные о религиозных организациях, предоставленные Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Ростовской области, Комитетом по делам религии Министерства национальной политики, информации и внешних связей Республики Дагестан, аналитические материалы органов власти, многочисленные архивы российских новостных сайтов и другие источники.

Нельзя не согласиться с точкой зрения авторов, что «продолжающаяся сегментация политических систем развитых стран во многом обусловлена тем, что национально-политическую самоидентификацию теснят этническо-религиозные групповые идентичности. Последние трудно согласовать между собой, а достигаемый консенсус оказывается более хрупок, что в целом не только снижает запас устойчивости демократических систем, но, как свидетельствуют события последних лет, угрожает самому их существованию».

В 90-е годы конфессиональная идентичность была одним из множества факторов, которые удерживали трансформирующееся российское общество и государство от распада. Однако сегодня

стало очевидно, что на этой основе не удастся сформировать прочный фундамент национальной идентичности. Религия – даже в самых умиротворенных проявлениях – разделяет людей разной веры. Очевидно, что власть сознает опасность конфессиональной неоднородности страны и пытается ее преодолеть, снижая в общественной жизни значение религии».

Культурное многообразие России представляет собой сумму этнических и конфессиональных идентичностей более 100 народов, проживающих на территории государства. Феномен современного российского самосознания возник на основе межэтнического, межконфессионального и межкультурного взаимодействия и взаимовлияния, имеющего многовековую историю. Мы рассматриваем этническую и религиозную идентичности в качестве базовых ценностей, оказавших решающее влияние на становление общероссийской культурной и цивилизационной традиции. В России в настоящее время идет процесс формирования общенациональной идентичности, на государственном уровне предпринимаются попытки сформировать единую общенациональную идентичность различными средствами, не всегда успешные в силу того, что воплощение предлагаемых на государственном уровне идей, которые способствовали бы формированию общей идентичности, сталкивается с серьезными препятствиями.

Одной из серьезных причин такой ситуации является социокультурная поляризация и, как следствие этого, нетерпимость. Будучи прямым следствием неспособности примирить те или иные этнические, социокультурные и конфессиональные различия, она стала сегодня крупнейшим препятствием на пути становления общенациональной российской идентичности. Эта тенденция характерна не только для России. Радикальная модернизация всех общественных отношений, осуществляемая в пределах очень короткого исторического периода, неизбежно приводит к обострению ряда проблем – политических, экономических, культурных, социально-психологических, межнациональных и межконфессиональных. В современных условиях фокус внимания все больше смещается в область взаимодействия различных социально-экономических, политических, социокультурных тенденций, которые определяют параметры отношений между человеком и природой, государством и обществом, властью и индивидом.

Первым шагом на пути решения проблемы наметившегося социокультурного размежевания, как полагают авторы книги, должен стать обстоятельный анализ текущей ситуации. Попытка

подобного анализа представлена в первой главе книги – «Неуправляемое религиозное возрождение и проблема социокультурного размежевания». Социокультурное пространство социума и его региона можно охарактеризовать как множество субъектов культуры и социальности, которые устойчиво связаны с определенной территорией, действуют на ее объекты и взаимодействуют между собой. Их взаимодействие образует социокультурные поля, в которых развиваются центр и периферия, узлы и диффузные рыхлости, горизонтальные и вертикальные структуры, между которыми осуществляется мобильность населения, проживающего на данной территории. Определенные результаты взаимодействия представляют собой наблюдаемый (визуальный) слой социокультурного ландшафта, на котором вырастает идентичность населения с теми или иными ареалами социокультурного пространства. Интенсивность идентичности зависит от социокультурных смыслов ареала, от физической близости / отдаленности его субъектов друг от друга, от характера и скорости коммуникации между ними. Символическое, предметное и институциональное пространства региона тесно переплетаются.

По мнению авторов, картографирование, или визуализация проблемы, в значительной степени облегчает ее понимание, а в конечном счете и поиск приемлемого решения. В книге дано картографирование итогов религиозного возрождения в постсоветской России, которое, как они считают, позволило выявить наиболее узкие места и проблемные точки, на которые в первую очередь следует обратить внимание. Было проанализировано распределение религиозных организаций по территории городов и районов в субъектах Российской Федерации, расположенных в пределах Южного федерального округа (в границах до 2010 г.). В 299 муниципальных образованиях действовало более 5200 религиозных организаций, из них было зарегистрировано примерно 3500.

Несомненный интерес для нас представляет анализ распределения религиозных организаций по территории Дагестана. Как отмечается в книге, высокий уровень религиозности характерен для обществ с традиционной культурой. «Возможно, не случайно по числу мечетей Дагестан вернулся к показателям начала XX в. По сравнению с тем же периодом “русские” регионы имеют на душу населения в среднем в пять раз меньшее число религиозных организаций. Уровень религиозности (по крайней мере, в том, что касается числа мечетей на душу населения) сопоставим с таковыми в странах исламского мира. Например, аналогичные показатели

демонстрирует 70-миллионная Турция с ее 80 тыс. мечетей, тогда как в России с населением 141 млн. человек насчитывается порядка 30 тыс. религиозных организаций».

Изменения этноконфессионального ландшафта Юга России, произошедшие в постсоветской России, характеризуются авторами как расширение зоны ислама за счет традиционных территорий распространения православия и буддизма. Наиболее зримо эта динамика проявляется в сельской местности, где постепенно нарастает присутствие мусульман и снижается доля православных и буддистов. Подобные изменения несут определенный конфликтный заряд. Соприкосновение двух этнокультурных полей – исламского и православного – создает напряжение, проявляющееся в эпизодических конфликтах.

Вторая глава книги называется «Тerrorизм и исламские ценности на Северном Кавказе». В ней авторы рассматривают возможные сценарии развития военно-политической ситуации на Северном Кавказе в связи с реальной угрозой терроризма и религиозно-политического экстремизма в регионе. За последние годы лидеры сепаратистов изменили свою стратегию и идеологию. Наиболее значимым фактором в этой связи представляется деятельность консолидированного террористического подполья, опирающегося на идеологию радикального ислама. До недавнего времени комплекс социально-политических и экономических проблем южного макрорегиона рассматривался учеными в качестве главной угрозы безопасности и основного препятствия для устойчивого развития, в то время как деятельность террористического подполья квалифицировалась всего лишь как один из вызовов стабильности и безопасности государства и общества. Усилинию террористического подполья способствуют также недоверие к действующей власти со стороны значительной части населения, концентрация в обществе протестной энергии. По мнению авторов, существует риск исламизации Северо-Кавказского региона по афганскому сценарию.

Нельзя не согласиться с мнением авторов монографии, что исламское возрождение – процесс стихийный, несмотря на стремление региональных и зарубежных игроков использовать его в своих интересах, влиять на его развитие для дестабилизации ситуации на Северном Кавказе. Тем не менее значительную роль в развитии событий по неблагоприятному сценарию сыграли действия самой федеральной власти, сделавшей ставку на поддержку традиционного ислама в качестве противовеса исламу радикаль-

ному. Неожиданные последствия всегда будут сопутствовать принимаемым решениям при отсутствии долгосрочной стратегии, при ситуационном реагировании.

Многие эксперты и ученые в постсоветский период ориентировали власть на оказание поддержки традиционному исламу. Эта идея, со своей стороны, лоббировалась на региональном и федеральном уровнях исламским духовенством северокавказских республик. И если последнее вместе с поддержкой властей получало доступ к ресурсам влияния, то результатом становилось усиление влияния исламского образа жизни, исламских ценностей на жизнь северокавказских обществ. Религиозная пропаганда, направленная в первую очередь на молодежь, вместе с приобщением ее к основам веры, к исламской культуре, нравственности, одновременно формировала косный, догматический тип мышления, авторитарно-консервативные, традиционалистские стратегии социального поведения.

Несомненно, что региональные власти рассчитывали, что поддержка традиционных исламских деятелей продлит их пребывание у власти. От себя добавим, что во многом их поведение копировало заигрывание с религиозными деятелями федеральной власти, целью которой было использование всей палитры политических влияний на все слои населения с целью сохранения своих позиций. В результате непродуманной и неуправляемой пропаганды традиционалистских ценностей религиозная идеология захватила освободившуюся нишу, тем самым были созданы благоприятные идеологические условия для распространения в Северо-Кавказском регионе религиозного экстремизма вкупе с сепаратистскими устремлениями. Поддерживая неконтролируемый процесс возрождения традиционного ислама, власть не учла, что способность пробудить и способность управлять религиозным возрождением – не одно и то же.

Отметим, что в книге сделаны достаточно объективные и обоснованные выводы, иногда поражающие своей прямотой и критическим отношением. «Процесс религиозного возрождения былпущен на самотек. Местные власти рассчитывали тем самым завоевать симпатии населения и упрочить свое положение. Однако идеи самоорганизации и саморегулирования религиозной сферы себя не оправдали: “джинн был выпущен из бутылки”. И ситуация вышла из-под контроля. Складывается абсурдная ситуация: с целью борьбы с распространением радикальных идей республиканские и местные власти санкционируют усиление религиозной

пропаганды со стороны традиционных структур. Как можно бороться с исламским радикализмом с помощью фактической исламизации?».

Авторами подробно исследуются причины исламизации молодежи на Северном Кавказе. В постсоветский период молодежь оказалась предоставленной самой себе, в отличие от советского времени, когда государство брало на себя заботу о подрастающих поколениях, о реализации энергии молодежи в общественно полезной сфере. В результате выросло целое поколение молодых людей, основой мировоззрения которых стала религия. Подавляющее число участников современного террористического подполья на Северном Кавказе составляют 15–20-летние молодые люди, сильно отличающиеся по своим идейным установкам от поколения 25–30-летних, придерживающихся более светских и умеренных взглядов. Исламисты опасны тем, что они имеют вполне конкретную цель – осуществление исламистского политического проекта, т.е. захвата политической власти. Эти идеи становятся вполне реальным оружием, особенно когда в обществе не создано внятных, разделяемых большинством населения идеологических приоритетов развития. Результатом исламского возрождения на Северном Кавказе стало появление целого поколения, чрезвычайно восприимчивого к идеям радикального ислама.

Как отмечают авторы книги, в последние годы мы столкнулись только с первыми результатами исламского возрождения на Юге России. В действие пришел своеобразный механизм культурной инерции, и чтобы преодолеть создавшееся положение, потребуются длительные усилия. Одной из важнейших является задача последовательного утверждения светских ценностей в сфере образования, политике, СМИ, образе жизни. Согласимся, что культурные факторы, в отличие от социально-экономических, способны оказывать несопоставимо более глубокое влияние на жизнь общества, определять траекторию его развития на длительную перспективу.

Третья глава книги посвящена исследованию различных сетевых религиозных сообществ в регионе. Традиционно они квалифицируются как протестанты, однако это качественно новое явление, обозначаемое как неопротестантизм, который объединяет баптистов, евангельских христиан, адвентистов, Свидетелей Иеговы, пятидесятников и др. Обращает на себя внимание тот факт, что особенно интенсивно многочисленные западные вероисповедания представлены в районах «цветных» революций, на территориях,

имеющих большое геополитическое и геостратегическое значение, в регионах, выступающих объектами притязания внешних сил.

Если до 1991 г. неопротестантские проповедники вели масштабную миссионерскую деятельность по всему миру, исключая страны исламского мира и СССР, то с распадом Советского Союза для них открылось новое пространство для деятельности. На данный момент в России совокупная доля этих конфессий от общего числа религиозных организаций достигает 25–40%, а число верующих исчисляется сотнями тысяч.

Сегодня этнически в составе российских неопротестантов абсолютно преобладают русские украинцы. Однако нельзя утверждать, что другие народы Юга России обладают духовным иммунитетом по отношению к любым версиям неопротестантизма. Среди евангельских христиан, неопятидесятников, адвентистов, Свидетелей Иеговы есть адыгейцы, армяне, евреи, немцы, калмыки, корейцы, осетины, лезгины и представители других национальностей. Таким образом, неопротестанты являются весомой частью конфессионального ландшафта Юга России.

Несомненно справедливым является вывод авторов, что религиозный фактор будет оказывать важное влияние на общественно-политическую ситуацию на Юге России, в том числе и на Северном Кавказе. Приводится широкий перечень возможных негативных последствий этого влияния, среди которых, к примеру, такие, как размежевание, снижение лояльности, архаизация, рост насилия, терроризм.

Ограничивающим фактором, который бы упорядочил религиозное возрождение, в настоящее время могла бы стать соответствующая политика федеральной власти, что не означает ограничения религиозной свободы, а всего лишь предполагает защиту ценностей светского общества и государства. Отметим, что книга рассчитана не только на управленцев-практиков и специалистов, изучающих данную проблематику, но и на широкий круг читателей.

*Рецензию подготовила Г.И. Юсупова,
доктор философских наук (Региональный центр
этнополитических исследований ДНЦ РАН).
«Вестник Дагестанского научного центра»,
Махачкала, 2011 г., № 43, с. 138–142.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2012 – 10 (244)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 11/IX-2012 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 9,8
Тираж 500 экз. Заказ № 150

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9